

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 2500-2783 (online)

**Серия «Естественные,
общественные науки»**

2022

Выпуск 1

ISSN 2500-2783 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

2022. Вып. 1

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации
27.05.2016 г. как электронное сетевое издание

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(*председатель*)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)
- К. Я. Авербух**, д-р филол. наук (Москва)
- Ю. М. Воронов**, д-р полит. наук
- Н. В. Усольцева**, д-р хим. наук
- Ю. М. Резник**, д-р филос. наук (Москва)
- О. А. Хасбулатова**, д-р ист. наук
- Л. В. Михеева**
(*ответственный секретарь*)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»:

- Б. Я. Солон**, д-р физ.-мат. наук
(*главный редактор серии*)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
- Т. А. Воронова**, канд. пед. наук
- М. В. Клюев**, д-р хим. наук
- В. А. Исаев**, д-р биол. наук
- Д. И. Молдавский**, д-р физ.-мат. наук
- Е. В. Соколов**, канд. физ.-мат. наук
- В. А. Годлевский**, д-р техн. наук
- Л. И. Минеев**, канд. физ.-мат. наук
- О. В. Кузьмина**, канд. юрид. наук
- Д. В. Кареев**, канд. ист. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2022

ISSN 2500-2783 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «Natural, Social Sciences»

2022. Issue 1

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered at the National ISSN Agency of the Russian Federation
on 27.05.2016 as an electronic online publication

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics
(Chairman)
- V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
- K. Ya. Averbukh*, Doctor of Philology
(Moscow)
- Yu. M. Voronov*, Doctor of Politics
- N. V. Usoltseva*, Doctor of Chemistry
- Yu. M. Reznik*, Doctor of Philosophy
(Moscow)
- O. A. Khasbulatova*, Doctor of History
- L. V. Mikheeva* (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

«NATURAL, SOCIAL SCIENCES»:

- B. Ya. Solon*, Doctor of Physics
and Mathematics
(Chief Editor of the Series)
- V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology
- T. A. Voronova*, Candidate of Science
- M. V. Klyuev*, Doctor of Chemistry
- V. A. Isaev*, Doctor of Biology
- D. I. Moldavansky*, Doctor of Physics
and Mathematics
- E. V. Sokolov*, Candidate of Science,
Physics and Mathematics
- V. A. Godlevsky*, Doctor of Technical Science
- L. I. Mineev*, Candidate of Technical Science
- O. V. Kuzmina*, Candidate of Science, Law
- D. V. Kareev*, Candidate of Science, History

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 7

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВК 2020**

Кузьмина О. В. Проблемы реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства в Российской Федерации	9
Коваль С. П. Место Государственного Совета РФ в единой системе публичной власти России в контексте конституционных поправок	17
Бредихин А. Л. Новый статус местного самоуправления в свете поправок к Конституции Российской Федерации	23
Вальков С. В. Перспективы реализации социальной функции государства в контексте социальной солидарности	28
Крутий Е. А. Международно-правовые и конституционно-правовые аспекты ограничительных экономических мер (санкций)	32
Ковалев С. Е. Конституционализация российского уголовного процесса	40
Исаева А. Д. Конституционный принцип защиты семьи, материнства и детства ...	45
Васильева А. М., Воронкова А. С. Особенности правового регулирования ограничения конституционного права человека на неприкосновенность жилища в исполнительном производстве	52
Куликова Я. А. Проблемы реализации конституционного принципа равноправия в трудовых отношениях	55

**РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
(К 300-летию образования и 30-летию принятия закона РФ
«О прокуратуре российской федерации»)**

Исаева Н. В. Правовая и профессиональная идентичности на государственной службе: проблемы соотношения	60
Лапшин А. Н. Прокуратура и проблемы указного права	67
Варавва А. Н. Особенности правового статуса прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях	73

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ
(На примере Ивановского государственного университета):
ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Таибова О. Ю. Соблюдение прав иностранных граждан в Российской Федерации в условиях пандемии	76

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Ерофеева Е. В. Обращения граждан как способ административно-правовой защиты	82
Куликова А. А. Проблемы реализации конституционных прав осужденных	85
Куракина М. А. Эффективность правосудия по уголовным делам как способа защиты социальных прав человека	89
Лаврова В. С. Выборы 2021: законодательные новеллы и практика голосования	92
Пронин П. А. Влияние конституционных поправок на развитие парламентаризма в Российской Федерации	96
Семьяшкин М. Д. Управление в сфере реализации жилищной политики в Российской Федерации: состояние и проблемы развития	99
Сидоренко В. О. К вопросу об особенностях надзорной деятельности прокуратуры за исправительными учреждениями	103
Скотникова М. М. Конституционные новеллы в укреплении национальной безопасности Российской Федерации	106
Смирнов В. П. Актуальные проблемы административной ответственности несовершеннолетних	109
Смирнова Д. М., Исаева А. Д. Правовое регулирование брачного договора в российском семейном праве	112
Тиркиа Т. Г., Литова В. Р. Конституционный Суд Российской Федерации в контексте законодательных новелл	118
Третьяков Д. А. Конституционные модели глав государств в современном мире	122
Тупыгина В. Е. Проблемные вопросы обеспечения военнослужащих жильем в Российской Федерации	126

РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕОРИИ ПРАВОТВОРЧЕСТВА,
ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

(К 90-летию со дня рождения профессора Альберта Сергеевича Пиголкина)

Поцелуев Е. Л. А. С. Пиголкин — автор учебной литературы по теории государства и права, интерпретатор Конституции Российской Федерации: штрихи научной биографии	129
Петрова Е. А. К вопросу о понятии правотворчества: сравнительно-правовой аспект	149
Беляев М. А. Цифровые технологии, правотворчество и делиберативные процедуры принятия решений	154
Скоробогатов А. В. Правоприменение в аксиологическом аспекте	161
Мачин И. Ф. Судья больше чем юрист: интроспекции Бенжамина Кардозо и Карлоса Коссио	172
Михайлов А. М., Костикова А. А. Английский юридический позитивизм между Остином и Хартом: понимание права и юриспруденции в учениях Т. Э. Холланда и Дж. У. Сэлмонда	178
Малиновская Н. В. Европейская традиция интерпретации права	187

Информация для авторов журнала «Вестник Ивановского государственного университета»	194

CONTENTS

From the editorial board 7

**STATE BUILDING IN RUSSIA: EXPERIENCE AND PROSPECTS
FOR THE IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL AMENDMENTS 2020**

Kuzmina O. V. Problems of the implementation of judicial power through criminal proceedings in the Russian Federation	9
Koval S. P. The place of the State Council of the Russian Federation in the unified system of public power of Russia in the context of constitutional amendments	17
Bredikhin A. L. The new status of local self-government in the light of amendments to the constitution of the Russian Federation	23
Valkov S. V. Prospects for the implementation of the social function of the state in the context of social solidarity in the amendments to the constitution of Russia of 2020	28
Krutij E. A. International legal and constitutional aspects of restrictive economic measures (sanctions)	32
Kovalev S. E. Constitutionalization of the Russian criminal process	40
Isaeva A. D. Constitutional principle of protection of the family, motherhood and childhood	45
Vasilieva A. M., Voronkova A. S. Features of legal regulation of the limitation of the constitutional human right to the integrity of housing in executive production	52
Kulikova Ya. A. Problems of implementation of the constitutional principle of equality in labor relations	55

**THE ROLE OF THE RUSSIAN PROSECUTOR'S OFFICE
IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION
AND ENSURING HUMAN RIGHTS
(To the 300th anniversary of education and the 30th
anniversary of the adoption of the law of the Russian
Federation "On the prosecutor's office of the Russian Federation")**

Isaeva N. V. Legal and professional identities in the public service: problems of correlation	60
Lapshin A. N. Prosecution and problems design right	67
Varava A. N. Features of the legal status of the prosecutor in proceedings on cases of administrative offenses	73

**SOCIAL AND LEGAL SUPPORT OF FOREIGN STUDENTS
IN RUSSIAN UNIVERSITIES (On the example of Ivanovo state university):
PRACTICE AND PROSPECTS**

Taibova O. Yu. Respect for the rights of foreign citizens in the Russian Federation during the pandemic	76

STATE-LEGAL PROBLEMS THROUGH THE EYES OF YOUNG SCIENTISTS

Erofeeva E. V. Citizens' appeals as a way of administrative and legal protection	82
Kulikova A. A. Problems of realization of constitutional rights convicts	85
Kurakina M. A. Effectiveness of justice in criminal cases as a way to protection of human social rights	89
Lavrova V. S. Elections 2021: legislative novelties and voting practices	92
Pronin P. A. The impact of constitutional amendments on the development of parliamentarism in the Russian Federation	96
Semyashkin M. D. Management in the sphere of implementation of housing policy in the Russian Federation: status and problems of development	99
Sidorenko V. O. To the question of the specifics of the prosecutor's office's supervision of correctional institutions	103
Skotnikova M. M. Constitutional novelties in strengthening the national security of the Russian Federation	106
Smirnov V. P. Actual problems of administrative responsibility of minors	109
Smirnova D. M., Isaeva A. D. Legal regulation of the marriage contract in Russian family law	112
Tirkia T. G., Litova V. R. Constitutional Court of the Russian Federation in the context of legislative news	118
Tretyakov D. A. Constitutional models of heads of state in the modern world	122
Tupygina V. E. Problemal issues of providing military services with housing in the Russian Federation	126

**RUSSIAN AND FOREIGN THEORIES OF LAW-MAKING,
INTERPRETATION AND LAW ENFORCEMENT
(On the 90th anniversary of the birth of Professor Albert Sergeevich Pigolkin)**

Potseluev E. L. A. S. Pigolkin as writer of textbooks on theory of state and law, as an expositor of the Constitution of the Russian Federation: traits of scholarly biography	129
Petrova E. A. On the question of the concept of law-making: comparative legal aspect	149
Belyaev M. A. Digital technologies, law-making and deliberative procedures decision-making	154
Skorobogatov A. V. Law enforcement in the axiological aspect	161
Machin I. F. A judge is more than a lawyer: introspection Benjamin Cardozo and Carlos Cossio	172
Mikhailov A. M., Kostikova A. A. English legal positivism between Austin and Hart: Understanding of law and jurisprudence in the teachings of T. E. Holland and J. W. Salmond	178
Malinovskaya N. V. The European tradition of interpretation of law	187

<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	194

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В настоящем выпуске журнала публикуются материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции «Государственное строительство в России: опыт и перспективы реализации конституционных поправок 2020», посвященная дню принятия Конституции Российской Федерации и прошедшая 17—18 декабря 2021 года в Ивановском государственном университете.

В рамках конференции была организована целая серия научных и практических мероприятий. На пленарном заседании, где было заслушано десять докладов, прозвучал теоретико-правовой анализ поправок, показана роль судов в защите конституционных прав, рассмотрен опыт законодательного воплощения конституционного принципа единства системы публичной власти. Интерес вызвали проблемы реализации социальной функции государства, введения экономических санкций. Среди выступающих — Шмелева Светлана Анатольевна, Уполномоченный по правам человека в Ивановской области, ученые и практики из Иваново, Санкт-Петербурга, Самары, Шуи, Ярославля.

К 300-летию российской прокуратуры был проведен круглый стол, в котором приняли участие не только ученые, но работники прокуратуры Ивановской области, правозащитники, студенты. Дискуссию вызвали выступления Криницыной Ирины Сергеевны, начальника отдела по надзору за соблюдением законодательства в сфере экономики и оборонно-промышленного комплекса Управления по надзору за исполнением федерального законодательства прокуратуры Ивановской области, старшего советника юстиции, а также Лапшина Анатолия Никоноровича, члена Координационного совета Ивановского областного общества прав человека, члена Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Ивановской области.

В связи с реализацией внутреннего гранта Ивановского государственного университета в рамках конференции в формате круглого стола прошло обсуждение проблем социально-правового сопровождения иностранных студентов в российских вузах. Со стендовым докладом выступила Зотина Ольга Михайловна, полковник полиции, заместитель начальника отдела разрешительно-визовой работы Управления по вопросам миграции УМВД России по Ивановской области. Она познакомила участников, среди которых были иностранные студенты, с новеллами миграционного законодательства, ответила на многочисленные вопросы. Об опыте работы с иностранными студентами рассказала Исаева Нина Валентиновна, руководитель Центра студенческой правовой помощи (юридической клиники) ИвГУ.

Впервые в программу научно-практических мероприятий были включены мастер-классы для студентов юридического факультета, которые провела Степанова Екатерина Александровна,

начальник гражданско-судебного отдела прокуратуры Ивановской области, старший советник юстиции. Студенты проявили большой интерес к вопросам реализации полномочий прокурора в гражданском судопроизводстве, работали в малых группах, выполняли практические задания.

Традиционно в рамках конференции была организована студенческая секция, на которой с докладами выступили более двадцати бакалавров и магистрантов юридического факультета ИвГУ.

Всего в конференции, круглых столах и мастер-классах приняли участие около ста тридцати человек.

В данной номер включены также статьи ряда докладчиков XV Международной научной онлайн конференции «Российские и зарубежные теории правотворчества, интерпретации и правоприменения (к 90-летию со дня рождения профессора Альберта Сергеевича Пиголкина)», состоявшейся в ИвГУ 1—2 октября 2021 г. На конференции выступили ученые-юристы из ведущих вузов Волгограда, Воронежа, Иванова, Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, а также Лондона и Минска.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВК 2020

УДК 343.1(470+571)

О. В. Кузьмина

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ ПОСРЕДСТВОМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются некоторые особенности реализации судебной власти в российском уголовном процессе, а также делаются предложения по изменению действующего законодательства в этой сфере и практики его применения. Особое внимание уделяется дифференциации уголовно-процессуальной формы и презумпции истинности приговора суда. Автор предлагает переосмыслить подходы к апелляционному и кассационному обжалованию судебных решений.

Ключевые слова: суд, судебная власть, уголовное судопроизводство, права человека, дифференциация уголовно-процессуальной формы, приговор суда.

O. V. Kuzmina

PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF JUDICIAL POWER THROUGH CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses some features of the implementation of judicial power in the Russian criminal process, and also makes proposals to change the current legislation in this area and the practice of its application. Special attention is paid to the differentiation of the criminal procedural form and the presumption of the truth of the court verdict. The author suggests rethinking approaches to the appeal and cassation appeal of court decisions.

Key words: court, judicial power, criminal proceedings, human rights, differentiation of the criminal procedural form, court verdict.

Судебная власть — многогранное понятие, которое прежде всего характеризует ветвь государственной власти. В соответствии со ст. 10 Конституции Российской Федерации государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Каждая из них самостоятельна. Судебная власть может рассматриваться с позиций властеотношений в системе разделения

© Кузьмина О. В., 2022

2022. Вып. 1 •

властей; как социально-правовой способ разрешения конфликтов, возникающих в обществе; как организованная система, включающая определённые элементы, формирующие её; как правовое явление, обладающее спецификой своих проявлений во вне; как вид государственной деятельности, с которой связано правоприменение в форме правосудия, направленного на принятие решения о виновности или невиновности лица [3, с. 288]. Чаще всего изучение правовой природы судебной власти осуществляется учёными с использованием традиционных подходов к этому явлению как к самостоятельной ветви государственной власти. Исследуется зарождение и развитие этой идеи и её влияние на современное представление о суде, судебной деятельности, их предназначении и месте в современном демократическом государстве.

Принцип разделения властей лёг в основу совершенствования российской государственности и судебной реформы, длящейся и по сей день. Провозглашение самостоятельности судебной власти в России стало закономерным результатом демократических преобразований, которые начались в 80-е годы XX века. Требовалось переосмысление места и роли суда в системе государственных органов. Однако при всём разнообразии форм и судебных процедур, которые существовали ранее или действуют сейчас, смыслом и сутью этого института является защита нарушенных прав. Сильная и независимая судебная власть является гарантией формирования правового государства и гражданского общества. В правовом государстве обеспечивается верховенство закона, незыблемость основных прав и свобод человека, осуществляется охрана прав и свобод личности, защита общества от произвола властей. Провозгласив себя правовым государством (ст. 18 Конституции РФ), Россия приступила к выполнению этих обязательств и объявила правосудие одним из важнейших средств защиты прав и свобод человека и гражданина [10, с. 6]. Тем не менее до сих пор идёт поиск наиболее оптимальных путей организации и осуществления независимой и самостоятельной судебной власти, а также способов совершенствования деятельности самого суда и судопроизводства. В этой связи представляет интерес такая специфическая черта судебной власти, как особая процессуальная форма осуществления её полномочий. Судебная власть является наиболее сложной формой юрисдикционной деятельности, детально регламентированной законом. Она осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ). Уголовное судопроизводство как функционирующая в государстве система осуществляется в соответствии с политическим строем, принципами государственного устройства, которые характеризуют степень его цивилизованности. Являющийся видом государственной деятельности уголовный процесс представляет собой средство реализации государственной функции защиты прав и свобод человека и гражданина.

Вся уголовно-процессуальная деятельность строго урегулирована законом, регламентирована нормами уголовно-процессуального права. Форма уголовного судопроизводства, в которую облекается деятельность, устанавливается волей государства, возведённой в закон. Уголовно-процессуальная форма имеет такие свойства, как общеобязательность, единство, стабильность, детализация процедур. Однако она может быть гибкой в зависимости от потребностей развития общественных отношений. Среди проблем дифференциации уголовно-процессуальной формы наиболее дискуссионными являются вопросы, связанные с применением упрощённых процедур уголовного судопроизводства. Это, видимо, связано с тем, что они не всегда имеют действенный механизм обеспечения прав человека и полное, всестороннее доказывание обстоятельств дела. Невозможно однозначно оценить институт особого порядка судебного разбирательства (главы 40 и 40¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; далее — УПК РФ), в рамках

которого в настоящее время рассматривается большинство уголовных дел в суде первой инстанции. Правильнее говорить, что уголовное дело в подобных случаях не рассматривается, а только разрешается судом. Судебное следствие фактически не проводится, непосредственного исследования доказательств не осуществляется. Обвинительный приговор основывается даже не на признательных показаниях обвиняемого, а на его согласии с предъявленным обвинением. Это правило вступило в противоречие с догмой российского доказательственного права, в соответствии с которой признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения только при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств (ч. 2 ст. 77 УПК РФ). Подобное положение рассматривается как важнейшая гарантия, не допускающая осуждения невиновных в случае самооговора. Поэтому главу 40 УПК РФ следует рассматривать как не вполне продуманное исключение из общего правила [12, с. 19].

Применение особого порядка судебного разбирательства необходимо связывать не с размером возможного наказания, а с категорией преступления (ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации), т. е. согласовывать дифференциацию с материально-правовым критерием. Представляется, что ускоренное (упрощенное) судебное производство должно применяться только по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Интересы процессуальной экономии и рационализации уголовного судопроизводства не должны сужать объем процессуальных гарантий. Между тем в соответствии с УПК РФ особый порядок рассмотрения и разрешения уголовных дел можно применять и по делам о тяжких преступлениях (ст. 314 УПК РФ), а главу 40¹ — и по делам об особо тяжких преступлениях. Единственное, что смягчает ситуацию и степень риска допущения судебной ошибки в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, это применение особого порядка судебного разбирательства после рассмотрения «основного» дела в обычном порядке.

С практической точки зрения институт особого порядка судебного разбирательства вызывает к жизни проблемы реализации и обеспечения независимости судей в тех процессуальных ситуациях, которые требуют от судьи осознанного выбора между обоснованием собственной правовой позиции по уголовному делу и копированием позиции, предложенной и аргументированной кем-то другим. По данным, приведённым А. А. Тарасовым и И. А. Гизатуллиным, практически каждому из опрошенных ими судей знакомы случаи рассмотрения дела в особом порядке (глава 40 УПК РФ), когда в обоснованности обвинения, с которым согласился обвиняемый, у самого судьи были сомнения [14, с. 5].

В сфере уголовного судопроизводства до сих пор не удаётся решить проблему сокращения преступности. Современные исследователи отмечают также длительность сроков судопроизводства, значительные размеры судебных пошлин и издержек, высокую стоимость юридических услуг адвокатов и в связи с этим недоступность судебной защиты значительной части населения [4, с. 115]. Краеугольным камнем современной процессуальной политики России является вопрос о применении принуждения, гарантиях обеспечения прав личности, а в конечном счете о балансе публичных и частных интересов. Государство стремится дифференцированно подходить к достижению целей уголовного законодательства и дает возможность разрешить его наиболее благоприятным для себя образом при соблюдении ряда условий (смягчение

наказания, освобождение от уголовной ответственности и др.). В этой связи необходимо совершенствовать законодательство, обеспечивающее применение альтернативных средств разрешения уголовно-правовых конфликтов. Одной из самых перспективных форм выхода из конфликта по делам о нетяжких и средней тяжести преступлениях представляется процедура медиации [7, с. 51—57; 8, с. 29]. Поэтому Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)» необходимо, на наш взгляд, дополнить указанием на возможность применения процедуры медиации для разрешения конфликтов, вытекающих из факта совершения лицом противоправного деяния, запрещенного Уголовным кодексом РФ, в случаях, предусмотренных федеральным законом. В Уголовно-процессуальный кодекс РФ целесообразно включить положения, допускающие применение медиации как на досудебных, так и судебных стадиях процесса. На досудебном производстве она может быть основанием для прекращения дела в связи с примирением сторон или применения в дальнейшем упрощенного порядка принятия судом решения в связи с достижением примирительного соглашения. В ходе судебного разбирательства медиация может служить основанием для прекращения дела, а также для вынесения судебного решения с учетом результатов медиативной процедуры.

Таким образом, многообразие форм уголовного процесса объясняется объективными факторами, связанными с необходимостью усиления защиты прав и интересов человека, рационализацией и удешевлением процессуальных средств, повышением эффективности механизма уголовно-процессуальных процедур. Однако дифференциация процессуальной формы не должна размывать уголовное судопроизводство.

Осуществляя исключительные полномочия по разрешению правового конфликта, являясь беспристрастным и объективным арбитром, суд обеспечивает реализацию права на судебную защиту всем гражданам, не зависимо от того, какое процессуальное положение они занимают в правовом конфликте. Воплощением защиты охраняемого законом блага является приговор суда. Являясь важнейшим актом судебной власти, приговор означает признание прав пострадавшей стороны нарушенными и их восстановление, ограждение другой стороны от необоснованного ущемления прав. Таким образом, судебная власть восстанавливает нарушенные права, обеспечивает возмещение причиненного ущерба, ограждает права и свободы участников процесса от необоснованного ограничения или нарушения [10, с. 45—46].

Право на обжалование судебного решения по уголовному делу, не вступившее в законную силу, является одним из основных прав человека, закреплённых в Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 50) и международно-правовых актах (например, Протокол № 7 от 22 ноября 1950 г. к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 005; Рим, 4 ноября 1950 г.). Возможность пересмотра решений судов первой инстанции гарантирует принятие по делу, в конечном счёте, законного, обоснованного и справедливого решения; предупреждает и устраняет допущенные судебные ошибки. В этом смысле производство в суде второй инстанции служит средством обеспечения законности уголовного судопроизводства. Российское законодательство знает две формы пересмотра судебных решений, не вступивших в законную силу. К ним относятся апелляционное и кассационное производство. Они имеют как общие черты, особенно в части порядка обжалования принятых решений, так и существенные отличительные признаки.

В советский период в соответствии с Декретами о суде № 1 и № 2 апелляционное производство не применялось, широкое распространение тогда получила кассационная форма обжалования. С принятием в 2001 году УПК РФ апелляционный порядок пересмотра судебных решений вернулся в российский уголовный процесс, правда, только применительно к решениям мировых судей. Апробировав на мировой юстиции, законодатель в 2010 году представил его в новом содержании и установил общие правила реализации права на апелляционное обжалование судебных решений, принятых мировыми судьями и федеральными судами общей юрисдикции по первой инстанции. Единый порядок обжалования не вступивших в законную силу судебных актов должен был в полной мере обеспечить единство судебной практики, а также право на равный суд и справедливое судебное разбирательство.

Вместе с тем был предложен новый порядок проверки судебных решений, вступивших в законную силу, — кассационный. Функции надзора сохранены за Президиумом Верховного Суда РФ, что фактически завершило реализацию рекомендаций Европейского Суда по правам человека по преобразованию начал производства в судах общей юрисдикции в Российской Федерации. В результате были перераспределены полномочия судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

Представляется, что при проведении судебной реформы необходимо было сохранить как кассационный, так и апелляционный порядки рассмотрения дел в судах второй инстанции, которые могли бы применяться только в случаях, прямо предусмотренных в уголовно-процессуальном законе. На наш взгляд, законодатель не должен отдавать предпочтение какому-то одному порядку проверки решений суда первой инстанции. Выбор одного из них в каждой конкретной ситуации должен делать только суд второй инстанции. Если он установит, что стороны в своих жалобах указывают на ошибки суда первой инстанции, связанные с исследованием и оценкой доказательств, то рассмотрение дела в суде второй инстанции возможно только в апелляционном порядке. В других случаях, когда основаниями жалоб сторон являются допущенные судом первой инстанции нарушения уголовно-процессуального законодательства, неправильное применение уголовного закона и несправедливость приговора, то их проверка и разрешение возможно в кассационном порядке [2, с. 40]. Существование двух процессуальных порядков проверки решений суда первой инстанции соответствовало бы, на наш взгляд, интересам правосудия и защиты прав граждан в современном российском уголовном судопроизводстве.

Теоретической основой для возможности пересмотра вступивших в законную силу судебных актов является научная теория о презумпции истинности (*res judicata pro veritate habetur*) вступившего в законную силу судебного решения по уголовному делу и об опровержимости данной презумпции в порядке, установленном законом. Вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда считаются (презюмируются) истинными, т. е. правосудными (законными и обоснованными) [5, с. 40].

На существование презумпции истинности приговора как презумпции истинности его выводов указывал и Н. Н. Ковтун [6, с. 313].

П. А. Лупинская отмечала, что в отношении вступившего в законную силу приговора действует презумпция его истинности. Такой приговор обладает свойством исключительности и имеет преюдициальное значение. Такой

приговор обязателен, т. к. существует презумпция его истинности и содержащиеся в нем решения не могут быть заменены никакими другими. Они имеют исключительное значение для данного уголовного дела и преюдициальное — для всех других правоприменителей, пока приговор не будет отменен или изменен в установленном законом порядке [17, с. 725]. В этом смысле интересен вывод, сделанный А. В. Смирновым о том, что преюдиции представляют собой определенный класс формальных средств доказывания, основанных на принципе *res judicata*, т. е. стабильности судебных решений. Преюдиции прекращают доказывание по делу, в котором они были созданы. Однако они могут быть ревизованы, но лишь особым и исключительным образом — в форме пересмотра вступивших в силу судебных решений, обладая, следовательно, повышенной степенью защиты [15, с. 31]. Преюдиция, поднимая авторитет предикатного судебного решения, способствует установлению режима правовой определенности [13, с. 26].

О. Н. Сычева определяет презумпцию истинности приговора как признанное на уровне закона положение о том, что вступивший в законную силу приговор отражает объективную истину и является обязательным для всех субъектов, чьи права, обязанности и законные интересы он затрагивает. Опровергнуть это положение возможно только в исключительных случаях и при помощи экстраординарных методов, установленных законом. По мнению автора, презумпция истинности приговора опирается не только на рациональные основания, вытекающие из уголовно-процессуального метода, но и на веру в авторитет судебной власти, который должен тщательно охраняться [16, с. 4—9].

В. А. Морковкин считает, что в российском уголовном судопроизводстве действует презумпция истинности приговора, вступившего в законную силу. Она основана на требованиях УПК РФ к приговору. Невозможно вынести законный, обоснованный и справедливый приговор без установления истины по уголовному делу. Смысл данной презумпции заключается в том, что приговор, вступивший в законную силу, предполагается истинным, пока обратное не доказано в установленном законом порядке [11, с. 137—138].

Презумпция истинности приговора является одной из наиболее спорных в современном российском уголовном процессе, поскольку она опирается на признание возможности установления истины в уголовном судопроизводстве.

Не вдаваясь в подробности дискуссии о достижении истины по уголовному делу [9, с. 58], отметим, что истина как результат познания находится в органическом единстве с процессом, ведущим к данному результату. Поэтому презумпция истинности приговора важна не только для суда, создавая предпосылки для инстанционной устойчивости вынесенного решения, но и для органов предварительного расследования. Эта презумпция непосредственно связана с проблемой быстрого и полного раскрытия преступления и установления процессуальной (юридической) истины по делу. Однако наличие на практике ошибочных судебных решений позволяет говорить лишь о предположении об их истинности, т. е. о правовой презумпции. Видимо, поэтому законодатель устанавливает процедуры, дающие возможность участникам процесса ее опровергнуть в виде обжалования приговора в исключительных стадиях уголовного процесса (кассационной, надзорной и возобновления уголовных дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств) и только при наличии существенных нарушений закона. Как полагает О. Н. Сычева, свойство истинности приговор теряет, только будучи

отмененным в порядке, установленном законом. Таким образом, наличие в системе уголовного процесса контрольно-проверочных стадий не умаляет презумпции истинности приговора. Окончательную истинность ему придает именно уголовно-процессуальная форма этих стадий [16, с. 58].

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что презумпция истинности приговора существует в российском уголовном процессе как предположение о его правильности. Она может быть опровергнута при определенных обстоятельствах и условиях. Данная презумпция, сохранив свое содержание со времен дореволюционного периода, приобрела современное толкование в качестве предпосылки и основы существования принципа правовой определенности (*res judicata*). Однако она прямо в УПК РФ не закреплена. В этом отношении нельзя не согласиться с мнением В. А. Морковкина, согласно которому обязательным признаком правовой презумпции является закрепление ее в норме права [11, с. 61]. Представляется, что в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации принцип правовой определенности судебных решений необходимо крепить именно в форме презумпции. Интересным представляется предложение Т. М. Алексеевой о включении в главу 2 УПК РФ статьи 19.1 в следующей редакции: «Судебные решения, вступившие в законную силу, считаются законными и являются обязательными для исполнения всеми без исключения органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями, должностными лицами, другими физическими и юридическими лицами на всей территории Российской Федерации. Вступившее в законную силу судебное решение может быть отменено (изменено) только по предусмотренным в настоящем Кодексе основаниям» [1, с. 200].

Как презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения может быть оспорима только в исключительных случаях, так и принцип правовой определенности не может быть абсолютным. Установление четких пределов их действия в УПК РФ, на наш взгляд, будет способствовать объективному разрешению уголовного дела.

Библиографический список

1. Алексеева Т. М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение, и пределы. М.: Юрлитинформ, 2016. 207 с.
2. Быков В. М. Каким быть суду второй инстанции в уголовном судопроизводстве? // Российская юстиция. 2011. № 2. С. 38—41.
3. Володина Л. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2020. 328 с.
4. Воскобитова Л. А. Судебная власть: возникновение, развитие, типология. Ставрополь: Сев. Кав. ГТУ; СКСИ; Ставропольсервисшкола, 2001. 128 с.
5. Давыдов В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок. М.: Юрайт, 2012. 313 с.
6. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2002. 331 с.
7. Кузьмина О. В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве // Lex Russica. 2015. № 1. С. 51—57.
8. Кузьмина О. В. Примирительные процедуры в уголовном судопроизводстве // Научный поиск. 2015. № 1.5. С. 27—31.

9. Кузьмина О. В. Состязательность уголовного судопроизводства как способ достижения истины // Бюллетень МАСП (приложение к журналу «Уголовный процесс»). 2015. № 1. С. 59—65.
10. Лазарева В. А. Судебная власть и её реализация в уголовном процессе. Самара: Самарский университет, 136 с.
11. Морковкин В. А. Правовые презумпции в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 243 с.
12. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М.: ТК Велби, 2005. Ч II. 192 с.
13. Преюдиция и сделки с правосудием: комментарии экспертов // Закон. 2015. № 8. С. 24—31.
14. Тарасов А. А., Гизатуллин И. А. Независимость судей и проблемы её реализации в судебном производстве по уголовным делам. М.: Проспект, 2022. 224 с.
15. Смирнов А. В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 239 с.
16. Сычева О. Н. Презумпция истинности приговора в современном уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 182 с.
17. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 1071 с.

Сведения об авторе / Information about the author

Кузьмина Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, первый проректор, зав. кафедрой уголовного права и процесса, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kuzolga03@mail.ru

Kuzmina Olga Vladimirovna — Candidate of Law, Associate Professor, First Vice-Rector of IvSU, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kuzolga03@mail.ru.

С. П. Коваль

МЕСТО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РФ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВOK

В соответствии с положениями поправки в Конституцию РФ 2020 года Государственный Совет РФ определен как конституционный государственный орган РФ. Автор статьи исследует и анализирует положения специального федерального закона, подзаконных актов РФ, которые определяют статус данного государственного органа. При исследовании соответствующих нормативных правовых актов выявлено ряд новелл, а также противоречий действующему законодательству РФ. Определяется место Государственного Совета РФ в единой системе публичной власти России. Автор делает вывод о том, что законодательством РФ определены конкретные задачи и функции Государственного Совета и данный государственный орган призван обеспечивать конституционные полномочия Президента РФ, осуществлять организационное, правовое и финансово-бюджетное взаимодействие между уровнями публичной власти современной России.

Ключевые слова: Конституция РФ, Государственный Совет РФ, государственный орган, член Госсовета, Президент РФ, публичная власть, рабочий орган, полномочия.

S. P. Koval

THE PLACE OF THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC POWER OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONAL AMENDMENTS

In accordance with the provisions of the amendment to the Constitution of the Russian Federation in 2020, the State Council of the Russian Federation is defined as the constitutional state body of the Russian Federation. The author of the article examines and analyzes the provisions of a special federal law, by-laws of the Russian Federation, which determine the status of this state body. The study of the relevant regulatory legal acts revealed a number of novelties, as well as contradictions to the current legislation of the Russian Federation. The place of the State Council of the Russian Federation in the unified system of public power of Russia is determined. The author concludes that the legislation of the Russian Federation defines specific tasks and functions of the State Council and this state body is called upon to ensure the constitutional powers of the President of the Russian Federation, to carry out organizational, legal and financial-budgetary interaction between the levels of public power in modern Russia.

Key words: Constitution of the Russian Federation, State Council of the Russian Federation, state body, member of the State Council, President of the Russian Federation, public authority, working body, powers.

Государственный Совет РФ функционирует с 1 сентября 2000 г. на основании соответствующего Указа Президента РФ. Создание данного государственного органа было определено желанием оказать помощь Президенту РФ в реализации его полномочий, которые установлены положениями Конституции РФ (ст. 80, 85) по обеспечению согласованного взаимодействия различных органов государственной власти. Данный орган был образован для поддержания эффективного взаимодействия органов государственной власти РФ и субъектов РФ, а также как площадка для обсуждения вопросов и разрешения проблем, имеющих важное государственное значение. Государственный Совет России имеет определенную историю образования и развития. В начале XX в., законодательные полномочия в России делилась между императором и двумя палатами — Государственным советом и Государственной думой.

Они формально имели равный статус. В данный период, впервые в истории России, Государственный совет был государственным органом, важной функцией которого являлось согласование и координация. Данная функция была своевременной особенно после известных событий первой русской революции 1905 г.

Российской империи требовался государственный орган, который мог бы стать балансиrom для всего государственного аппарата России. Поэтому в 1906 году внутреннее строение Государственного совета существенно изменилось. После преобразований Государственный совет имел особенную структуру: Общее собрание, Государственная канцелярия, два департамента и многочисленные комиссии. Заседания Общего собрания Государственного совета стали более открытыми, где могли присутствовать представители широкой общественности и средств массовой информации [4, с. 19—28].

В Конституции РФ 1993 г. данный орган в системе государственных органов не был предусмотрен. События 90-х годов XX века в России подтолкнули к созданию государственного органа, который координировал действия субъектов РФ и выработывал единые позиции с федеральным центром. До 2020 г. Государственный Совет (Госсовет) России состоял из представителей Федерального Собрания РФ, высших должностных лиц субъектов РФ, а также лиц, имеющих большой опыт публичной деятельности на государственных должностях глав субъектов РФ. Госсовет России оказывал содействие в реализации полномочий главы российского государства при использовании им согласительных процедур для разрешения споров между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов РФ. Важным в деятельности Госсовета стали ключевые проекты федеральных законов и указов Президента РФ, которые предполагали активное участие субъектов РФ в их формировании и дальнейшей реализации. Госсовет был совещательным органом, который предлагал варианты отдельных решений Президенту РФ и оказывал содействие в процессе воплощения их в объективную реальность. Совещательные функции Госсовета снижали положительный эффект его деятельности. Значительная часть полномочий оказалась в руках местного самоуправления, а его представители в деятельности Госсовета РФ участия не принимали. Поэтому среди ученых и специалистов в 2008—2014 гг. стали активно звучать инициативы о наделении Государственного Совета РФ конституционным статусом с расширением полномочий и представительства.

В связи с новым пониманием места Госсовета в системе публичной власти, после поправок к Конституции РФ и принятием специального закона,

функции данного органа были расширены, а состав существенно изменен. Госсовет РФ стал конституционным государственным органом, который формируется Президентом РФ для обеспечения согласованного функционирования органов, входящих в единую систему публичной власти. Подобное положение Госсовета положительным образом повлияло на изменения в порядке его формирования. Теперь в соответствии с федеральным законом членами Госсовета являются по должности Председатель Правительства РФ, Председатели Совета Федерации и Государственной Думы, Руководитель Администрации Президента РФ, высшие должностные лица субъектов РФ. В состав Госсовета могут быть включены (по решению Президента РФ) представители политических партий, имеющих фракции в Государственной Думе, представители местного самоуправления, а также могут быть включены иные лица. Данная норма утверждает, что в современном виде Госсовет получил широкое представительство и включил в свою работу представителей местного самоуправления. Правовой статус нынешнего Государственного Совета закреплен не в Положении (подзаконном правовом акте), утвержденном указом Президента РФ, а в федеральном законе, что подчеркивает его особую, важную роль.[1]

Но если членами Госсовета РФ по указу Президента РФ обязательно являлись председатели обеих палат парламента РФ, губернаторы, полномочные представители Президента РФ в федеральных округах и лидеры фракций Государственной Думы, то теперь руководители фракций Государственной Думы и полномочные представители Президента РФ в обязательном порядке не входят в состав Госсовета. Для решения оперативных вопросов, планирования работы и подготовки заседаний Госсовета РФ создаются Президиум, комиссии и рабочие группы по разным направлениям. Количество членов Президиума указом главы государства ограничивалось определенной цифрой 8, то теперь федеральный закон ограничений такого рода не содержит. Практиковавшаяся по указу ротация членов Президиума раз в полгода законом также не предусмотрена [7].

Государственный Совет РФ осуществляет полный контроль за взаимодействием на всех уровнях власти: федеральном, региональном и местном. Госсовет РФ является по своей функциональной сути завершающим элементом всей вертикали публичной власти. Заседания проводятся регулярно в соответствии с планами, которые утверждает Президент РФ. Заседание является легитимным, если на нем присутствует большинство членов Госсовета РФ (всего 89 членов). При кворуме в 45 членов, заседание считается правомочным [2, с. 14].

Решения Государственного Совета РФ оформляются документально и подписываются Президентом РФ. Если принимается решение о разработке документов стратегического планирования субъекта РФ, то соответствующие рекомендации направляются в субъект РФ или муниципальное образование. Положения закона о Госсовете, которые регулируют вопросы, связанные с принятием решений не конкретизированы, имеют общий характер. При принятии решения о необходимости принятия закона, а также внесения изменений в действующий нормативный акт, данный законопроект направляется в Государственную Думу. Согласно содержания Конституции РФ, Госсовет РФ не наделен правом законодательной инициативы. При этом возникает пробел в праве: как решения Госсовета РФ оформить в законопроект? Следуя логике положений закона о Госсовете, можно предположить, что законопроекты

будут направляться Президенту РФ, который имеет конституционное право направить их в Государственную Думу.

Президентом РФ утверждено Положение о рабочих органах Государственного Совета РФ и Секретаре Госсовета. Секретарь Госсовета координирует и направляет деятельность рабочих органов, несет ответственность за обеспечение деятельности Госсовета, исполняет поручения Президента РФ. Рабочими органами Госсовета являются: — комиссии по направлениям социально-экономического развития России; — комиссии по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти; — комиссия по координации и оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ; — рабочие группы. В состав комиссий по направлениям социального и экономического развития входят представители федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и организаций, в том числе не являющиеся членами Госсовета. Председатели комиссий по направлениям социально-экономического развития входят в составы многочисленных советов при Президенте РФ, участвуют в совещаниях главы государства с членами Правительства РФ, приглашаются на заседания Правительства РФ при рассмотрении вопросов, относящихся к компетенции соответствующей комиссии. Рабочие группы Госсовета создаются на определенный период подготовки материалов к очередному заседанию Госсовета или Президиума в соответствии с планом работы. Обеспечение деятельности Госсовета и его рабочих органов осуществляет Управление Президента РФ по обеспечению деятельности Госсовета во взаимодействии с другими самостоятельными подразделениями Администрации Президента РФ, а также Управление делами Президента РФ. Например, председателем комиссии Госсовета по направлению «Государственное и муниципальное управление» является Мэр Москвы Собянин С. С., председателем комиссии по направлению «Здравоохранение» — Губернатор Ивановской области Воскресенский С. С., председателем комиссии по направлению «Промышленность» — Губернатор Тульской области Дюмин А. Г. Информационное и аналитическое обеспечение деятельности рабочих органов осуществляет информационная система «Государственный Совет» [6].

Государственные органы, именуемые «Государственный совет», в настоящее время существуют и в других государствах мира. Государственный совет может выступать в качестве высшего законодательного (представительного) органа (Государственный совет Республики Куба), высшего административного судебного органа (Египет, Франция), высшего исполнительного органа государственной власти (КНР, Норвегия). В некоторых странах группы определенных должностных лиц, которые могут осуществлять полномочия главы государства, образуют Государственный совет (Великобритания). В России Госсовет рассматривается как совещательный орган при Президенте, но специфика его задач и функций предполагают воспринимать его как особый орган, не имеющий аналогов в мире [5, с. 23—25].

Основная цель внесения поправок в Конституцию РФ в 2020 г. — это формирование единой публичной власти в стране. Госсовет РФ — элемент данной системы, который обеспечивает устойчивость и стабильность основ публичной власти. Единство публичной власти, закрепленное конституционными поправками, необходимо для качественного решения задач в интересах населения России, обеспечивает согласованное взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления.

Все элементы системы публичной власти (законодательная, исполнительная, судебная, федеральная, субъектов РФ и местная) должны функционировать согласованно. Необходимо сформировать единый механизм публичной власти, что предполагает высокую степень взаимодействия по обеспечению конституционных гарантий для различных уровней публичной власти. Следуя обновленным предписаниям Конституции РФ, необходимо на всей территории страны обеспечить равенство прав и обязанностей всех граждан. Известно, что органы власти субъектов РФ и органы местного самоуправления не всегда гарантируют равенство их реализации. Необходимо обратить особое внимание на содержание главы 4 закона «Основные принципы принятия Государственным Советом решений при осуществлении его функций». Это не только принципы принятия решений, но и основополагающие основы единой системы публичной власти в РФ.

В ст. 71 Конституции РФ, в которой установлены вопросы исключительного ведения РФ, добавлены полномочия по организации публичной власти. В данной конституционной норме организация публичной власти предшествует установлению системы органов государственной власти на федеральном уровне. В ст. 80, устанавливающей статус Президента РФ, термин «органы государственной власти» в ч. 2 заменен на «органы, входящие в единую систему публичной власти». Президент РФ теперь формирует Госсовет в целях обеспечения согласованного функционирования всей системы публичной власти. В главе 8 Конституции РФ кроме определения в ст. 131 и 132 особенностей реализации публичной власти, в ст. 133 установлены положения о выполнении органами местного самоуправления публичных функций. Положения ст. 131 дополнены частью 3, в которой определено, что конкретика реализации публичной власти может быть установлена только федеральным законом. Часть 3 ст. 132 конкретизирует, что в единую систему публичной власти России входят органы государственной власти и местного самоуправления. Ст. 133 Конституции РФ в обновленном варианте устанавливает гарантии права местного самоуправления на компенсацию расходов при выполнении задач во взаимодействии с государственными органами [3].

Конституционные поправки 2020 г. определяют функции Госсовета РФ по реализации полномочий по координации действий между разными органами публичной власти. Основные цели и задачи данного органа четко регламентированы в п. «е5» ст. 83 Конституции РФ. Госсовет РФ сформирован в целях определения основных направлений внутренней, внешней политики РФ и социально-экономического развития страны, а также обеспечения согласованного функционирования органов публичной власти Президентом РФ. Статус Госсовета определяется специальным федеральным законом. В декабре 2020 г. был принят ФЗ «О Государственном Совете РФ», который определил ориентиры основных направлений деятельности Госсовета. Основу содержания данного закона составляют положения, которые определяют статус Госсовета как конституционного государственного органа. Закон уточняет некоторые положения о том, что Госсовет не является органом государственной власти, но как конституционный орган функционирует в пределах полномочий главы государства.

В заключение хотелось бы отметить, что Государственный Совет РФ может рассматриваться как один из важных элементов политической системы России. Законодательством РФ определены конкретные задачи и функции

Госсовета в системе органов публичной власти России, в которую включены органы государственной власти, отдельные государственные органы, а также органы местного самоуправления. Определен статус Госсовета как конституционного органа, который может определять основные направления внутренней и внешней политики РФ. Госсовет обеспечивает конституционные полномочия Президента РФ, осуществляет организационное, правовое и финансово-бюджетное взаимодействие между уровнями публичной власти современной России. Закрепление, в перспективе, новых функций и задач Госсовета будет способствовать эффективной координации усилий органов публичной власти по проведению единой государственной политики на всей территории страны, повысит качество принимаемых органами власти решений, особенно направленных на укрепление гарантий прав и свобод человека и гражданина. Полномочия Государственного Совета РФ станут понятны и реально оценены, когда он начнет работать по новому закону. А какой будет реальная роль и значение Государственного Совета РФ, ставшего теперь конституционным органом, покажет время.

Библиографический список

1. *Володин В. В.* для сайта Государственной Думы Федерального собрания РФ 14.10.2020 // Сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ <http://duma.gov.ru/> (дата обращения :28.11.2021).
2. *Клишас А. А.* «Госсовет утвердил себя в качестве одного из значимых политических институтов страны» // Парламентская газ. 2020. № 9.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.11.2021).
4. *Лучин В. О., Данилов И. С.* Государственный Совет Российской Федерации: проблемы становления // Право и политика. 2001. № 4. 302 с.
5. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371528/ *Романовская О. В.* Делегирование государственных полномочий органам местного самоуправления // Гражданин и право. 2017. № 2. 245 с.
6. Указ Президента РФ от 21.12.2020 № 800 (ред. от 15.11.2021 г.) «Вопросы Государственного Совета Российской Федерации». Сайт ru [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-21122020-n-800-voprosy-gosudarstvennogo/> (дата обращения: 18.11.2021).
7. Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.11.2021).

Сведения об авторе / Information about the author

Коваль Сергей Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного права и прав человека, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, petrovitsch17@mail.ru

Koval Sergey Petrovich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional Law and Human Rights, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, petrovitsch17@mail.ru

А. Л. Бредихин

НОВЫЙ СТАТУС МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СВЕТЕ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье рассматривается статус института местного самоуправления в современной российской системе власти с учетом изменений, внесенных поправками в Конституцию РФ в 2020 г. Автор обращает внимание на новые пункты, появившиеся в ст. 131 и 132 Конституции РФ, которые определяют включение местного самоуправления в единую систему публичной власти и возможность участия органов государственной власти в формировании органов МСУ.

Автор приходит к выводу, что нововведения противоречат смыслу самой идеи местного самоуправления, т.к. на муниципальном уровне власть как таковая не осуществляется, а решаются конкретные вопросы местного значения.

Ключевые слова: местное самоуправление, МСУ, единая система публичной власти, муниципальное образование, поправки в Конституцию РФ.

A. L. Bredikhin

THE NEW STATUS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE LIGHT OF AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines the status of the institution of local self-government in the modern Russian system of government, taking into account the changes made by amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020. The author draws attention to the new paragraphs that appeared in Articles 131 and 132 of the Constitution of the Russian Federation, which determine the inclusion of local self-government in the unified system of public power and the possibility of participation of public authorities in the formation of LSG bodies.

The author comes to the conclusion that the innovations contradict the meaning of the very idea of local self-government, because at the municipal level, power as such is not exercised, but specific issues of local importance are resolved.

Key words: local self-government, LSG, unified system of public authority, municipal formation, amendments to the Constitution of the Russian Federation.

Местное самоуправление (МСУ) традиционно считается важным демократическим институтом, определяющим возможность самоорганизации населения того или иного муниципального образования по решению вопросов местного значения. Именно в таком духе передан изначально смысл местного самоуправления в Конституции РФ 1993 г.

В ч. 1 ст. 130 Конституции РФ 1993 г. [1] сказано, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. В ч. 2 той же статьи обозначено, что местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума,

выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления. Здесь напрашивается вывод, что органы МСУ автономны и независимы от государственной власти, имеют государствовоподобную структуру, но в большей степени представляют собой некую форму общественной самоорганизации без государственного вмешательства.

В части 1 ст. 3 Европейской хартии местного самоуправления под местным самоуправлением понимается *право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения*. Указанная конвенция ратифицирована Федеральным законом РФ от 11 апреля 1998 года № 55-ФЗ [2] и вступила в силу для Российской Федерации 1 сентября 1998 года. То есть, общепринятая в мировом сообществе концепция местного самоуправления в полной мере реализовалась в российском законодательстве.

Надо сказать, что институт местного самоуправления наряду с другими демократическими принципами составляет основу конституционного строя, основанного на власти народа.

Обращает на себя внимание то, что ни в Европейской хартии местного самоуправления, ни в Конституции РФ [1] нет упоминания, что МСУ является формой осуществления власти. Даже Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] не применяет слово власть по отношению к органам муниципального управления. Статья 1 названного федерального закона определяет местное самоуправление как *«форму осуществления народом своей власти»..... «самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций»*. То есть через МСУ народ выражает свою власть, но сами по себе органы МСУ не являются органами власти.

Очевидно, что и само понятие «местное самоуправление» больше подразумевает некоторую ступень самостоятельной деятельности общества на определенной территории, свободу в решении местных вопросов, но никак не властную деятельность.

Авторы учебника по муниципальному праву РФ 2019 г. видят местное самоуправление как самостоятельный вид публичной власти, органы которого «не входят в систему органов государства, но они могут осуществлять передаваемые им отдельные полномочия государства, сотрудничают с органами государства в решении смежных вопросов — на стыке вопросов местного и государственного значения» [4, с. 56]. И действительно, такое понимание вполне соответствовало конституционным и законодательным положениям. Несмотря на проблемы реализации модели местного самоуправления на практике, в целом МСУ оставалось формально независимым и в нем проявлялась самостоятельность гражданского общества.

С принятием в 2020 г. поправок к Конституции РФ [1] институт МСУ подвергся некоторой трансформации, изменяющей концептуальные основы местного самоуправления в России. Данные положения Конституции РФ уже реализуются и конкретизируются в законодательстве.

Наиболее важными поправками, касающимися органов МСУ являются:

Во-первых, дополнение ст. 132 Конституции РФ [1] частью 3, определяющей, что *органы местного самоуправления и органы государственной*

власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Во-вторых, появление в ст. 131 Конституции РФ [1] части 1.1., гласящей: «*Органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом*».

Полагаем, что данные нововведения не согласуются с идеей местного самоуправления как таковой и противоречат изначально заложенному в Конституции РФ [1] смыслу местного самоуправления и приводят к значимым последствиям. Так, при буквальном толковании, местное самоуправление теряет общественный (квазиобщественный) характер управления, и формально становится формой публично-властной деятельности (в рамках государственного управления). То есть, включение в единую систему публичной власти означает потерю местным самоуправлением собственно возможности «самоуправления» и превращение его в составное звено государственной системы управления.

Участие органов государственной власти в формировании органов МСУ и должностных лиц, предусмотренное ч. 1.1. ст. 131 Конституции РФ [1], также противоречит идее независимости местного самоуправления, устраняет ее общественный характер, как форму самоорганизации гражданского общества.

Поправки в Конституцию РФ придали местному самоуправлению характеристики, которые ему не свойственны априори. А именно, властный характер деятельности органов местного самоуправления и его единство с органами государственной власти.

«Единая система публичной власти» термин чуждый конституционному праву России и определяется законодательно лишь после принятия поправок к Конституции РФ в Федеральном законе от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» [5], в статье 2: «Под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства.

Из этого определения видно, что органы местного самоуправления прямо не включены в единую систему публичной власти, а содержится витиеватая, терминологически перегруженная конструкция, не позволяющая понять какой властный критерий заложен в систему местного самоуправления. То есть, законодатель вполне мог определить, что в единую систему публичной власти включены: «*федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы и органы местного самоуправления*» и на этом поставить точку.

Тем не менее, видимое явное противоречие между содержанием «власти» и «местного самоуправления» вызвало необходимость какого-то более-менее разумной состыковки воедино федерального, регионального и местного уровня управления. И если в Конституции РФ [1] четко прописано, что органы МСУ и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти, то в названном законе речь идет о включении в состав публичной власти неких «органов местного самоуправления в их совокупности...». Возможно, речь идет о том, что когда органы МСУ выполняют переданные им полномочия или выполняют мероприятия в интересах органов государственной власти, они как-бы включаются по этим вопросам в определенный государственно-властный механизм? Ничем другим, объяснить включение органов МСУ в единую систему публичной власти не представляется возможным.

Сущностную основу местного самоуправления составляет деятельность по «решению вопросов местного значения», которые определены в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4] как вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно. Здесь мы также не находим намека, что эти вопросы каким-либо образом могут быть связаны с осуществлением публичной власти.

Из содержания главы 3 названного закона, содержащей перечень вопросов местного значения, среди этих вопросов публично-властного характера ни один из них не носит.

Таким образом, поправки к Конституции РФ [1], принятые в 2020 г. в части правового регулирования местного самоуправления, вызывают множество вопросов. Если буквально толковать поправки, внесенные в статьи 130 и 131 Конституции РФ [1], то можно прийти к выводу, что местное самоуправление стало частью единой вертикали публичной власти. В тоже время, законодательство, регулирующее местное самоуправление, практически не изменилось.

Безусловно, настоящее и эффективное самоуправление на местах в России не сложилось за прошедшие 30 лет, но и частью единой системы публичной власти формально также не стало. В связи с чем, вызывает недоумение текущий нормативно закрепленный статус местного самоуправления в России. С одной стороны, оно не является «самоуправлением», т. к. нормативно определяется его место в «единой системе публичной власти», а с другой — не является «властью» как таковой, так как в перечне вопросов местного значения нет властных полномочий, а лишь вопросы «непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования».

В связи с изложенным, нужно сделать вывод, что внесенные поправки в Конституцию РФ [1], регулирующие местное самоуправление, подготовлены с нарушением правил юридической техники, что для текста Конституции РФ [1] является недопустимым. Возможно, для выявления истинного значения новых положений в дальнейшем потребуются толкование Конституционного Суда РФ, но на сегодняшний день перед учеными-конституционалистами стоит серьезная проблема разумного объяснения и концептуального обоснования существующего статуса местного самоуправления и его места в «единой системе публичной власти».

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. М.: Эксмо, 2021. 32 с.
2. О ратификации Европейской хартии местного самоуправления: федеральный закон РФ от 11.04.1998 № 55-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 15. Ст. 1695.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.
4. Кузякин Ю. П., Кузякин С. В. Муниципальное право Российской Федерации: учебник. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 405 с.
5. О Государственном Совете Российской Федерации: федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8039.

Сведения об авторе / Information about the author

Бредихин Алексей Леонидович — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, 198329, г. Санкт-Петербург, Россия, axel_b@mail.ru

Bredikhin Alexey Leonidovich — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, axel_b@mail.ru

УДК 342.3:342.7

С. В. Вальков

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В ПОПРАВКАХ В КОНСТИТУЦИЮ РОССИИ ОТ 2020 ГОДА

В статье анализируются поправки в Конституцию Российской Федерации 2020 года, касающиеся социальной функции государства, прав и обязанностей граждан, социальной солидарности, ведущие к уменьшению обязанностей и роли государства в реализации и защите прав человека и гражданина.

Ключевые слова: социальная функция государства, солидарность, права и обязанности человека и гражданина.

S. V. Valkov

PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE SOCIAL FUNCTION OF THE STATE IN THE CONTEXT OF SOCIAL SOLIDARITY IN THE AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF RUSSIA OF 2020

The article analyzes the amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020 concerning the social function of the state, the rights and duties of citizens, social solidarity, leading to a decrease in the duties and role of the state in the implementation and protection of human and civil rights.

Key words: social function of the state, solidarity, rights and duties of a person and a citizen.

«Бесполезные законы ослабляют законы необходимые»
Шарль Монтескье

«Когда множатся законы и указы, растут разбои и грабежи»
Лао Цзы

На фоне значительного количества поправок к Конституции Российской Федерации [4] от 2020 года (о некоторых автор уже писал [2]) не сразу обращают на себя внимание расплывчатые нормы о «солидарности». В чём смысл этих новых норм? Солидарность обычно подразумевает следование единым идеям, целям, совместное действие каких-то групп, классов; солидарность обсуждается, используется в социалистических политических теориях и в католическом социальном учении.

В статье 2 Конституции Российской Федерации вполне однозначно написано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

© Вальков С. В., 2022

• Серия «Естественные, общественные науки»

Заметьте — обязанность государства.

В статьях 7 и 39 Конституции РФ перечислены государственные гарантии политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, охрану труда и здоровья людей, гарантия минимального размера оплаты труда, обеспечения государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, системы социальных служб. Устанавливаются законом государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. При этом указано, что «поощряются добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность». То есть по Конституции России, в соответствии со своими обязанностями государство устанавливает, гарантирует и обеспечивает государственное пенсионное и социальное обеспечение граждан и иных лиц, проживающих на территории России.

Что же изменилось с внесением поправок в статью 75 Конституции РФ? Часть 5 этой статьи закрепляет, что «Российская Федерация уважает труд граждан и обеспечивает защиту их прав. Государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации». Как видим гарантируется, что минимальный размер оплаты труда будет не ниже прожиточного минимума, это неплохо, но такая норма и так реализуется последние годы без поправок в Конституцию. К тому же, следует учесть мнение Е. Ш. Гонтмахера, автора этого минимума. Он считает, что прожиточный минимум, введенный на период кризисного состояния экономики в 1992 году, соответствует «черте нищеты» [3]. А «стоимость» уровня бедности в России в 1,5—2,0 раза выше. В связи с этим трудно считать часть 5 прогрессом в материальной обеспеченности людей.

Следующая часть 6 не менее интересна в данном контексте. В ней речь идёт о пенсиях, о которых прежде в Конституции России было чётко сказано, что они гарантируются государством. Сейчас законодатель предложил следующую формулировку: «В Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование, а также осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом». Как видим, в этой формулировке не прослеживается роль государства! Можно предположить, что граждане сами будут придумывать, как им обеспечить себе пенсию, и солидарно и всеобще будут решать этот вопрос самостоятельно, без государства, правда, очевидно, продолжая выплачивать налоги в государственный пенсионный фонд. По действующему законодательству и статье 36 Конституции РФ это давно возможно. Например, давно существуют различные негосударственные пенсионные фонды, поэтому и не требовалось менять Конституцию РФ для этого. Судя по всему, здесь ставится задача усилить роль негосударственного пенсионного самообеспечения, а роль государства ослабляется. Оно самоустраивается от гарантий государственного пенсионного обеспечения.

Кроме того, индексация пенсий уже прописана в законодательстве. И дело здесь, очевидно в другом: если на рубль пенсию увеличить, то это

тоже будет индексация, то есть эта норма ничего хорошего не гарантирует на фоне ежегодной инфляции примерно в 7—8 % процентов, а по продуктам питания, тому, что наиболее важно для малообеспеченных пенсионеров, бывает инфляция и в десятки процентов.

Хотелось бы привести примеры из современной практики назначения пенсий. В Общественную организацию «Ивановское областное общество прав человека» не раз обращались люди, у которых есть необходимый для пенсии стаж, возраст старше 60 лет, но им отказывали в назначении пенсии, ссылаясь на недостаточное количество пенсионных **баллов**. Ситуация для многих тяжелая, поскольку им надо ещё как-то жить и работать до пенсионного возраста плюс 5 лет. В перспективе до 70 лет мужчинам и до 65 лет женщинам, чтобы начать получать минимальную социальную пенсию. Это гораздо хуже, чем было до последней пенсионной реформы, введшей балльную систему для назначения пенсии, и до закона о повышении пенсионного возраста. Фактически для многих граждан пенсионный возраст повысился на 10 лет.

Новелла части 7 статьи 75, устанавливающая, что «...В Российской Федерации в соответствии с федеральным законом гарантируются обязательное социальное страхование, адресная социальная поддержка граждан и индексация социальных пособий и иных социальных выплат», на наш взгляд нет ничего нового по сравнению с действующим законодательством.

Что же касается практики, анализ которой представлен в одной из работ автора [1], можно дополнить ситуацией по инвалидам, находящимся в интернатах соцзащиты. В 2013 году был принят федеральный закон, который с 1 января 2015 года обязал инвалидов выплачивать в интернаты, в которых они находятся, не 75 % от пенсии, а 75 % от всех доходов, включая и ЕДВ. Это притом, что на ЕДВ даже по суду не может быть наложено взыскание, и судебные приставы не могут с ЕДВ вычитать какие-либо суммы. Очевидно, что это серьёзно ухудшило положение инвалидов. Это было сделано в нарушение Конституции РФ, предыдущей судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, а также Конвенции ООН о правах инвалидов, ратифицированной Россией в 2012 году.

Расплывчатым, представляется и формулировка сатьи 75.1 о том, что «...В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

Что может следовать из этой нормы? Экономическая составляющая, можно подумать, будет требовать от нас добровольно принудительного изъятия средства сверх установленных законами? Политическая — что нас обяжут верить в одну партию, в одну идеологию и религию, социальная — что мы за свой счет вкладчину будем решать свои социальные проблемы? Мы каждый день видим по телевидению призывы пожертвовать деньги на лечение больных детей, и при этом думаем: а где же гарантированная Конституцией РФ бесплатная медицинская помощь со стороны государства?

Что касается формулировки о «сбалансированности прав и обязанностей гражданина», то это очень тревожный симптом. Мы можем вспомнить практики СССР, когда фактически была ситуация: чем больше власти у человека, тем

больше у него прав, а у самых низов были только обязанности. Вторая ложная идея здесь, что если человек не выполняет каких-то обязанностей, то у него не должно быть прав.

Напоминаем, что права человека неотчуждаемы, более того, человек не может от них отказаться. При этом мы знаем, что у людей, в том числе по Конституции РФ, есть права и свободы — у всех, а признавать, соблюдать и защищать эти права — обязанность государства, как указано в вышеприведённой статье 2.

Таким образом, на наш взгляд, рассмотренные здесь поправки ведут к уменьшению роли государства, степени и величины защиты и реализации социальных, политических и экономических прав человека и гражданина со стороны государства. То есть устранению государства от своих конституционных обязанностей. Это не может нас не тревожить.

Библиографический список

1. Вальков С. В. О необходимости восстановления порядка и величины вычетов за содержание в домах-интернатах для престарелых и инвалидов, действовавшего до 1 января 2015 года // Идеи и принципы Всеобщей декларации прав человека: состояние и перспективы реализации, национальный и международный опыт. (К 70-летию принятия Всеобщей декларации прав человека и 25-й годовщине принятия Конституции Российской Федерации): материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции. (Иваново 13—15 декабря 2018 г.) / сост. Н. В. Исаева. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 49—56.
2. Вальков С. В. Суверенитет и его относительность // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Естественные, общественные науки». 2021 № 1. С. 19—22. URL: http://ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/712/VEiON_21-1.pdf (дата обращения: 18.12.2021).
3. Гонтмахер Е. Ш. Черта нищеты: с бедностью в России борются путём статистических манипуляций // МКРУ. URL: <https://www.mk.ru/economics/2021/12/14/chertanishhety-s-bednostyu-v-rossii-boryutsya-putem-statisticheskikh-manipulyaciy.html> (дата обращения: 18.12.2021).
4. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Сведения об авторе / Information about the author

Вальков Сергей Владимирович — кандидат физико-математических наук, доцент по кафедре физики, координатор Общественной организации «Ивановское областное общество прав человека», г. Иваново, Россия, 2002sergeyv@mail.ru

Valkov Sergey Vladimirovich — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor at the Department of Physics, coordinator of the Public Organization “Ivanovo Regional Society of Human Rights”, 2002sergeyv@mail.ru

Е. А. Крутий

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕР (САНКЦИЙ)

Санкционные войны охватили практически все страны и стали одним из наиболее популярных средств политической борьбы. Статья представляет собой правовой анализ многосторонних и односторонних ограничительных экономических мер (их правовой природы, основания и пределов применения). Многосторонние ограничительные меры, с точки зрения международного права, являющиеся собственно санкциями, вводятся в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН в ответ на нарушения международного мира и безопасности. Односторонние ограничительные меры рассмотрены на примере практики интеграционных объединений (ВТО и ЕС) и отдельных государств (США и РФ). Пределы применения таких односторонних мер определяются международно-правовыми принципами невмешательства во внутренние дела государства, защиты прав человека и соблюдения баланса интересов международного торгового оборота и интересов его участников-государств. Персональная и секторальная направленность таких мер выражает современную тенденцию односторонней санкционной политики и может рассматриваться в качестве принципа ее правового регулирования.

Ключевые слова: ограничительные экономические меры, санкции, персональный и секторальный санкционный список, ВТО, ЕС.

Е. А. Krutij

INTERNATIONAL LEGAL AND CONSTITUTIONAL ASPECTS OF RESTRICTIVE ECONOMIC MEASURES (SANCTIONS)

The sanctions wars have covered almost all countries and have become one of the most popular means of political struggle. The article is a legal analysis of multilateral and unilateral restrictive economic measures (their legal nature, grounds and limits of application). Multilateral restrictive measures, from the point of view of international law, which are actually sanctions, are introduced in accordance with a UN Security Council resolution in response to violations of international peace and security. Unilateral restrictive measures are considered on the example of the practice of integration associations (WTO and EU) and individual states (USA and Russia). The limits of the application of such unilateral measures are determined by the international legal principles of non-interference in the internal affairs of the State, of the protection of human rights and the principle of balancing the interests of international trade and its participants — States. The personal and sectoral orientation of such measures expresses the current trend of unilateral sanctions policy and can be considered as a principle of its legal regulation.

Key words: restrictive economic measures, sanctions, the Specially Designated Nationals and Blocked Persons List, the Sectoral Sanctions Identifications List, WTO, EU.

Ограничительные экономические меры, называемые «санкциями», в последнее время приобрели масштабы торговых войн. Злободневность данной проблемы указывает на необходимость ее правового анализа и поиска правовых решений. Ограничительные экономические меры могут носить многосторонний или односторонний характер, что определяется их различной правовой природой.

I. Правовые аспекты многосторонних ограничительных экономических мер

С точки зрения международного права термин «санкции» применим исключительно к многосторонним временным принудительным мерам, применяемым Советом Безопасности ООН при наличии угрозы мира или нарушения мира. Правовой основой служит глава VII Устава ООН, которая выделяет: 1) меры, не связанные с использованием вооруженных сил (например, полный или частичный перерыв экономических отношений), и 2) меры, связанные с использованием вооруженных сил (например, демонстрация таких сил). Первый вид многосторонних мер представляет собой собственно экономические санкции.

В последнее время меры невоенного характера вводятся резолюциями Совета Безопасности ООН в основном с целью противодействия терроризму. Примером могут служить меры, принятые в 2017 году в отношении террористических организаций ИГИЛ, «Аль-Каида» и связанных с ними лиц (замораживание активов, запрет на поездки, эмбарго на оружие) [15].

II. Правовые аспекты односторонних ограничительных экономических мер

Односторонние ограничительные экономические меры — это меры, принятые интеграционным объединением (в первую очередь ВТО) или отдельными государствами, выступающими в международных отношениях как самостоятельный субъект, к третьей стороне без согласования с последней. Применение термина «санкции» к односторонним принудительным мерам, с точки зрения международного права, неоправданно. Путаница в юридической терминологии в западной доктрине началась с середины 80-х годов прошлого столетия. В 1980 году со стороны США были введены торговые ограничения в связи с участием СССР в вооруженном конфликте в Афганистане. Данные односторонние меры зарубежные ученые, наряду с западными СМИ, стали называть «санкциями» [1].

1. Ограничительные экономические меры интеграционных объединений (ВТО и ЕС)

а) односторонние ограничительные экономические меры, применяемые в рамках ВТО

Общий режим торговли в ВТО основывается на соблюдении недискриминационных условий и снятии торговых барьеров.

Из этого режима предусмотрен ряд изъятий, в том числе по соображениям безопасности. В соответствии с Генеральным соглашением по тарифам и торговле (п. «b» ст. XXI ГАТТ), а также Генеральным соглашением по торговле услугами (п. 2 ст. XIV-bis ГАТС) страна-участник может предпринимать

такие действия, которые она считает необходимыми для защиты существенных интересов своей безопасности [ГАТТ; ГАТС]. Указанные меры могут быть признаны правомерными односторонними экономическими мерами, которые могут применяться в рамках ВТО одним государством к другому государству-участнику или третьей стороне.

Определяющим моментом является направленность данных мер на обеспечение именно *существенных* интересов национальной безопасности. Это не позволяет их толковать расширительно и распространять на любые меры политического или экономического принуждения другого государства.

Однако право ВТО не содержит определение понятия существенных интересов национальной безопасности. Каждое государство вправе самостоятельно его толковать и определять необходимость тех или иных действий в защиту указанных интересов. Свобода усмотрения государства-участника при этом ограничивается двумя принципами - принципом баланса интересов в международном торговом обороте и принципом добросовестности, что следует из последней практики применения ст. XXI ГАТТ [23]. При рассмотрении конкретных споров, как правило, довольно трудно определить, с какой целью государство применяет те или иные меры: с целью защиты своей безопасности или с целью воздействия на другое государство в своих интересах. В последнем случае меры не могут быть признаны правомерными, так как нарушают предусмотренные правом ВТО принцип недискриминации и режим наибольшего благоприятствования.

б) односторонние ограничительные экономические меры ЕС

Правовую основу для принятия ограничительных мер в ЕС образует ст. 215 Договора о функционировании ЕС [4]. Так, в отношении России такие меры были предусмотрены специальным регламентом ЕС, последовавшим за присоединением Крыма к России в марте 2014 г. [13]. Среди них указаны, в частности:

1) запрет на продажу товаров и технологий двойного назначения юридическим или физическим лицам для конечного использования в России в военных целях (например, компьютеров, предназначенных для работы при температуре ниже — 45°C или выше 85°C, за исключением тех, которые специально разработаны для использования в гражданских автомобилях, железнодорожных поездах или «гражданских самолетах»);

2) запреты на продажу товаров, задействованных в нефтедобывающей промышленности, а также предоставление сопутствующих данной деятельности услуг: бурение, испытание скважин, каротаж и услуги регистрации работ, поставка специализированных плавсредств;

3) запрет на продажу (покупку) обращающихся финансовых инструментов и инструментов денежного рынка и др.

Большинство предусмотренных регламентом санкций применяется к лицам, попавшим в санкционные списки. Среди данных лиц находятся, например, такие предприятия, как ОАО «Калашников», ОАО «Алмаз Антей», Сбербанк, Внешэкономбанк, Роснефть.

Указанные европейские экономические меры применяются к правоотношениям, возникшим, как правило, после 12 сентября 2014 г. или на 01.08.2014 г., т. е. после присоединения Крыма к России. Они затронули три сектора российской экономики: энергетический, оборонный и финансовый, в связи с чем получили название «секторальных санкций». До введения экономических «санкций» в ЕС принимались и применяются индивидуальные «санкции» в виде запрета выдачи виз и замораживания активов определенных

физических и юридических лиц (в частности, В. И. Матвиенко, С. Е. Нарышкина, Н. В. Поклонской, Н. П. Патрушева, Р. А. Кадырова, А. Р. Ротенберга и др.) [18].

Дополнительно к указанным мерам в ЕС были введены «санкции» применительно к Крыму:

- запрет импорта товаров из Крыма и Севастополя,
- запрет экспорта товаров и технологий для их использования в Крыму в таких секторах экономики, как транспорт, телекоммуникация, энергетика, а также разведка и добыча нефти, газа и минеральных ресурсов,
- запрет на приобретение европейцами и европейскими компаниями недвижимости в Крыму, финансирование крымских компаний,
- запрет на туристическую деятельность в Крыму и Севастополе,
- запрет на заход европейских круизных лайнеров на Крымский полуостров, за исключением экстренных случаев [17].

2. Ограничительные экономические меры отдельных государств

Ограничительные экономические меры отдельных государств являются средством их внешней политики. Нередко они носят экстерриториальный характер, так как применяются не только на территории принявшего их государства, но и за его пределами. Следует признать, что, будучи средством воздействия на другое государство, односторонние экономические меры нарушают международно-правовой принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства.

Кроме того, односторонние ограничительные экономические меры могут вести к нарушению прав человека. В одной из последних резолюций, посвященных защите прав человека, Генеральная ассамблея ООН в очередной раз призвала:

- не применять односторонние меры, сдерживающие процесс всестороннего экономического и социального развития населения затрагиваемых стран, препятствующие полному осуществлению им прав человека (права на достаточный для их здоровья и благополучия уровень жизни, права на питание, медицинское обслуживание и образование);
- обеспечивать, чтобы продовольствие и лекарства не использовались в качестве средств политического давления.

Односторонние ограничительные меры в этом документе названы «средствами политического или экономического давления на любую страну». Их целью признано воспрепятствование «осуществлению этими странами своего права свободно и самостоятельно принимать решения в отношении их политической, экономической и социальной систем». Результатом применения таких мер являются создание угрозы суверенитету затрагиваемого государства и негативных последствий для осуществления всех прав человека широкими слоями населения этого государства [14].

В связи с перечисленными неблагоприятными последствиями «санкций» для международного и внутригосударственного публичного порядка в ряде актов ООН был напрямую предусмотрен запрет односторонних принудительных мер (Хартия экономических прав и обязанностей государств (1974), Резолюция ЮНКТАД «Об отказе от принудительных экономических мер» (1983) и др.). Наиболее категорично данный запрет изложен в ст. 32 Хартии экономических прав и обязанностей государств: «Ни одно государство не может применять по отношению к другому государству... меры принудительного характера,

направленные на ущемление его суверенных прав или на извлечение из этого какой-либо выгоды» [16]. Несмотря на данный запрет, государства продолжают использовать односторонние санкции, ссылаясь на конституционные нормы о защите безопасности государства и граждан.

а) односторонние экономические меры США

Наиболее жесткие экономические санкции в отношении России были применены в США. В отличие от европейских санкций они прекращают даже возникшие до марта 2014 года правоотношения между российскими и американскими контрагентами. Если европейские энергетические санкции распространяются только на нефть в силу зависимости Европы от российского газа, то американские санкции — как на российскую нефть, так и газ.

Американские односторонние экономические меры основываются на Законе США от 2 августа 2017 г. № 115-44 «О противодействии противникам Америки посредством санкций» [11]. В качестве основания для введения американских экономических санкций названы не только присоединение Крыма и военные действия на Донбасе, но и нарушение прав человека, военные действия в Сирии, предполагаемое вмешательство России в президентскую кампанию в США, коррупция, подрыв кибербезопасности.

Конкретные индивидуальные и секторальные санкционные меры вводятся указами Президента США. В частности, такими санкциями были введены:

- запрет инвестирования в Крым американскими физическими и юридическими лицами, где бы они не находились,
- запрет импорта товаров из Крыма, экспорта товаров в Крым,
- блокирование (т. е. запрет транспортировки, экспорта, оплаты и иных действий) собственности и имущественных прав лиц, работающих в Крыму, являющихся руководителями действующей в Крыму организации, находящейся под контролем данных лиц или оказывающих им поддержку [5].

Кроме того, в США сформированы и постоянно обновляются персональный [22] и секторальный санкционные списки [20]. Например, в 2020 году в секторальный санкционный список были включены две зарегистрированные в Швейцарии дочерних компании ПАО «Роснефть» — ROSNEFT TRADING S.A. и TNK TRADING INTERNATIONAL S.A. В 2021 году персональный санкционный список был дополнен гражданином РФ Полянином Е. И. в связи с причастностью к кибератакам, один из российских сервисов по обмену криптовалюты «SUCCESSFUL EXCHANGE» за сотрудничество с кибермошенниками, 27-й Научный центр Минобороны РФ по делу А. Навального. Включение в указанные списки означает введение для данных лиц дополнительных лицензионных требований относительно экспорта и передачи отдельных товаров и технологий на территории США.

Односторонние экономические меры, сходные с европейскими и американскими, были приняты в ряде европейских стран (Австралии, Канаде, Японии, Лихтенштейне, Черногории, Норвегии, Швейцарии, Украине и др.) [19].

б) односторонние экономические меры РФ

В ответ на санкции ЕС и санкции отдельных иностранных государств в РФ был сформирован свой «черный» список иностранных граждан, по отношению к которым вводились определенные ограничения. Среди них, например, оказался бывший посол Болгарии в России, глава Службы разведки Дании, госсекретарь Министерства обороны Германии, бывший глава МИ-6 в Великобритании [21]. Кроме того, российской экономической контрмерой стал

запрет на западные сельскохозяйственные продукты, срок действия которого регулярно продлевается. В частности, в РФ было введено эмбарго на продажу фруктов, овощей, мяса, рыбы, морепродукты и молочные продукты из ЕС, США, Канады, Австралии и Норвегии [10].

Применение односторонних экономических мер на национальном уровне основывается на ст. 55, 56, 71, 73, 79.1 Конституции РФ. Помимо этого возможность их применения предусмотрена в специальных правовых актах, прежде всего, в Федеральном законе от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» [12]. Исходя из названия, закон выделяет два вида мер. *Специальные экономические меры* — это временные меры, направленные на защиту интересов Российской Федерации, обеспечение ее безопасности, а также на защиту прав и свобод ее граждан. К ним относятся, например:

— запрещение или ограничение финансовых, внешнеэкономических операций;

— изменение вывозных и ввозных таможенных пошлин и т. п. При этом специальные экономические меры не должны носить более ограничительный характер, чем это необходимо.

Под *принудительными мерами* закон понимает коллективные меры, которые направлены на устранение нарушений мира и введение которых предусмотрено резолюциями Совета Безопасности ООН. Иначе говоря, это те меры невоенного характера, которые, с точки зрения международного права, называются собственно санкциями.

Решение о применении специальных экономических мер принимается Президентом РФ на основе предложений Совета Безопасности РФ. Правительство РФ на основании решения Президента РФ определяет перечень конкретных действий, на которые устанавливается ограничение. Так, во исполнение указанного Федерального закона в РФ был введен запрет и ограничение импорта отдельных видов турецких товаров (томатов) [7; 8].

Помимо указанного закона санкционная политика РФ определяется Федеральным законом от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» [6]. Данный закон был принят вслед за сходным законом США от 2 августа 2017 г. «О противодействии противникам Америки посредством санкций». Целью российского закона является защита интересов и безопасности Российской Федерации от недружественных действий США и иных иностранных государств, в том числе выражающихся во введении политических или экономических санкций, представляющих угрозу территориальной целостности российского государства или направленных на экономическую и политическую его дестабилизацию. Так, в ответ на недружественные действия Украины были введены такие меры, как блокирование (замораживание) безналичных денежных средств, бездокументарных ценных бумаг и имущества на территории РФ, принадлежащих украинским гражданам и юридическим лицам из санкционного списка (в него вошли 922 физических лиц и 84 организации из Украины) [9].

III. Заключение

Как видно из представленного правового анализа, в настоящее время отсутствует достаточная международно-правовая регламентация и соответственно единообразие в правовом регулировании односторонних экономических

мер. Следствием этого выступает постоянный рост числа «санкций» и, порой, произвольному их применению, нарушению международно-правовых принципов невмешательства во внутренние дела государства и защиты прав человека. Назрела необходимость в разработке обязательного многостороннего международно-правового акта об основаниях, условиях, правовых рамках и специальной процедуре применения таких мер, ответственности за злоупотребление ими. Достаточные правовые предпосылки для этого уже сложились. «Санкционное» национальное законодательство отдельных государств включает многочисленные правовые нормы, требующие системного международно-правового осмысления. В частности, сформировалась четкая тенденция к установлению секторальных и персональных ограничительных экономических мер, что в упомянутом международном правовом акте (в случае его принятия) могло бы получить закрепление в качестве правового принципа применения таких мер.

Библиографический список

1. Бахин С. В., Еременко И. Ю. Односторонние экономические «санкции» и международное право // Закон. 2017. № 11. С. 162—175. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
2. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года (ГАТТ) (заключено в г. Марракеше 15.04.1994). Доступ из СПС Гарант.
3. Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) (заключено в г. Марракеше 15.04.1994). Доступ из СПС Гарант.
4. Договор о функционировании Европейского Союза (подписан в г. Риме 25.03.1957) (с изм. и доп. от 13.12.2007). Доступ из СПС КонсультантПлюс.
5. О блокировании собственности определенных лиц и запрете определенных операций в отношении Крымского региона Украины: Указ Президента США от 19.12.2014 № 13685 // Federal Register. 2014. Vol. 79. № 247. P. 77357.
6. О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств: Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3394.
7. О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики: Указ Президента РФ от 28.11.2015 № 583 (ред. от 25.07.2019) // СЗ РФ. 2015. № 48 (часть II). Ст. 6820.
8. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 ноября 2015 № 583 «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики»: Постановление Правительства РФ от 30.11.2015 № 1296 (ред. от 21.12.2019) // СЗ РФ. 2015. № 48 (часть II). Ст. 6843.
9. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 22.10.2018 № 592: Постановление Правительства РФ от 01.11.2018 № 1300 (ред. от 20.08.2021) // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6952.
10. О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 06.08.2014 № 560, от 24.06.2015 № 320, от 29.06.2016 № 305, от 30.06.2017 № 293, от 12.07.2018 № 420, от 24.06.2019 № 293, от 21.11.2020 № 730 и от 20.09.2021 № 534: Постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778 (ред. от 28.12.2021) // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4543.
11. О противодействии противникам Америки посредством санкций: закон США от 02.08.2017 № 115—44. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf> (дата обращения: 16.12.2021).

12. О специальных экономических мерах и принудительных мерах: Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ (ред. от 01.05.2019) // СЗ РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 44.
13. Об ограничительных мерах в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию в Украине: Регламент Совета (ЕС) № 833/2014 от 31.07.2014 // Official Journal of the European Union. L 229. 31.7.2014. P. 1. См. консолидированную редакцию данного документа: URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2014/833/2019-07-09> (дата обращения: 15.12.2021).
14. Права человека и односторонние принудительные меры: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.2020 № A/RES/75/181. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/75/181> (дата обращения: 15.12.2021).
15. Резолюция 2368 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8007-м заседании 20.07.2017. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/223/48/PDF/N1722348.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.12.2021).
16. Хартия экономических прав и обязанностей государств: Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3281 (XXIX) от 12.12.1974 // Действующее международное право. Т. 3. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 135—145. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
17. Crimea and Sevastopol: Further EU sanctions approved: press release of Council of the European Union ST 17015/14 of 18.12.2014. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/146392.pdf?_x_tr_sl=auto&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru (дата обращения: 16.12.2021).
18. List of persons and entities under EU restrictive measures over the territorial integrity of Ukraine. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/21891/20170914-list-of-designated-persons-and-entities.pdf> (дата обращения: 16.12.2021).
19. Russell M. Sanctions over Ukraine: Impact on Russia. Members' Research Service // European Parliamentary Research Service. January 2016. P. 5. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614665/EPRS_BRI%282018%29614665_EN.pdf (дата обращения: 16.12.2021).
20. Sectoral Sanctions Identifications List (the «SSI List») of U.S. Department of the Treasury. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/consolidated-sanctions-list-non-sdn-lists/sectoral-sanctions-identifications-ssi-list> (дата обращения: 15.12.2021).
21. *Seymat N.* The complete blacklist of EU officials banned from Russia // Euronews. 02.06.2015. <https://www.euronews.com/2015/06/02/the-complete-blacklist-of-european-officials-barred-from-entering-russia-putin> (дата обращения: 15.12.2021).
22. Specially Designated Nationals and Blocked Persons List («SDN List») of U.S. Department of the Treasury. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/specially-designated-nationals-and-blocked-persons-list-sdn-human-readable-lists> (дата обращения: 15.12.2021).
23. WTO Analytical Index: GATT 1994 — Article XXI (Jurisprudence). URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/ai17_e/gatt1994_art21_jur.pdf (дата обращения: 28.12.2021).

Сведения об авторе / Information about the author

Крутий Елена Александровна — кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия ekrutij@yandex.ru

Krutij Elena Alexandrovna — Candidate of Law, department of private law of the Faculty Law, Head of department, Associate Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, ekrutij@yandex.ru

С. Е. Ковалев

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Статья посвящена конституционализации уголовного процесса, как метода регулирования общественных отношений с помощью правовых норм и конституционного правотворчества. А также, гарантиям реализации прав и свобод граждан в сфере уголовного судопроизводства. Рассмотрены научные дискуссии о прямом применении Конституции РФ в уголовном судопроизводстве России. Рассматривается возможность использования решений Конституционного Суда РФ в качестве источника права.

Ключевые слова: Конституция, конституционализация, уголовный процесс, Конституционный Суд, правовые гарантии.

S. E. Kovalev

CONSTITUTIONALIZATION OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

The article is devoted to the constitutionalization of the criminal process as a method of regulating public relations with the help of legal norms and constitutional law-making. As well as guarantees of the realization of the rights and freedoms of citizens in the field of criminal proceedings. Scientific discussions on the direct application of the Constitution of the Russian Federation in criminal proceedings in Russia and the use of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of law are considered.

Key words: Constitutionalization, criminal procedure, Constitutional Court, legal guarantees.

Относительно конкретной отрасли права конституционализацию можно рассматривать как средство приведения отраслевых норм права и практики их применения в соответствии с нормами Конституции РФ, а также практике конституционного судопроизводства. Конституционализацию, по мнению Олега Александровича Вагина, начальник Управления конституционных основ уголовной юстиции Конституционного Суда РФ, нельзя рассматривать только как законотворческий процесс. Необходимо также учитывать назначение уголовного судопроизводства, как механизма защиты общества от преступных посягательств, и защиты подозреваемого от незаконного обвинения и осуждения. Здесь и далее приводятся позиции участников научной конференции: «Конституционализация уголовного судопроизводства (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)», прошедшей 30 октября 2021 г. в Северо-западном филиале Российского государственного университета правосудия.

Таким образом, конституционализацию уголовного процесса можно рассматривать как основанный на положениях Конституции соответствующий нормам уголовно-процессуального закона, режим реализации правовых норм, обеспечивающий правосудием конституционную защиту прав граждан и гарантирующий вынесение решений, отвечающих требованиям справедливости, равенства, и исполнимость всех судебных решений.

Критерии справедливости и равенства здесь отмечены как необходимые элементы конституционной законности в рамках уголовного судопроизводства. А исполнимость судебного решения, как обязательный результат правосудия. Процесс не ради процесса, а ради результата!

Справедливость можно рассматривать не только как соответствие тяжести совершенного деяния и строгости назначенного судом наказания, а в более широком смысле, как равенство всех перед законом и судом, равенство процессуальных возможностей участников стороны обвинения и стороны защиты, особенно в процессе доказывания по уголовным делам, а также, как равный доступ обвиняемых к правосудию, в том числе, и в суде присяжных.

При этом, конституционализация уголовного процесса невозможна без учета мажоритарной воли народа в рамках не только конституционного правотворчества, но и правоприменения.

В правовой науке существует дискуссия о возможности прямого применения норм Конституции не только как политического акта, при учреждении государства, а прежде всего, как источника права. Леонид Витальевич Головкин, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, входит в число сторонников ограничения прямого применения Конституции РФ правоприменителем, называя это опасным инструментом в неумелых руках. Он призывает к опосредованному применению конституционных положений в регулировании общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства через орган конституционной юстиции.

Другие авторы, например Никита Александрович Колоколов, судья Верховного Суда РФ в почетной отставке, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин МПГУ, вполне допускает непосредственное применение и толкование конституционных норм, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность. Он утверждает, что каждый гражданин, который на референдуме голосовал за Конституцию РФ, имеет право ее толковать.

Мы, все же поддерживаем точку зрения тех, кто считает, что прямое применение и тем более толкование Конституции РФ, должно быть единообразным для всех субъектов уголовной юстиции и других участников уголовного процесса.

Сущность конституционализации, в итоге, связана с реализацией принципа законности, который стоит во главе всей юридической пирамиды. Этот конституционный принцип устанавливает обязанность всех субъектов уголовно-процессуальных правоотношений соблюдать требование закона. Но такое понимание принципа законности по мнению Александра Витальевича Смирнова, первого выпускника юридического факультета ИвГУ, профессора кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, является слишком упрощенным и не раскрывает всю глубину его содержания. По его мнению, законность является средством защиты граждан от «произвола» государства.

Произвол здесь рассматривается не только как факт нарушения установленных запретов на применение физического и психического насилия в отношении участников процесса. Но и как возможность реализации дискретных полномочий органами уголовной юстиции в условиях правовой неопределенности конкретной нормы права.

Примером такой правовой неопределенности могут выступать апелляционные и кассационные основания отмены судебного решения. Часть 1 ст. 389.17 УПК РФ [8] к таким основаниям относит: нарушения закона, которые повлияли или могли повлиять на вынесение законного решения суда. Любое нарушение могло повлиять, а могло и не повлиять. По нашему мнению, в данном случае необоснованно расширяются пределы судебного усмотрения.

Далее, в статье 401.6 УПК РФ [8] указываются следующие основания для отмены судебного решения: это существенные нарушения закона, которые искажают саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. Данная норма, между прочим, была сконструирована с учетом позиции Конституционного Суда РФ. Позднее, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении № 17-П от 17.07.2002 г., попытался дать разъяснение такой нормативной конструкции как «искажение сути правосудия» и определил ее как «разрушение необходимого баланса конституционно защищаемых ценностей». По нашему мнению, такое толкование еще больше все запутало и не привело к единообразному пониманию такой правовой позиции.

Кроме того, по мнению Александра Витальевича Смирнова, законность должна исключать произвольное усмотрение публичных участников уголовного процесса при принятии ими процессуальных решений и совершении процессуальных действий. При этом усмотрение публичных субъектов при формировании своей правовой позиции, несомненно должно основываться на оценке имеющихся в деле доказательств и на конкретных нормах права. По его мнению, условиями реализации законности как «антипроизвола», является обязательное нормативное закрепление следующих элементов:

- субъектный состав процессуальных действий;
- полномочия субъектов и их разграничение;
- фактические основания, юридические условия и ограничения для совершения процессуальных действий;
- последовательность процессуальных действий;
- гарантии обеспечения интересов правосудия, прав и свобод граждан;

Кроме того, при установлении и распределении прав, свобод и юридических обязанностей должна соблюдаться правовая определенность, которая выражается в равенстве регулирования однородных правоотношений, исключении пробелов в правовом регулировании, адекватности по форме и непротиворечивости по содержанию. А также в запрете на произвольное изменение норм права и недопустимость придания обратной силы законам, которые упраздняют ранее приобретенные субъективные права на предыдущих стадиях.

На необходимость равного регулирования однородных правоотношений неоднократно указывал Конституционный Суд РФ в своих постановлениях (№ 8-П от 24.05.2001 г. [2], № 11-П от 3.06.2004 г. [3], № 6-П от 15.06.2006 г. [4], № 5-П от 5.04.2007 г. [5], № 4-П от 26.02.2010 г. [6]).

В связи с расширением понятия законности, Александр Витальевич предлагает ввести в российское уголовно-процессуальное право «критерии

доказанности» в качестве гарантии устойчивости всей процессуально-правовой системы. Поэтому мы согласны с его мнением, что хуже нестабильной законности, только стабильная незаконность [7].

Еще раз хотелось бы остановиться на важнейшей роли Конституционного Суда Российской Федерации как посредника между Конституцией РФ, с одной стороны, и законодателем и правоприменителем, с другой. Несомненно, что Конституционный Суд РФ, выражая правовую позицию в своих решениях, по сути, разрабатывает доктрину «судебного права». Заполняя существующие лакуны законодательства, его решения «де факто» становятся источниками российского права в целом и уголовно-процессуального, в частности.

По мнению Натальи Владимировны Ильютченко, доцента кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ имени М. В. Ломоносова, источниками уголовно-процессуального права России выступает не только сама Конституция РФ, но и толкования ее текста в решениях Конституционного Суда РФ. Судебная практика высшего суда, по сути, решает вопросы права. И мы согласны с Натальей Владимировной, что не нужно бояться судебной практики, которая обладает «правовой энергией» и стимулирует законодателя оставаться в конституционно-правовом поле. За 30 лет деятельности Конституционного Суда РФ им вынесено 8,5 тыс. решений в сфере уголовного судопроизводства. Из них 87, это Постановления, а остальные — Определения органа конституционного контроля. При этом Постановления, в основном, ориентированы на законодателя, а Определения, толкуя действующую норму, существенным образом повлияли на правоприменение.

Но неизбежно возникает вопрос, что же является основой для решений Конституционного Суда РФ?

Мы согласны с Еленой Геннадьевной Васильевой, председателем пятого судебного состава Второго кассационного суда общей юрисдикции, что в основу решений Конституционного Суда РФ заложена «гемоцентричная система ценностей», которая сформировалась в послевоенное время при новом миропорядке, закреплённом во Всеобщей декларации прав человека и других международных правовых актах. И в этом смысле, мы наблюдаем движение к позитивистско-естественной (смешенной) системе права.

В качестве итога хотелось бы привести слова Ольги Владимировны Кузьминой, первого проректора ИвГУ, заведующего кафедрой уголовного права и процесса юридического факультета ИвГУ: «Государство не дарует права и свободы человеку, а признает их и обеспечивает возможность реализации, в том числе и при производстве по уголовному делу» [1, с. 121].

Библиографический список

1. Кузьмина О. В. Охрана прав человека в российском уголовном процессе // Сборник материалов ежегодной Всероссийской научно-практической конференции: Идеи и принципы Всеобщей декларации прав человека: состояние и перспективы реализации, национальный и международный опыт. Ивановский государственный университет. Иваново, 2018. С. 121—129.
2. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой: Постановление Конституционного Суда РФ

- от 24.05.2001 № 8-П // Собрание законодательства РФ, 28.05.2001, № 22, ст. 227 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 5.
3. По делу о проверке конституционности положений подпунктов 10, 11 и 12 пункта 1 статьи 28, пунктов 1 и 2 статьи 31 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами Государственной Думы Астраханской области, Верховного Суда Удмуртской Республики, Биробиджанского городского суда Еврейской автономной области, Елецкого городского суда Липецкой области, Левобережного, Октябрьского и Советского районных судов города Липецка, а также жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 03.06.2004 № 11-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 4.
  4. По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 2 статьи 2 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» и части первой статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (в редакции статьи 12 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации») в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой граждан М. Ш. Орлова, Х. Ф. Орлова и З. Х. Орловой: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2006 № 6-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 4.
  5. По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и пункта 8 Правил выпуска и погашения государственных жилищных сертификатов в рамках реализации подпрограммы «Государственные жилищные сертификаты» на 2004—2010 годы, входящей в состав федеральной целевой программы «Жилище» на 2002—2010 годы, в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 05.04.2007 № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 3.
  6. По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой: Постановление Конституционного Суда РФ от 26.02.2010 № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 3.
  7. *Смирнов А. В.* Стандарты доказанности: взаимосвязь с презумпциями и распределением бремени доказывания // Уголовный процесс. 2021. № 12, декабрь. URL: <https://e.ugpr.ru/934289> (дата обращения: 10.01.2021).
  8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 30 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 17.01.2022).

Сведения об авторе / Information about the author

Ковалев Сергей Евгеньевич — доцент кафедры уголовного права и процесса, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, bomelaid@mail.ru

Kovalev Sergey Evgenievich — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, bomelaid@mail.ru

А. Д. Исаева

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ЗАЩИТЫ СЕМЬИ, МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

В статье рассматривается конституционный принцип защиты семьи, материнства и детства, анализируются проблемы, связанные с реализацией данного принципа. Раскрываются понятия семьи, материнства, детства, отцовства.

Ключевые слова: принцип, семья, материнство, отцовство, детство, брак, союз, защита, конституционная ценность, права человека.

A. D. Isaeva

CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF PROTECTION OF THE FAMILY, MOTHERHOOD AND CHILDHOOD

The article examines the constitutional principle of protection of the family, motherhood and childhood, analyzes the problems associated with the implementation of this principle. The concepts of family, motherhood, childhood, and fatherhood are revealed.

Key words: principle, family, motherhood, fatherhood, childhood, marriage, union, protection, constitutional value, human rights.

Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ) провозглашает ценности семьи, материнства, отцовства и детства наряду с другими базовыми ценностями в качестве первичного и безусловного основания для правовой системы Российского государства. Для каждой нормы права данные ценности утверждаются непосредственно волей народа, для которого они имеют объективную социальную значимость. Россия в статье 7 Конституции [1] определяется как социальное государство, политика которого направлена на обеспечение государственной поддержки семьи, создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Семья, находящаяся под защитой государства, является одной из наиболее значимых для каждого человека конституционных ценностей, которая выступает одним из главных факторов совершенствования общества, полноценного воспитания новых поколений граждан.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своих обращениях к органам власти ежегодно подчеркивает, что для нашего общества именно семья, рождение детей были и остаются мощным нравственным каркасом. Исходя из того, что первичным социумом развития и воспитания ребенка в большинстве случаев является семья, Конституция РФ прямо устанавливает государственную гарантию поддержки семьи и детства (ч. 2 ст. 7), а также защиту материнства и детства (ч. 1 ст. 38) [1]. Соответственно, можно говорить, что семья как социальный институт представляет собой конституционную ценность.

Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2011 г. № 28-П [15], конституционный принцип социального государства обязывает публичную власть надлежащим образом осуществлять государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливать гарантии социальной защиты на основе общепринятых в правовом и социальном государстве стандартов и гуманитарных ценностей. Это означает, что одним из важных направлений социальной политики Российской Федерации является государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, которая имеет среди своих главных задач обеспечение достойной жизни и свободного развития. Так, среди национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации на период до 2024 г. указываются, в том числе, внедрение механизма финансовой поддержки семей при рождении детей и иные [9].

Одним из важнейших прав человека выступает право на защиту семьи, материнства и детства. Вместе с тем, несмотря на закрепление данного права на конституционном уровне, что подчеркивает его значимость не только для каждой российской семьи, но и всего российского государства в целом, в современной юридической доктрине отсутствует единая позиция относительно сущности данного права. Обусловлено это тем, что термин «защита семьи, материнства и детства» многозначен, а также тем, что закрепляя данное право на конституционном уровне, законодатель использует понятия «семья», «материнство» и «детство», в то время как в ст. 72 Конституции РФ, определяя, в чем ведении находится данная защита, прибавляет к перечисленным понятиям еще и понятие «отцовство» [1].

Таким образом, государство обеспечивает поддержку семьи, материнства, отцовства и детства (часть 2 статьи 7 Конституции РФ), а каждому гарантируется социальное обеспечение для воспитания детей (часть 1 статьи 39 Конституции РФ), но тогда остается вопросом факт отсутствия упоминания в части 1 статьи 38 Конституции о государственной защите отцовства наравне с материнством и детством.

Далее предлагаем рассмотреть категории «семья», «материнство», «отцовство», «детство» в общем контексте принципа защиты семьи, материнства, отцовства и детства.

Семья является основой общества, соответственно, без семьи невозможно существование как общества, так и государства.

Многие области науки, в том числе различные отрасли юридической науки, рассматривают семью в качестве предмета исследования как сложное, многогранное социальное явление. Но данное понятие не раскрывается в нормах действующего российского законодательства. В международном праве, в частности, во Всеобщей декларации прав человека, также используется только термин и говорится, что «семья является естественной и основной ячейкой общества» [2]. Аналогичные положения нашли отражение и в Международном пакте «О гражданских и политических правах» [4]. В Международном пакте «Об экономических, социальных и культурных правах» о семье также говорится как о естественной и основной ячейке общества [5].

В преамбуле Конвенции ООН «О правах ребенка» [3] семья также рассматривается как основная ячейка общества и естественная среда для роста и благополучия всех ее членов, и особенно детей.

В 2001 г. с запросом о толковании этого понятия в Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) обратилась Костромская областная Дума.

Конституционный Суд РФ в Определении от 5 июля 2001 г. № 135-О [13] отказал в принятии к рассмотрению запроса, мотивировав отказ тем, что перед ним фактически был поставлен вопрос о согласовании ряда федеральных законов в целях единообразного определения круга лиц, составляющих семью. Решение этой задачи означало бы проверку конституционности положений указанных федеральных законов, а также потребовало бы от Конституционного Суда РФ — вопреки его конституционно-правовой природе и функциям — создания новой правовой нормы, что означало бы вторжение в компетенцию законодателя.

Анализируя статьи 7, 23, 38 и 72 Конституции РФ можно прийти к выводу, что семья является объектом конституционного регулирования, которое осуществляется с помощью специальных законодательных актов как федеральных органов власти, так и органов власти субъектов Российской Федерации.

Рассматривая категорию «семья», необходимо отметить, что одним из оснований возникновения семьи является брак. Россия относится к группе стран, где никакая форма однополых союзов не предусмотрена законодательством, а брак рассматривается исключительно как союз лиц разного пола.

Особый интерес в данном контексте представляет традиционное понимание Конституционным Судом РФ семьи, отраженное в Постановлении от 23 сентября 2014 года № 24-П [14]. В нем суд не дает однозначного ответа на вопрос, почему понимание семьи должно непременно проистекать именно из традиционных представлений, указывая лишь, что это соответствует смыслу конституционных положений, имея при этом в виду часть 1 статьи 38 и пункт «ж» части 1 статьи 72.

Другим аргументом суда в пользу понимания семьи как исключительно разнополого союза выступает то, что «одно из предназначений семьи — рождение и воспитание детей» [14], а значит, понимание брака как союза мужчины и женщины объясняется в том числе законодательным подходом к решению вопросов демографического и социального характера в области семейных отношений.

В июле 2021 года Европейский суд по правам человека назвал несправедливым отказ российским однополым парам в заключении брака и рекомендовал Российской Федерации ввести юридическую процедуру, позволяющую заключать такие союзы. По мнению ЕСПЧ, отказ в оформлении однополых отношений «противоречит статье Европейской конвенции о праве на уважение частной и семейной жизни» [18].

В ответ спикер Госдумы Вячеслав Володин напомнил о существовании нормы о защите института брака как союза мужчины и женщины, указав, что «все иное — противоречит Конституции, нормы которой приоритетны» [17].

В рамках рассматриваемого принципа также следует остановить свое внимание еще на одной, достаточно значимой конституционно-правовой категории — «материнство».

Традиционно материнство понимается как состояние женщины-матери, преимущественно в периоды беременности и младенческих лет ребенка), а также как свойственное матери сознание родственной связи ее с детьми (чувство материнства) [16].

Материнство является также конституционной ценностью и находит свое закрепление в Конституции нашей страны, статья 7 которой закрепляет, что в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства.

Далее, важное значение для определения сущности анализируемого принципа имеет понятие «отцовство». Обратившись к словарю С. И. Ожегова, можно найти следующее определение: «отцовство — это кровное родство между отцом и его ребенком (детьми)» [16].

Анализируя действующий в настоящее время институт отцовства, следует указать на то, что он не получил конституционного закрепления в норме, содержащейся в части 1 статьи 38 Конституции РФ (но в части 2 статьи 7, посвященной социальному государству, говорится, что в Российской Федерации обеспечивается «государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства») [1], что приводит к появлению определенных трудностей в правоприменительной практике.

Но при анализе поправок в Конституцию РФ 2020 г. можно наблюдать появление в статье 72 пункта «ж-1», которым в совместное ведение Российской Федерации и субъектов РФ отнесены «защита семьи, материнства, отцовства и детства» [1].

При этом в статье 1 действующего Семейного Кодекса Российской Федерации (далее — Семейный кодекс РФ) закреплена норма, определяющая основные начала семейного законодательства [6]. Ее буквальное толкование позволяет увидеть, что законодатель определяет, что находится под защитой государства и, наряду с семьей, материнством и детством называет и отцовство, тем самым подчеркивая значимость и самостоятельность данного правового института.

Категория «детство» также является одним из важнейших конституционно-правовых терминов и представляет собой особый жизненный этап в развитии человека. Именно в этот период закладываются основы для дальнейшего физического и психологического здоровья человека. В связи с этим раннее детство нуждается в особой охране со стороны семьи, государства и общества в целом, а решение этой задачи ложится на плечи родителей. Это нашло свое отражение в Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. [3].

Таким образом, проанализировав понятия «семья», «материнство», «отцовство» и «детство», можно определить семью как круг лиц, связанных правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы устройства детей на воспитание, где супруги связаны общностью быта, взаимопомощью и взаимной поддержкой, обязаны материально и морально поддерживать друг друга, родители имеют право и несут ответственность за воспитание, развитие и содержание своих детей, а трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей, заботиться о них.

Следует отметить, что основополагающая функция защиты семьи, материнства, отцовства и детства осуществляется всеми органами государственной власти Российской Федерации.

Вместе с тем на практике зачастую прямое применение норм Конституции РФ возможно далеко не всегда или невозможно вообще при отсутствии закона. Применение ч. 1 ст. 38 Конституции напрямую невозможно без законодательного определения мер, способов, порядка такой защиты, органов, ее осуществляющих, что обуславливает принятие реализующих его соответствующих актов.

Согласно ст. 72 Конституции РФ защита семьи, материнства, отцовства и детства находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Основной проблемой в реализации данной нормы является закрепление за субъектами полномочий без достаточного обеспечения ресурсами.

Также, одной из проблем, является неопределенность полномочий федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления. На протяжении многих лет расходные обязательства большинства субъектов Российской Федерации, связанные с реализацией полномочий, не соответствуют объему имеющегося у них финансового обеспечения — не все субъекты в состоянии реализовывать полномочия в связи с отсутствием средств.

Кроме этого, хочется остановиться на уже не новой проблеме, связанной с применением репродуктивных технологий.

Семейный кодекс РФ в пункте 4 статьи 51 [6] устанавливает императивное правило, в соответствии с которым лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери).

В ч. 9 ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [8] дано понятие суррогатного материнства, которое представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям. Похожее понятие содержится в п. 77 Приказа Минздрава России от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [10].

Согласно ч. 5 ст. 16 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (далее — Закон об актах гражданского состояния) [7] при государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, одновременно с документом, подтверждающим факт рождения ребенка, должен быть представлен документ, выданный медицинской организацией и подтверждающий факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов родителями ребенка.

Указанные нормы предоставляют именно суррогатной матери преимущественное право наделяния родительскими правами генетических родителей, что нарушает права и законные интересы генетических родителей, а также права ребенка на то, чтобы жить и воспитываться в семье, знать своих родителей, на их заботу, совместное проживание с родителями, воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства, защиту [п. 2 ст. 54 СК РФ, ч. 2 ст. 3 Конвенции о правах ребенка].

Поскольку Конституцией РФ гарантируется государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, а семья, материнство и детство находятся под защитой государства [1] указанное правило по установлению происхождения ребенка при применении метода вспомогательной репродуктивной технологии (суррогатного материнства) противоречит Конституции РФ.

Анализируя данную проблему, необходимо отметить Определение КС РФ в от 15.05.2012 № 880-О [12] относительно ряда норм Семейного кодекса РФ и Закона об актах гражданского состояния, в котором были рассмотрены положения, допускающие запись доноров половых клеток (генетических родителей) в качестве родителей ребенка, родившегося в результате осуществления процедуры суррогатного материнства, лишь при наличии выраженного согласия женщины, выносившей и родившей его (суррогатной матери).

Суд не отметил, можно ли каждого из указанных лиц именовать де-факто родителем такого ребенка, а возникающие между ними отношения — семейной жизнью. Но неоднократно суд ссылается на ч. 1 ст. 38 Конституции, в силу которой семья находится под защитой государства (абз. 1 п. 2, абз. 1 п. 3). Также судья Г. А. Гаджиев в особом мнении по делу поставил вопросы: «Является ли суррогатная мать матерью в конституционном смысле... когда суррогатная мать становится матерью и какими являются отношения, возникающие между матерью и ребенком в период беременности?», «С точки зрения медицины, происхождение человека определяется путем установления тождества генов... достаточен ли факт генетического родства ребенка для приобретения родительских прав?» [12].

Однако, в итоге КС РФ счел, что указанная модель правового регулирования, не будучи единственно возможной, не выходит за пределы правотворческих полномочий федерального законодателя [12].

Следует отметить, что в последующем Определении КС РФ от 27.09.2018 № 2318-О относительно тех же норм законов, а также Закона об основах охраны здоровья граждан КС РФ подтвердил вышеуказанный вывод, но допустил полномочие судов, «учитывая все фактические обстоятельства конкретного дела, разрешить спор в интересах ребенка» [11].

В заключение хотелось бы отметить, что семейное законодательство, регулирующее семейные правоотношения, при конкретизации норм Конституции РФ в данной области ставит перед собой цель не только укреплять и защищать семью в целом, но и защищать законные права и интересы детей, вытекающие из обязанностей родителей осуществлять заботу и воспитание. В связи с этим семейно-правовая защита должна рассматриваться в качестве реального механизма реализации важнейшего конституционно-правового принципа — принципа защиты семьи, материнства и детства.

Таким образом, сущность рассматриваемого принципа проявляется в реализации определенных правовых норм, регулирующих и охраняющих данные общественные отношения и закрепленных как в международно-правовых актах, так и в национальном законодательстве, а, именно, в: Конституции РФ, федеральных законах, подзаконных нормативных правовых актах, законодательных актах субъектов РФ.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с поправками) // Российская газета от 4 июля 2020 г. № 144.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.03.2021) // <http://pravo.gov.ru>
7. Об актах гражданского состояния: федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 30.12.21) // <http://pravo.gov.ru>
8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 02.07.21) // <http://pravo.gov.ru>
9. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Российская газета от 9 мая 2018 г. № 97с.
10. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 01.02.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2318-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»: определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Костромской областной Думы о толковании понятия «семья», содержащегося в статье 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 135-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова: постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Е. Остаева: постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2011 № 28-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 09.01.2022).
17. Володин прокомментировал рекомендации ЕСПЧ по однополым бракам. URL: <https://ria.ru/20210713/brak-1741158748.html> (дата обращения: 09.01.2022).
18. ЕСПЧ: Россия должна признать однополые союзы. URL: <https://european-court.ru/tag/fedotova-i-drugie-protiv-rossii/> (дата обращения: 09.01.2022).

Сведения об авторе / Information about the author

Исаева Анна Дмитриевна — доцент кафедры предпринимательского и процессуального права юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия. isaeva_ad@mail.ru

Isaeva Anna Dmitrievna — Associate Professor of the Department of Business and Procedural Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, isaeva_ad@mail.ru

УДК 342.951

А. М. Васильева, А. С. Воронкова

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В статье анализируются порядок применения ФЗ «Об исполнительном производстве» совместно со ст. 23, 25, ч. 1 ст. 27 Конституции РФ и других нормативно-правовых актов, регулирующих взаимоотношения между должником и приставом-исполнителем. Целью работы является выявление оснований для применения исполнительского иммунитета и надлежащего, правомерного исполнения судебного приказа.

Ключевые слова: неприкосновенность жилища, исполнительский иммунитет, должник, исполнительное производство.

А. М. Vasilieva, A. S. Voronkova

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE LIMITATION OF THE CONSTITUTIONAL HUMAN RIGHT TO THE INTEGRITY OF HOUSING IN EXECUTIVE PRODUCTION

The article analyzes the procedure for applying the Federal Law “On enforcement proceedings” in conjunction with Article 23.25, Part 1 of Art. 27 of the Constitution of the Russian Federation and other normative legal acts regulating the relationship between the debtor and the bailiff. The purpose of the work is to identify the grounds for the application of executive immunity and the proper, lawful execution of the court order.

Key words: home inviolability, enforcement immunity, debtor, enforcement proceedings.

Служба судебных приставов-исполнителей часто сталкивается в работе с принципом соотносимости ограничений, накладываемых в отношении имущества должника. Рассмотрим, правовые ситуации, когда взыскание по исполнительным документам, может быть, в одних случаях, обращено на жилое помещение (его часть), принадлежащее гражданину на праве собственности, а в других — нет. Например, в том случае, если для гражданина — должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, жилье является единственным пригодным для постоянного проживания помещением [3, с. 3]. Однако, если жилое помещение является предметом ипотеки [2, ст. 446], тогда на него может быть обращено взыскание в соответствии с законодательством об ипотеке [10, ст. 54.1]. А также определим правовые основания для применения либо для отказа в применении исполнительского иммунитета.

Для того чтобы более ясно понимать, каким образом необходимо приставу-исполнителю правомерно исполнять исполнительные документы

© Васильева А. М., Воронкова А. С., 2022

• Серия «Естественные, общественные науки»

в отношении собственности гражданина-должника, изучим границы института исполнительского иммунитета. Границы института исполнительского иммунитета в отношении жилых помещений состоят в том, чтобы гарантировать гражданам уровень обеспеченности жильем, необходимый [5, п. 2.2] для нормального существования без умаления достоинства человека. Определим для начала два момента. Во-первых, Конституционный Суд РФ признает предпочтительным либо необходимым назначение судом по ходатайству кредиторов оценки рыночной стоимости жилого помещения [6, п. 3.1]. Во-вторых, должно быть учтено соотношение рыночной стоимости жилого помещения с величиной долга, погашение которого в существенной части могло бы обеспечить обращение взыскания на жилое помещение. Таким образом, оценка рыночной стоимости жилого помещения и соотношение ее с величиной долга может иметь решающее значение в определении оснований к применению указанного исполнительского иммунитета либо к отказу от его применения [7, п. 1].

Для правомерности взыскания на жилое помещение по суду необходимо установить следующие обстоятельства: 1) соответствие жилого помещения критериям, позволяющим преодолеть в отношении него исполнительский иммунитет; 2) несоразмерность доходов гражданина-должника его обязательствам перед кредитором (взыскателем) в отсутствие у него иного имущества, на которое взыскание можно было бы обратить. Однако, в случае, когда права кредиторов нарушает множественное и систематическое неисполнение должником обязательств при общих размерах долга, явно несоразмерных имущественному положению гражданина, ухудшение жилищных условий в таком случае не исключено, как и при злоупотреблении должником правом исполнительского иммунитета.

Необходимо также определить, ухудшение жилищных условий вследствие отказа в применении исполнительского иммунитета не может вынуждать гражданина-должника к изменению места жительства (поселения). Должника также нельзя лишить разумного размера, обеспеченности граждан жильем [9]. В противном случае, учитывая мнение Конституционного Суда РФ, при незначительном превышении предусмотренных законом нормативов, снятие исполнительского иммунитета чревато нарушением конституционного принципа неприкосновенности жилища [4, ст. 25], а также прав гражданина-должника и членов его семьи.

Рассматривая судебную практику, приходим к выводу, что суды вправе отказать должникам в защите их прав, образующих исполнительский иммунитет, если по делу установлено, что само приобретение жилого помещения, формально защищенного таким иммунитетом, состоялось со злоупотреблениями [8], наличие которых позволяет применить к должнику последствия злоупотребления правом, если должник вследствие их совершения отчуждал деньги, имущественные права, с целью приобретения такого помещения.

Таким образом, необходимо законодательно урегулировать порядок обращения взыскания на жилое помещение, явно превышающее по своим характеристикам соответствующий уровень обеспеченности жильем [1]. Важное значение для правомерного применения исполнительского производства имеют перспективы и гарантии обеспечения гражданину-должнику и членам его семьи возможности реализации права на жилище без посягательств на достоинство этих лиц, что вместе с тем не означает отказ от законного принуждения к исполнению обязательств в соответствии с действующим законодательством.

Библиографический список

1. Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/vs-proyasnil-vopros-ob-ispolnitelskom-immunitete/> (дата обращения: 12.12.2021).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. *Исхакова Р. Д.* Проблема исполнительского иммунитета единственного пригодного для проживания жилого помещения должника в процедуре несостоятельности (банкротства) // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «student». 2021. № 5. С. 5.
4. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 №11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова». Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 о некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 1 июня 2021 г. по делу № А40-6305/2016. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/dG2lsymqhQJ/> (дата обращения: 12.12.2021).
9. Определение Арбитражного суда Удмуртской республики от 26 ноября 2019 г. по делу № А71-16753/2017. URL: https://www.garant.ru/files/0/5/1421350/opredelenie-arbitrazhnogo-suda-udmurtskoy-respubliki-ot-26-noyabrya-2019-g-po-delu-_a71-167532017.pdf (дата обращения: 12.12.201).
10. Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Сведения об авторах / Information about the authors

Васильева Анжелика Муратовна — научный руководитель преподаватель кафедры сравнительного правоведения и правотворчества, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, angelika1010@mail.ru

Vasilyeva Angelika Muratovna — Scientific supervisor, Lecturer of the Department of Comparative Jurisprudence and Lawmaking, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, angelika1010@mail.ru

Воронкова Анна Сергеевна — студентка 3 курса бакалавриата очно-заочной формы обучения юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, 865237@gmail.com

Voronkova Anna Sergeevna — 3rd year undergraduate full-time and part-time student of the Faculty of Law of Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, 865237@gmail.com.

Я. А. Куликова

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА РАВНОПРАВИЯ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В статье анализируются проблемы подмены трудовых отношений гражданско-правовыми, судебная практика, а также законодательный путь решения сложившейся ситуации.

Ключевые слова: трудовой договор, гражданско-правовой договор, работник, работодатель, трудовые отношения.

Y. A. Kulikova

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF EQUALITY IN LABOR RELATIONS

The article analyzes the problems of substitution of labor relations with civil law, judicial practice, as well as the legislative way to solve the current situation.

Key words: employment contract, civil contract, employee, employer, labor relations.

Согласно части 3 статьи 37 Конституции РФ каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы [1].

Реализация, установленных в Конституции РФ, прав возможна только при условии заключения трудового договора. Но изобилие судебной практики говорит о том, что работодателю удобно заключить с работником гражданско-правовой договор вместо трудового, чтобы не реализовывать права работников, установленные в Конституции РФ и ином законодательстве. Заключение гражданско-правового договора при фактически трудовых отношениях запрещено согласно статье 15 Трудового кодекса Российской Федерации [3].

Согласно официальной информации Росстат к середине 2019 года количество официально нетрудоустроенных работников составила 21,3 % от общей численности занятых.

В 2020 году с приходом пандемии и объявлением локдаунов, закрытием множества производств и в целом тяжелой экономической обстановкой многим работодателям было легко «уволить» своих работников, в связи с тем, что они работали по гражданско-правовому договору, при фактическом исполнении трудовой функции. И текущая ситуация показала, что экономия на уплатах НДФЛ, а основная причина, по которой многие работники не требуют заключения трудового договора, может повлечь полную незащищенность.

В такой ситуации работник не сможет претендовать на гарантии, права, льготы и защиту, установленные в Конституции РФ и ином федеральном законодательстве.

Заключение гражданско-правового договора вместо трудового может быть обусловлено различными причинами выгодными как работнику, так и работодателю.

При заключении ГПД у работодателя отсутствует необходимость уплачивать налоги и страховые взносы, повышать заработную плату, работника, трудоустроенного по ГПД работника просто «уволить» без каких-либо компенсаций и причин.

При заключении ГПД заказчик не несет бремя расходов на выплату отпускных работнику, оплаты первых трёх дней больничного за счёт работодателя, компенсации за работу выходными и праздничными днями, в ночное время. Также работодатель не несёт расходов на содержание рабочего места сотрудника, включая расходы на аттестацию рабочего места и т.д.

Необходимость заключения ГПД обусловлена в некоторых случаях и выгодой для работника, например, избегающего уплаты алиментов или иных задолженностей, при процедуре банкротства. А в данном случае будут нарушаться права не только работника или работодателя, а также несовершеннолетних детей, кредиторов и иных лиц. Таким образом, можно сделать вывод, что рассматриваемый вопрос является особо актуальным, так как затрагивает права и обязанности большой, неопределённой группы лиц.

Законодательство РФ продвигается по пути сокращения подмены ГПД трудовыми отношениями.

С 01 апреля 2020 года допускается уплата НДФЛ за счет организации, если ей доначислили налог по результатам налоговой проверки.

Согласно пункту 9 статьи 226 НК РФ уплата налога за счет средств налоговых агентов не допускается, за исключением случаев доначисления (взыскания) налога по итогам налоговой проверки в соответствии с настоящим Кодексом при неправомерном неуплате (неполном уплате) налога налоговым агентом [2].

Новая редакция позволяет налоговым органам удерживать доначисленный НДФЛ с организации, а не с работника, так как ранее в случае удовлетворения требований работники должны были самостоятельно его уплачивать.

Таким образом, новые положения, установленные в НК РФ, исключают ответственность работников, а следовательно, увеличивают вероятность жалоб работников на работодателей.

Также с 01 января 2014 года начал свое действие институт переквалификации гражданско-правового договора в трудовой.

Так, например, решением Арбитражного суда Кемеровской области по делу № А27-26540/2020 от 12 апреля 2020 года по иску к Государственному учреждению - Кузбасскому региональному отделению Фонда социального страхования Российской Федерации о признании незаконным решения от о привлечении страхователя к ответственности за совершение нарушения законодательства Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний и взыскании с ГУ КРОФСС уплаченных по решению недоимки, штрафа, пени.

Фактически в рассматриваемой ситуации ФСС самостоятельно в ходе контрольных мероприятий установило подмену трудовых отношений гражданско-правовыми.

Как указало ФСС в своем решении по смыслу норм Гражданского кодекса Российской Федерации, договор возмездного оказания услуг заключается для выполнения исполнителем определенного задания заказчика, согласованного сторонами при заключении договора.

Целью договора возмездного оказания услуг является не выполнение работы как таковой, а осуществление исполнителем действий или деятельности на основании индивидуально-конкретного задания к оговоренному сроку за обусловленную в договоре плату.

От договора возмездного оказания услуг трудовой договор отличается предметом договора, в соответствии с которым исполнителем (работником) выполняется не какая-то конкретная разовая работа, а определенные трудовые функции, входящие в обязанности физического лица — работника, при этом важен сам процесс исполнения им этой трудовой функции, а не оказанная услуга. Также по договору возмездного оказания услуг исполнитель сохраняет положение самостоятельного хозяйствующего субъекта, в то время как по трудовому договору работник принимает на себя обязанность выполнять работу по определенной трудовой функции (специальности, квалификации, должности), включается в состав персонала работодателя, подчиняется установленному режиму труда и работает под контролем и руководством работодателя; исполнитель по договору возмездного оказания услуг работает на свой риск, а лицо, работающее по трудовому договору, не несет риска, связанного с осуществлением своего труда.

Таким образом, основными признаками трудового договора являются личностный признак (выполнение работы личным трудом и включение работника в производственную деятельность предприятия), организационный признак (подчинение работника внутреннему трудовому распорядку), выполнение работ определенного рода, а не разового задания.

Работодатель, не согласившись с данным решением ФСС решил его обжаловать в суде.

Решением суда в удовлетворении требований Истца была отказа ввиду того, что судом также было установлена подмена трудовых отношений гражданско-правовыми.

Условия договора ГПХ в рассматриваемой ситуации не предполагали осуществление исполнителем действий на основании индивидуально-конкретного задания к оговоренному сроку за обусловленную в договоре плату. Оказание услуг осуществлялось с использованием имущества работодателя и от его имени, работник был включен в производственную деятельность общества, договор был заключен на длительный период. Сторонами не оговаривался конкретный итоговый результат оказываемых услуг, оплата осуществлялась исходя из минимально установленного размера оплаты труда в зависимости от количества дней выхода, устанавливаемых по датам включения в работу контрольно-кассового аппарата, не зависимо от количества фактически заключенных в указанный день договоров.

Как указал суд, признавая позицию ФСС обоснованной, страховые взносы верно начислены на выплаты по договорам с физическими лицами, которые по своей правовой природе являлись трудовыми договорами. При этом ранее общество уже привлекалось к финансовой ответственности за совершение аналогичного правонарушения. То есть безусловно знало о недопустимости подмены трудовых контрактов договорами гражданско-правового

характера в целях полной и своевременной уплаты страховых взносов. Однако в проверяемые периоды общество вновь оформляло трудовые отношения со своими работниками посредством гражданско-правовых сделок, выплаты по которым не включало в облагаемую базу, а значит, осознавало противоправный характер своих действий [5].

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Определении от 19.05.2009 N 597-О-О, суды общей юрисдикции, разрешая подобного рода споры и признавая сложившиеся отношения между работодателем и работником либо трудовыми, либо гражданско-правовыми, должны не только исходить из наличия (или отсутствия) тех или иных формализованных актов (гражданско-правовых договоров, штатного расписания и т. п.), но и устанавливать, имелись ли в действительности признаки трудовых отношений и трудового договора, указанные в ст. 15, 56 Трудового Кодекса Российской Федерации [4].

То есть в судах общей юрисдикции вырабатывается аналогичный подход к данному вопросу.

В настоящее время для работодателя предусмотрена административная, уголовная и налоговая ответственность как за неофициальное трудоустройство, так и за подмену ГПД трудовыми отношениями. Но ввиду наличия обширной судебной практики и обращений в надзорные инстанции применяемые меры не являются достаточно суровыми.

Все вышеперечисленное указывает на четкую позицию законодателя, запрещающую подмену трудовых договоров на ГПД. Но проводимых мер недостаточно.

Во-первых, политика государства по данному вопросу должна быть направлена на правовое просвещение как работников, так и работодателей. Бюджеты субъектов и муниципальных образований не получают значительные суммы налоговых отчислений, следовательно, не выплачивается достойная зарплата, в частности учителям, медикам, а значит граждане не получают качественное обслуживание. Правовое просвещение среди работников является особо актуальным для выявления недобросовестных работодателей.

Во-вторых, раз установленный в настоящее время размер ответственности не приводит к видимому результату, ответственность работодателей необходимо ужесточить.

В-третьих, необходимо проводить регулярные проверки органами ИФНС, ПФР ФСС, Трудовыми инспекции, не только работодателей у которых числятся работники, но и тех у которых нет таковых. И не смотря на освобождение малого и среднего бизнеса от проверок в ковидных условия, этот вопрос нельзя оставлять без внимания.

В-четвертых, государству необходимо материально стимулировать работодателей за заключение трудовых договоров и «белую» заработную плату.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель встал на путь борьбы с проблемой подмены трудовых отношений гражданско-правовыми. Только при условии заключения трудового договора возможно защитить права работников, установленные в Конституции РФ и ином законодательстве. Государство, особенно в сложившейся эпидемиологической обстановке, обязано предпринять меры по ужесточению наказаний для работодателей, просвещению каждого гражданина РФ начиная со школьной поры о необходимости заключения именно трудового договора, и стимулированию добросовестных работодателей.

Библиографический список

Нормативные акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.10.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2021).
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 02.08.2020) // Российская газета. № 256, 31.12.2001.

Судебная практика

4. Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 года № 597-О-О.
5. Решение Арбитражного суда Кемеровской области по делу № А27-26540/2020 от 12 апреля 2020 года.

Сведения об авторе / Information about the author

Куликова Яна Алексеевна — научный сотрудник, руководитель организационно-правового направления юридической клиники НОЦ «Доступная правовая среда» ИвГУ, г. Приволжск, Россия, serova-y@mail.ru

Kulikova Yana Alekseevna — Researcher, Head of the organizational and legal direction of the legal clinic of the REC “Accessible Legal Environment” IvSU, Privolzhsk, Russia, serova-y@mail.ru

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (К 300-летию образования и 30-летию принятия закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации»)

УДК 342.5

Н. В. Исаева

ПРАВОВАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Вопрос о соотношении правовой и профессиональной идентичностей позволяет выявить понимание приоритета правовой идентичности и необходимости ее формирования лицом, выбирающим в качестве профессии государственную службу. Достижение правовой идентичности предполагает устойчивость самостоятельно и целенаправленно познанных, принятых и признанных правовых ценностей и смыслов права, стабильность правомерного поведения государственного служащего, исключает неправомерность как нарушение целостности личности, обеспечивает добросовестное отношение к выполнению возложенных полномочий, уважительное отношение к правам и свободам других лиц, и, как следствие, повышает авторитет государственно-властных структур и доверие к ним общества. Профессиональная идентичность является важным фактором социализации, но имеет риск групповости, когда признание значимости группы и ее интересов противопоставляется значимости общества, устанавливается мораторий правовой идентичности.

Ключевые слова: правовая идентичность, профессиональная идентичность, правоохранительная деятельность, государственная служба, государственный служащий, ценности права, мораторий идентичности.

N. V. Isaeva

LEGAL AND PROFESSIONAL IDENTITIES IN THE PUBLIC SERVICE: PROBLEMS OF CORRELATION

The question of the relationship between legal and professional identities allows us to reveal an understanding of the priority of legal identity and the need for its formation by a person choosing public service as a profession. The achievement of legal identity presupposes the stability of independently and purposefully recognized, accepted and recognized legal values and meanings of law, the stability of lawful behavior of a civil servant, excludes illegality as a violation of the integrity of the individual, ensures a conscientious attitude to the exercise of assigned powers,

---

© Исаева Н. В., 2022

• Серия «Естественные, общественные науки»

respect for the rights and freedoms of others, and, as a result, increases the authority of state authorities and public trust in them. Professional identity is an important factor of socialization, but it has the risk of group violence, when the recognition of the importance of the group and its interests is opposed to the importance of society, a moratorium on legal identity is established.

Key words: legal identity, professional identity, law enforcement, civil service, civil servant, values of law, identity moratorium.

Реформирование государственного управления, поиск оптимальных моделей взаимодействия государственных органов разных уровней, нацеленность на реализацию и эффективное обеспечение прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации с неизбежностью ставят вопрос о человекомерности власти. Поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 2020 году [5], призваны развить и углубить гуманистические идеи статьи второй основ конституционного строя. Совершенствуя государственное строительство, процесс которого осложнен как внутренними, так и внешними причинами, очевидно, следует задуматься о риске девальвации доверия граждан к государственным институтам, призванным обеспечивать охрану и защиту их прав и законных интересов, прежде всего правоохранительным органам. В немалой степени это зависит от того, *кто* оказывается на государственной службе. Представляется интересным обратиться к решению проблемы посредством категории идентичности. Правовая теория идентичности [1, 2] позволяет обратить внимание на процесс формирования личности, полагающей свою карьеру на государственной службе, в том числе правоохранительной в органах прокуратуры.

Под *правовой идентичностью* автор понимает правовое качество субъекта права, характеризующее его актуальное состояние посредством юридического самоопределения в категориях прав, свобод, обязанностей и ответственности, воспринимаемых как правовые ценности, обеспечивающие положительные правовое сознание и правовую активность [3, с. 113].

Постановка вопроса об индивидуальной правовой идентичности нацеливает не только на процесс социализации и формирования личности как субъекта права, но и ее (личности) содержание, сущностным компонентом которого выступает система личностных смыслов человека, определяющих его жизненные правовые ценностные ориентации, которые он проецирует на свое будущее и свою профессиональную деятельность в качестве государственного служащего, каковым является гражданин Российской Федерации, осуществляющий «профессиональную служебную деятельность на должности гражданской службы в соответствии с актом о назначении на должность и со служебным контрактом и получает денежное содержание» [8, ст. 13].

Постановка вопроса о возможности и потребности ценностно-смыслового восприятия права важна для самоосознания, самопредставления государственного служащего посредством права (*какой Я благодаря праву*), а также нацеленности на достижение такого правового качества как правовая идентичность (*кто Я благодаря праву*), и его влияние на служебное поведение и правовое бытие как социального субъекта в целом.

В контексте теории правовой идентичности авторский подход основывается на выделении трех аспектов правовой идентичности [5, с. 154—155]:

с объективной точки зрения — это качественная характеристика субъекта права;

с субъективной точки зрения — это правовое качество социального субъекта, сформированное на основе *ценностного и интеллектуально-волевого восприятия* представленного правовой системой правового статуса (правового положения) как сущностного элемента самопознания, саморегуляции и самореализации; обеспечивающее *самотождественность* субъекта в правоотношении; определяющее его *положительное правовое сознание* и получающее выражение в *актуальном юридическом самоопределении* субъекта посредством прав, обязанностей и ответственности в правомерном поведении;

с научной точки зрения — это категория анализа правовых явлений, метод, позволяющий выбрать направление и пути исследования, способы постановки и достижения целей, приемы освоения правовой реальности в теоретических и практических целях.

С *объективной* стороны можно исследовать индивидуальный или коллективный субъект права в его проявлении в правовой сфере. Это происходит в юридически значимых действиях, которые обнаруживают наличие, состояние или отсутствие правового качества. Можно выделить *достигнутую* правовую идентичность, которая выражается в устойчивости самостоятельно и целенаправленно познанных, принятых и признанных правовых ценностей и смыслов, стабильность правомерного поведения, исключает неправомочность как нарушение целостности личности; *предрешенную или принятую* правовую идентичность, которая характеризуется определенной и достаточно устойчивой системой правовых ценностей, убеждений и обязательств, однако, сформированных под влиянием внешних обстоятельств (принуждение), правомерное поведение не коррелируется утратой самости, но страхом наказания, неблагоприятных последствий правонарушения; *мораторий правовой идентичности* означает состояние поиска оснований и механизмов (самостоятельно или под влиянием внешних обстоятельств) самопознания, социализации и самореализации посредством ценностей и смыслов права, неопределенность и неустойчивость системы правовых ценностей, убеждений и обязательств, выражается в чередовании правомерности и неправомочности поведения с высокой степенью рискогенности последней. *Диффузная правовая идентичность* может быть охарактеризована как отсутствие права в системе ценностей и смыслов, определяющих жизнедеятельность социального субъекта. Она может быть *вызвана разными обстоятельствами*. Не исключается *конкуренция идентичностей*, например, правовой и профессиональной, в том числе на государственной службе, под которой согласно части 1 статьи 3 федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [8] понимается вид государственной службы, представляющий собой профессиональную служебную деятельность граждан РФ на должностях государственной гражданской службы РФ по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, органов публичной власти федеральной территории, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности РФ и государственные должности субъектов РФ.

Доктор психологических наук Л. Б. Шнейдер на основе экспериментальных исследований пришла к выводу, что идентичность как интегративный психологический феномен обеспечивает человеку целостность, тождественность и определенность [11, с. 6]. Поэтому проблема идентичности важна и в плане

реализации жизненной и профессиональной идеологии человека, и в плане становления профессионализма [12, с. 14].

Представляется, что для государственного служащего *актуальность правовой идентичности как достигнутого состояния юридического самоопределения* в категориях прав, свобод, обязанностей и ответственности, основанного на осознании и восприятии их социального смысла и индивидуальной ценности, *представляется безусловной*. Постановка вопроса о формировании этого качества актуализируется и сохраняющимся высоким уровнем коррупции в государственных структурах, включая правоохранительные, где в основном работают лица, имеющие юридическое образование. В свете последнего возникает вопрос, почему это происходит? В какой-то мере ответ на него содержится в результатах исследования по изучению типологии юристов на основе социологического метода структурной таксономии. Ученые выделили обобщенные группы профессиональных юристов: «1) действующих “по правилам” и 2) действующих “по необходимости” (государственной или служебной). Если учесть, — уточняют авторы, — что юристы, действующие “по правилам”, подразделяются на тех, кто действует “по закону”, и тех, кто действует “по понятиям”, в совокупности можно выделить в конечном счете три основные группы юристов: во-первых, действующих “по закону” (37,5 %), во-вторых, действующих “по понятиям” (12 %), в-третьих, беспрекословно выполняющих распоряжения вышестоящих начальников (51 %)» [7, с. 25].

Два последних показателя свидетельствуют даже не о профессиональной, а о профессионально-корпоративной идентичности. Она ориентирована прежде всего на осознанную включенность в социальную группу [10, с. 23], например, юристов-государственных служащих, обладающую юридически значимыми качествами, которые проявляются в первую очередь в специальном правовом статусе. Именно обладание этим статусом и влияет на персональный аспект профессиональной идентичности. Тогда как персональный аспект правовой идентичности выражается в индивидуальном юридическом самоопределении социального субъекта, основанном на *принятии права как ценности, независимо* от корпоративной этики или приказов начальства, а социальный — не в принадлежности к какой-то отдельной социальной группе (государственных служащих), но государственно организованному *сообществу в целом*, которое предлагает ту или иную правовую систему, с ее спецификой, обусловленной входением в ту или иную правовую семью, историческими и социально-культурными условиями ее функционирования, объективным правом и его источниками, институционализирующими право [4].

Следует отметить, что социальный компонент идентичности, основанный на специальной правоспособности, может иметь как положительное влияние на развитие и самореализацию субъекта, так и отрицательное. В первом случае речь идет о *дополнительных возможностях юридического самоопределения*, направленных на раскрытие личностного потенциала, индивидуальности. Второй может содержать *риски* как для субъекта, так и для общества, которые могут быть обусловлены *нарушением гармонии* между субъективными правами, юридическими обязанностями и юридической ответственностью, закрепляемыми в отношении определенной категории субъектов. Это особенно опасно, когда речь идет о лицах, наделенных государственно-властными полномочиями.

Безусловно, сам факт наличия прав и свобод важен. Абстрактно представленный определенный правовой статус составляют важную основу формирования правовой идентичности как *потенциальную возможность* освоения предлагаемых прав, свобод и места, ими определяемого. Однако реальное их освоение может быть обусловлено разными факторами. Прежде всего, *целевой направленностью конкретного субъекта*, сумевшего увидеть в этих правах и свободах основания для самопознания и самореализации, которые (самопознание и самореализация) признаются обществом (обобщенным Другим). При этом нельзя забывать (это аксиоматично для теории идентичности), что идентичность всегда выстраивается как положительная система представлений субъекта о самом себе. В этом смысле *формирование правовой идентичности — это сопровождающееся положительной оценкой субъекта отражение его правовых свойств в собственном сознании*, что позволяет отграничить правовую идентичность от правового статуса, понятие которого выражает оценку внешнего (объективного) характера. В данном случае свойство понимается как то, что обеспечивает различие или общность субъекта права с другими субъектами и обнаруживается в его отношении к себе и другим (Я — законопослушный водитель, Я — добросовестный налогоплательщик, Я — ответственный государственный служащий и проч.).

Положительная оценка зависит не только от понимания субъектом «масштаба его свободы», но и от соотношения прав, обязанностей и ответственности в содержании правового статуса. Поэтому существенным становится *вопрос о характере и способах сочетания в правовом статусе*, представленном в наличных формально определенных источниках, *прав, обязанностей, их гарантий и ответственности*. Не гармоничный правовой статус, например, отсутствие реальных механизмов ответственности, может привести к ущербности юридического самоопределения. Это будет выражаться в затрудненности положительного выбора варианта поведения в правоотношении и, как следствие — в диффузности правовой идентичности и деформации правосознания, что особенно опасно в деятельности государственного служащего, может быть фактором коррупциогенности его поведения.

Самоопределение, характеризующее такое качество субъекта как правовая идентичность и выражающееся в представлении о правах, обязанностях и ответственности, всегда связано с *пониманием содержания и объема притязаний* субъекта к другим субъектам. Это в свою очередь заставляет ставить вопрос о характере оснований правовой идентичности и наличии значимого Другого как оценивающего самоопределение в правоотношении, так и транслирующего правовые основания идентичности.

Вопрос об источниках, воспринимаемых субъектом права в качестве оснований идентичности, и их роли в его юридическом самоопределении, имеет не только внешний по отношению к субъекту критерий, но и внутренний. Основания идентичности, каковыми выступают нормы, формализованные в тех или иных источниках (письменных или устных), осваиваемых индивидуально или во взаимодействии с другими, направлены не только на опознание (означивание) субъекта права, но его *самоопределение как акта (действия) и результата выбора субъектом своей позиции, целей и средств самореализации*.

Достижение правовой идентичности государственного служащего осуществляется на основе всех доступных правовых ресурсов, предоставляемых правовой системой, включая локальные источники права. Доминирующим

среди них должна стать национальная Конституция. Значимым Другим выступает общество в целом в лице тех, кто обращается в государственную структуру. Формирование профессиональной идентичности нередко сопровождается приоритетом локальных актов. Значимым Другим выступают вышестоящие лица, которым, в частности, принадлежит право оценки деятельности государственного служащего и продвижение по службе.

Как видим, решение вопроса о соотношении правовой и профессиональной идентичностей позволяет выявить несколько аспектов, прежде всего, понимание приоритета правовой идентичности и необходимости ее формирования лицом, выбирающим в качестве профессии государственную службу. Достижение правовой идентичности предполагает устойчивость самостоятельно и целенаправленно познанных, принятых и признанных правовых ценностей и смыслов права, стабильность правомерного поведения государственного служащего, исключает неправомерность как нарушение целостности личности, обеспечивает добросовестное отношение к выполнению возложенных полномочий, уважительное отношение к правам и свободам других лиц, и, как следствие, повышает авторитет государственно-властных структур и доверие к ним общества. Профессиональная идентичность является важным условием вхождения в социальную группу лиц, находящихся на государственной службе, предусматривает наличие определенных компетенций и знание права. Однако может быть сформирована под влиянием внешних обстоятельств (давление, принуждение), субъективно обусловленным желанием вхождения в социальную группу с особым правовым статусом и потребностью ее поддержки. *Опасность* возникает в том случае, когда принадлежность группе порождает *мораторий правовой идентичности*, выражающийся в неопределенности и неустойчивости системы правовых ценностей, убеждений и обязательств, проявляется в чередовании правомерности и неправомерности поведения с высокой степенью рискогенности последней.

Возможно, для решения обозначенной проблемы следует обратиться к опыту внедрения методик отбора кадров, которые уже почти два десятилетия используются судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации. Они направлены на изучение качеств личности, ее готовности к работе в судебной власти [9]. Помимо этого, необходимо вводить и критерии профессиональной пригодности, и символические формы (присяга) ротации государственных служащих. Следует учитывать, что в качестве основных критериев пригодности, помимо профессионализма, в символических формах выступают категории нравственности (совесть, справедливость, беспристрастность), имеющие важное значение в поведении человека. Самоопределение представляет собой не только набор характеристик, свойств (качеств), в которых государственный служащий себя воспринимает (наделяет), но *притязание на значимость*, которое может быть реализовано в общении с гражданами при моратории идентичности в недобросовестности, высокомерии и других отрицательных проявлениях. Это ведет не только к снижению эффективности государственного управления, но и доверия к государственным институтам в целом. Представляется, что вышеназванные процедуры позволят снизить такие риски.

Таким образом, вопрос о формировании правовой идентичности лиц, желающих поступить на государственную службу и проходящих ее, представляет особую актуальность не только в научном, но и практическом плане, требует внимательного и вдумчивого отношения при определении критериев

профессионализма, включения показателей, которые способны выявить персональную готовность социального субъекта к безупречной и ответственной деятельности в государственных структурах не из страха наказания, но потери индивидуальности личности, самости, уважения общества. С учетом выявленных рисков достижение правовой идентичности должно стать основой формирования профессиональной идентичности.

Библиографический список

1. *Исаева Н. В.* Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование): монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 416 с.
2. *Исаева Н. В.* Идентичность как категория права и теоретико-правового анализа: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 360 с.
3. *Исаева Н. В.* Подготовка юристов в контексте правовой идентичности // *LexRussica*. 2015. № 1. С. 112—119.
4. *Исаева Н. В.* Особенности социального аспекта правовой идентичности личности // *Научный поиск*. 2016. № 2.1. С. 9—11.
5. *Исаева Н. В.* К проблеме конституционализации правового сознания правоприменителя // *LexRussica*. 2018. № 11. С. 151—161.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из СПС КонсультантПлюс.
7. *Леванский В. И., Соколов Н. Я.* Типология юристов // *Государство и право*. 2010. № 11. С. 15—25.
8. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 г. 79-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из СПС КонсультантПлюс.
9. Об организации экспериментального использования методов психодиагностического обследования при изучении личности кандидата на должность судьи: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17 декабря 2002 г. № 147. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
10. *Резников Е. В.* Правовая идентичность (теоретический аспект). Волгоград: Феникс, 2012. 124 с.
11. *Шнейдер Л. Б.* Экспериментальное изучение профессиональной идентичности. М.: ООО «Принт», 2000. 128 с.
12. *Шнейдер Л. Б.* Профессиональная идентичность: монография. М.: МОРУ, 2001. 272 с.

Сведения об авторе / Information about the author

Исаева Нина Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права и прав человека, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nina.isaewa@yandex.ru

Isaeva Nina Valentinovna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Human Rights, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, nina.isaewa@yandex.ru

ПРОКУРАТУРА И ПРОБЛЕМЫ УКАЗНОГО ПРАВА

Автор, являвшийся докладчиком внесённого Законодательным Собранием Ивановской области проекта федерального закона о внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации о прокуратуре на пленарном заседании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 18 октября 1995 года полагает, что указное право в правовой системе Российской Федерации и её субъектов при определённых условиях вполне легитимно. В результате проведённых исследований он приходит к выводу, что указное право в Российской Федерации это не только право главы государства издавать указы, но и право глав (высших должностных лиц) субъектов Российской Федерации издавать указы и приравняемые к ним нормативные правовые акты, издаваемые ими на основании статьи 72, 73 и 76 Конституции Российской Федерации. Совокупность действующих указов и является неотъемлемой частью правовой системы российского государства проблемные аспекты которого/которой в статье и рассматриваются на современном этапе его/её пандемийного развития, а также задач прокуратуры как высшего надзорного органа государства.

Ключевые слова: указное право, прокуратура, конституция, законы, указы, субъектовое указное право, режим повышенной готовности.

A. N. Lapshin

PROSECUTION AND PROBLEMS DESIGN RIGHT

The author, who was a speaker at the plenary session of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on October 18, 1995, submitted by the Legislative Assembly of the Ivanovo Region of the draft federal law on amendments and additions to the Law of the Russian Federation on the Prosecutor's Office, believes that the decree law in the legal system of the Russian Federation and its subjects under certain conditions is quite legitimate. As a result of the research, he comes to the conclusion that the decree right in the Russian Federation is not only the right of the head of state to issue decrees, but also the right of the heads (high officials) of the constituent entities of the Russian Federation to issue decrees and equivalent regulatory legal acts issued by them on the basis of articles 72, 73 and 76 of the Constitution of the Russian Federation. The totality of the current decrees is an integral part of the legal system of the Russian state, the problematic aspects of which / which are considered in the article at the present stage of his / her pandemic development, as well as the tasks of the prosecutor's office as the highest supervisory body of the state.

Key words: decree law, prosecutor's office, constitution, laws, decrees, subject decree law, high alert mode.

Указное право в нашей стране существовало как в пределах, так и за пределами трёхвекового существования российской прокуратуры. Существовало она и в Российской империи, в 1917 году при Временном правительстве и сейчас как данность. Есть оно и других странах как с англо-саксонским (англо-американским) так и континентальным правом.

Может показаться странным, но достаточно большое количество учёных считают, что в научный оборот этот термин был введён лишь в 1996 году бывшим судьёй Конституционного суда Российской Федерации Лучинным В. О. (см. его Особое мнение по делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утверждённого названным указом к постановлению Конституционного суда РФ от 30.04.1996 № 11-П, книгу «Указное право в России» [1, 2], хотя на практике он применялся и раньше, в том числе высокопоставленными чинами прокуратуры Российской Федерации.

Что касается дореволюционного, советского и постсоветского периодов жизни российского государства, то здесь можно сослаться на статью Лукьяновой Е. А. «Указное право как российский политико-правовой феномен» [3].

Из советского указного права, связанного с прокуратурой, самым известным с негативной точки зрения, следует упомянуть постановление ЦИК Союза ССР от 1 декабря 1934 года «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» [4], принятое практически всего тремя членами ЦИК Г. Г. Ягодой — наркомвнудел (инициатор), И. В. Сталиным — секретарь ЦК ВКП(б) и А. С. Енукидзе, который единолично его и подписал в качестве секретаря ЦИК Союза ССР.

Юридически эти изменения были признаны утратившими силу лишь через четверть века Указом Президиума ВС РСФСР от 28.03.1961 «Об изменении и признании утратившими силу законодательных актов РСФСР в связи с введением в действие Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР и Закона о судостроительстве РСФСР» [5].

После принятия в 1977 году так называемой брежневской Конституции СССР российская прокуратура до 1991 года продолжала действовать в составе общесоюзной прокуратуры, а после парада суверенитетов уже в реалиях российской действительности, когда действие многих общесоюзных законов было приостановлено Верховным Советом РСФСР, который возглавлял будущий президент РСФСР, а затем Российской Федерации Ельцин Б. Н.

Возглавляемый им, а затем Хасбулатовым Р. И. Президиум Верховного Совета РСФСР (Российской Федерации) начиная с принятия в июне 1990 года Съездом народных депутатов Декларации о государственном суверенитете РСФСР [6], а в последствии и первый президент РСФСР (Российской Федерации) стали активно использовать указное право для управления и перестройки (ломки через колено) огромной страной. Этому, кстати сказать, очень поспособствовал ГКЧП — временный орган управления Союзом ССР, формально созданный вице-президентом СССР Янаевым Г. И. как исполняющим обязанности Президента СССР в августе 1991 года на принципах указного права.

Происходившая в органах прокуратуры, находившихся на территории РСФСР (Российской Федерации), неразбериха в связи с августовскими событиями законодательно была прекращена в январе 1992 года с принятием и введением в действие Закона Российской Федерации о прокуратуре [7], базировавшемся на Конституции РСФСР 1978 года (с бесчисленными дополнениями и изменениями, в том числе в связи с введением в стране поста Президента РСФСР [8]). В ней на прокуратуру возлагался лишь надзор за точным

и единообразным исполнением действующих на территории Российской Федерации законов и не более того.

Несмотря на то, что как до принятия в декабре 1993 года новой Конституции Российской Федерации, так и после федеральное и субъектоворегинальное (особенно республик в составе Российской Федерации) указное право расцвело всеми цветами радуги. Правда, в определении указного права в Большом юридическом словаре [9, с. 718] оно было сведено лишь к праву главы государства издавать указы и совокупности действующих указов, изданных главой государства, что не отвечает принципам федерализма нашего государства и статьям 72, 73 и 76 Конституции Российской Федерации и наличию в её субъектах глав республик, краёв, областей, автономных образований [10].

Институт главы администрации (губернатора) Ивановской области существует с декабря 1991 года. И с этого же времени в Ивановской области существует субъектовое указное право.

В соответствии с главой 22 Конституции Российской Федерации-России [8] (ст. 176) прокуратура имела право осуществлять надзор за точным и единообразным исполнением действующих на территории Российской Федерации законов Советами народных депутатов краевой, областной и других администраций, органами местного самоуправления и местной администрацией, министерствами и ведомствами, иными органами государственного и хозяйственного управления и контроля, предприятиями, учреждениями, организациями и объединениями, вне зависимости от их подчиненности, общественными организациями и движениями, должностными лицами и гражданами, который должен был осуществлять Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры.

Одновременно Генеральному прокурору было предоставлено право законодательной инициативы в Верховном Совете Российской Федерации.

В текст принятой в декабре 1993 года на общероссийском референдуме новой Конституции Российской Федерации прокуратура как государственный институт была включена в её главу 7. «Судебная власть» в качестве статьи 129, установившей всего лишь, что прокуратура Российской Федерации составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации и что полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом. При этом право законодательной инициативы у Генерального прокурора было изъято.

До внесения изменений в 1995 году в Закон Российской Федерации о прокуратуре от 17 января 1992 года за № 2202-1 её статья 7 «Участие прокурора в заседаниях органов государственной власти и управления» предоставляло право прокурору области, городов и районов лишь присутствовать на заседаниях сессий Советов народных депутатов соответствующего и нижестоящего уровней. Прокурор, его заместитель, а также, по их поручению, помощник прокурора был вправе участвовать в рассмотрении внесенных ими представлений и протестов органами государственного и хозяйственного управления, предприятиями, учреждениями и организациями.

Статья 8 данного закона «Участие в правотворческой деятельности» не предоставляла прокурору области, прокурорам городов и районов никаких прав в правотворческой деятельности на территориальном уровне.

Новая редакция закона о прокуратуре её пунктом 2 статьи 1 обязала в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности,

защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратуру Российской Федерации осуществлять в частности:

надзор за исполнением законов федеральными министерствами и ведомствами, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами контроля, их должностными лицами, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов;

надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными министерствами и ведомствами, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления.

Из-под надзора прокуратуры были выведены правовые акты Президента, его Администрации и Правительства Российской Федерации, которые после 1990 года пеклись как детьми песочные пирожки, создавая питательную среду для самоуправства и бесправия российских граждан и юридических лиц.

Здесь на память приходят слова великого китайского мыслителя Лао-цзы «Когда растут законы и приказы (указы), увеличивается количество воров и разбойников» [11, с. 380].

Впоследствии начиная с 1999 года полномочия прокуратуры регулярно расширялись и уточнялись, включая её конституционные права и обязанности.

Значительно расширился пункт 2 статьи 1 Закона о прокуратуре РФ, в него введены новые положения, в том числе в отношении противодействия коррупции.

Следует отметить, что первым правовым актом в этом направлении явился Указ Президента Российской Федерации от 24.11.2003 № 1384 «О Совете при Президенте Российской Федерации по борьбе с коррупцией». Затем были приняты указы от 03.02.2007 № 129 «Об образовании межведомственной рабочей группы для подготовки предложений по реализации в законодательстве Российской Федерации положений Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.» и Указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815 (ред. от 17.05.2021) «О мерах по противодействию коррупции» [12], действующий до настоящего времени.

Принятый в конце 2008 года Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» не обошёл стороной и прокуратуру.

Однако, что касается деятельности прокуратуры Ивановской области, городских, межрайонных и районных прокуратур в этом направлении, то она, на взгляд автора, является закрытой, а по некоторым вопросам и неэффективно-сознательной. В отличие, например, от прокуратур Кемеровской и Свердловской областей.

Для автора до настоящего времени остаются загадкой, кто в прокуратуре проводил, а если не проводил, то почему антикоррупционную экспертизу проекта указа губернатора Ивановской области о снятии с курортных объектов жемчужины Волги Плёса статуса памятников природы [13]. И почему при попустительстве прокуратуры в нарушение действующего федерального законодательства до настоящего времени не опубликовано решение Ивановского областного суда от 21.06.2016 по делу № 3а-63/2016 «О признании недействующим указа Губернатора Ивановской области от 11.11.2010 № 150-уг...» [14]?

Автор надеется, что вновь вступивший в должность прокурора Ивановской области Олег Анатольевич Юрасов озаботится данной проблемой и мы к следующему Международному дню борьбы с коррупцией 9 декабря 2022 года будем иметь необходимую гражданскому обществу информацию.

Вернёмся к проблемам указного права сегодняшнего дня. Наша страна и Ивановская область второй год живёт в условиях пандемии коронавируса на основании указов Президента Российской Федерации [15] и Губернатора Ивановской области от 17.03.2020 № 23-уг (ред. от 12.07.2021) «О введении на территории Ивановской области режима повышенной готовности» [16] и вытекающего из них комплекса ограничительных мер, от которых прокуратура не может самоустраниться, даже если указы примут форму федеральных и областных законов. На проекты последних наша областная прокуратура к тому же обязана давать соответствующие заключения.

И об этом мы должны говорить во весь голос. Лучше на круглых столах и дискуссионных площадках, а не улицах и площадях или в залах судебных заседаний.

Библиографический список

1. Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации В. О. Лучинина по делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 2 октября 1994 года № 1969... к постановлению КС РФ от 30.04.1996 № 11-П. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
2. Лучин В. О. Указное право в России. М., 1996.
3. Лукьянова В. А. Указное право как российский политико-правовой феномен // Журнал российского права. 2001. № 10. С. 55—67.
4. О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик: Постановление ЦИК Союза ССР от 1 декабря 1934 года // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283, 05.12.1934.
5. Об изменении и признании утратившими силу законодательных актов РСФСР в связи с введением в действие Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР и Закона о судостроительстве РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 28.03.1961 // Ведомости ВС РСФСР. 1961. № 13, ст. 229.
6. О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: Декларация СНД РСФСР от 12.06.1990 № 22-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2, ст. 22.
7. О прокуратуре Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8, ст. 366.
8. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации — России: принята ВС РСФСР 12.04.1978 (ред. от 10.12.1992). Доступ из СПС КонсультантПлюс.
9. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1998. 790 с.
10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
11. Антология мудрости / сост. В. Ю. Шойхер. М.: Вече, 2007. 840 с.
12. О мерах по противодействию коррупции: Указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815 // Российская газета № 108, 22.05.2008.
13. О снятии статуса «памятник природы Ивановской области» с отдельных природных комплексов и объектов Ивановской области: Указ Губернатора Ивановской

- области от 11.11.2010 № 150-уг // Собрание законодательства Ивановской области. 16.11.2010. № 44 (513).
14. Решение Ивановского областного суда от 21.06.2016 по делу № 3а-63/2016 «О признании недействующим указа Губернатора Ивановской области от 11.11.2010 № 150-уг «О снятии статуса “памятник природы Ивановской области” с отдельных природных комплексов и объектов Ивановской области». Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
  15. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 02.04.2020.
  16. О введении на территории Ивановской области режима повышенной готовности: Указ Губернатора Ивановской области от 17.03.2020 № 23-уг (ред. от 12.07.2021) // Официальный сайт Правительства Ивановской области <http://www.ivanovoobl.ru>, 17.03.2020, Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 17.03.2020.

Сведения об авторе / Information about the author

Лапшин Анатолий Никонорович — член Координационного совета Ивановского областного общества прав человека, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Ивановской области, г. Иваново, Россия, anlapshin@mail.ru

Lapshin Anatoly Nikonorovich — member of the Coordinating Council of the Ivanovo Regional Human Rights Society, member of the Expert Council under the Commissioner for Human Rights in the Ivanovo Region, anlapshin@mail.ru

А. Н. Варав

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Статья посвящена проблеме определения особенностей правового статуса прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях. Для этого исследуется и анализируется доктринальная и законодательная регламентация правового статуса прокурора. Дается анализ изменения статуса прокурора, вызванного поправками в Конституцию РФ 2020 года. Делается вывод о том, что особенностями правового статуса прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях являются обеспечение реализации принципа законности, право на возбуждение производства по делу об административном правонарушении, участие прокурора в судебном и в несудебном производстве по данному виду дел.

Ключевые слова: правовой статус, особенности статуса, прокурор, субъект производства, полномочия прокурора, права прокурора, административное правонарушение, административный процесс.

A. N. Varava

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR IN PROCEEDINGS ON CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

The article is devoted to the problem of determining the features of the legal status of the prosecutor in proceedings on cases of administrative offenses. For this, the author studies and analyzes the doctrinal and the legislative regulation of the legal status of the prosecutor. An analysis is given of the change in the status of the prosecutor brought about by the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. It is concluded that the peculiarities of the legal status of the prosecutor in proceedings on cases of administrative offenses are to ensure the implementation of the principle of legality, the right to initiate proceedings in a case on an administrative offense, the participation of the prosecutor in judicial and extrajudicial proceedings in this type of cases.

Key words: legal status, features of the status, prosecutor, subject of proceedings, prosecutor's powers, prosecutor's rights, administrative offenses, administrative process.

В научной литературе правовой статус прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях (далее — ДАП) недостаточно раскрыт и не имеет четкого законодательного регулирования, что является проблемой, поскольку от данного вопроса зависит возможность обеспечения прав и обязанностей прокурора в данном виде административно-юрисдикционного процесса. Следовательно, затронутая проблема является актуальной для изучения.

Основываясь на определении административно-правового статуса органов прокуратуры, данным В. В. Стрельниковым [3, с. 37], можно дать такое раскрытие рассматриваемого понятия. Под правовым статусом прокурора по ДАП понимается набор прав и обязанностей, который определен законодателем для прокурора как субъекта административно-юрисдикционных отношений. Набор же в свою очередь характеризует потенциальные возможности прокурора вступить в этот вид отношений в границах своей правоспособности и компетенцию, которой он обладает в рамках своего административно-юрисдикционного статуса.

На основании статьи 24.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП) прокурор обеспечивает реализацию принципа законности в производстве по ДАП. В данном случае выражена функция наблюдения прокурора за реализацией главенства закона в деятельности органа, рассматривающего дело, его цельности и упрочнения, а также защиты охраняемых законом социально значимых интересов общества.

Следующая важная специфика правового статуса прокурора — право на возбуждение производства по ДАП. В статье 28.4 КоАП даётся достаточно объёмный перечень статей, предусматривающих дела, которые возбуждаются исключительно прокурором. Кроме того, в результате проведения надзора и в случаях обращений граждан, иных лиц он имеет право возбудить дело о любом административном правонарушении [2].

Прокурор вправе принимать участие не только в судебном, но и в несудебном производстве по делам об административных правонарушениях [1, с. 64]. Данная черта правового статуса прокурора среди субъектов производства по ДАП, реализующих публичный интерес в данном виде производства (помимо прокурора это судья, органы и должностные лица, уполномоченные рассматривать ДАП), присуща только ему, так как эти субъекты, не являясь участниками производства, т. к. они не перечислены в главе 25 КоАП, а являются субъектами, рассматривающими ДАП.

В данных видах производства прокурор выполняет большое количество процессуальных полномочий. Кроме уже упомянутых полномочий можно выделить участие в рассмотрении дела об административном правонарушении. Кроме того, в его полномочия входит и подача протеста на постановление по ДАП независимо от участия в деле [2]. Хотя и это далеко не весь перечень прокурорских полномочий. Иные представлены в КоАП и ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации».

Статус прокурора имеет законодательное регулирование в различных по силе и уровню нормативных правовых актах. Среди них Конституция РФ, КоАП, ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», различные подзаконные нормативные правовые акты и законы субъектов РФ.

В первую очередь правовой статус прокурора регламентирует статья 129 Конституции РФ. Поправки в Конституцию 2020 года не обошли стороной и её. Для соответствия законодательства принятым поправкам 9 ноября 2020 г. была принята новая редакция ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации».

В рамках вопроса об особенностях правового статуса прокурора необходимо рассмотреть изменение ст. 1 указанного ФЗ. В новой редакции из понятия прокуратуры была исключена фраза, что прокуратура осуществляет надзор «от имени Российской Федерации» [4]. Это изменение затрагивает такую важную функцию правового статуса прокурора в производстве по ДАП, как обеспечение реализации принципа законности в данном виде производства.

Оно позволяет сделать вывод о том, что надзор за соблюдением законности осуществляется теперь не от имени Российской Федерации, а от имени отдельного органа — прокуратуры.

В завершение можно отметить, что прокурор как субъект производства по ДАП обладает особым статусом, так как ни один субъект данного вида производства не обладает такими разными по правовой природе полномочиями и обязанностями. Участие прокурора в производстве по ДАП имеет важное значение, и точная характеристика его статуса ведёт к полной эффективности данного участия.

Библиографический список

1. *Гриценко Д. В.* Правовой статус прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2014.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. *Стрельников В. В.* Особенности административно-правового статуса органов российской прокуратуры // Административное право и процесс. 2011. № 5.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 01.09.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.

Сведения об авторе / Information about the author

Варава Анна Николаевна — студентка 2 курса очной формы обучения юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anna.varava.niko@mail.ru

Varava Anna Nikolaevna — 2nd year full-time student of the Faculty of Law of the Ivanovo State University. anna.varava.niko@mail.ru.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ (На примере Ивановского государственного университета): ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 342.72

О. Ю. Таибова

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

В статье рассматривается вопрос о влиянии ситуации по борьбе с коронавирусом на правовое положение иностранных граждан в период пандемии. Автор выделяет особенности осуществления трудовой деятельности, продления разрешения на работу. Раскрываются основные положения о преимуществах для иностранных граждан в период пандемии. Отмечается, что были продлены сроки временного пребывания, проживания иностранных граждан в Российской Федерации в связи с пандемией. Анализируются изменения, касающиеся миграционного законодательства, связанные с профилактикой распространения коронавирусной инфекции. Выявлены основные проблемы, с которыми столкнулись иностранные граждане в период пандемии, поскольку в связи с мерами, предпринимаемыми по недопущению распространения эпидемии, проявляющимися в закрытии границ и ограничении передвижения, трудовые мигранты оказались в наиболее затруднительном положении.

Ключевые слова: иностранные граждане, лица без гражданства, правовое положение, коронавирусная инфекция, пандемия, патент, миграционное законодательство, Государственная граница РФ, миграционная политика.

О. Yu. Taibova

RESPECT FOR THE RIGHTS OF FOREIGN CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE PANDEMIC

The article considers the impact of the situation with coronavirus on the legal status of foreign nationals during the pandemic. The author highlights the peculiarities of carrying out labor activities, renewal of work permits. The main provisions on benefits for foreign citizens during the pandemic are disclosed. It is noted that the terms of temporary stay, residence of foreign citizens in the Russian Federation in connection with the pandemic have been extended. Changes in migration legislation related to prevention of the spread of coronavirus infection are analyzed. The main problems faced by foreign citizens during the pandemic are identified, since due to the measures taken to prevent the spread of the epidemic, manifested in the closure of borders and restriction of movement, migrant workers found themselves in the most difficult situation.

Key words: foreign nationals, stateless persons, legal status, coronavirus infection, pandemic, patent, migration legislation, State border of Russian Federation, migration policy.

© Таибова О. Ю., 2022

• Серия «Естественные, общественные науки»

Важнейшими задачами государства в 2020 г. стало принятие мер, направленных на поддержку работников в период распространения коронавирусной инфекции и сохранение гарантий их трудовых прав [1, с. 12].

Следует отметить, что 18 апреля 2020 г. был подписан Указ Президента РФ от 18.04.2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», которым был предусмотрен ряд «снизождений» для иностранных граждан и лиц без гражданства [12]. Так, с 15 марта по 15 июня 2020 г. были продлены сроки временного пребывания иностранных граждан в Российской Федерации в связи с пандемией.

На указанный период, в частности, были приостановлены:

— сроки временного пребывания, временного или постоянного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, сроки, на которые иностранные граждане и лица без гражданства поставлены на учет по месту пребывания или зарегистрированы по месту жительства, в случае если такие сроки истекают в указанный период;

— сроки добровольного выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, в отношении которых принято решение об административном выдворении за пределы Российской Федерации, о депортации или передаче иностранному государству;

— сроки действия некоторых документов, у которых в указанный период истекает срок действия (виза, разрешение на временное проживание, вид на жительство, миграционная карта, удостоверение беженца, разрешение на работу, патент и пр.). При этом иностранные граждане были освобождены на этот период от ежемесячных выплат за патенты на работу, которые составляли большую часть дохода работников-мигрантов.

По мнению Н. В. Лютова, указанные меры являются недостаточными. Автор считает необходимым введение безусловных социальных выплат в размере не менее прожиточного минимума на все время ограничений, связанных с карантинами, которые должны быть доступны любым людям, оказавшимся на территории Российской Федерации без средств к существованию. Такие выплаты должны быть не разовыми, а периодическими и должны осуществляться в пользу тех лиц, которые не имеют права на обычные социальные выплаты со стороны работодателей или государства [3, с. 111].

Также с 15 марта 2020 г. по 15 июня 2020 г. работодатели и заказчики работ (услуг) были вправе в установленном порядке привлекать и использовать в качестве работников:

— иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, требующем получения визы, и не имеющих разрешения на работу в Российской Федерации (при наличии разрешения на привлечение и использование иностранных работников);

— иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, и не имеющих патентов [9].

Кроме того, был расширен перечень случаев, в которых срок действия визы во время пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации может быть продлен. Например, при отсутствии возможности выезда за пределы территории Российской Федерации в связи с введённым на территории государства гражданской принадлежности или постоянного

или преимущественного проживания иностранного гражданина ограничительных мероприятий (карантина), целью которых является обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения. В данном случае срок визы может быть продлен не более чем на 90 дней с возможностью неоднократно продления [4].

Иностранцам, прибывшим в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, предоставляется возможность неоднократно обращаться за переоформлением патента [11]. Был смягчен ограничительный режим пересечения Государственной границы РФ [6].

Необходимо отметить, что по 15 сентября 2020 г. также были продлены сроки временного пребывания, проживания иностранных граждан в Российской Федерации в связи с пандемией. Продлевается действие мер, предусмотренных пунктами 1 и 2 Указа Президента РФ от 18.04.2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

В период с 16 июня 2020 г. по 15 сентября 2020 г. включительно:

— иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, вправе были обратиться с заявлением о выдаче (продлении, переоформлении) патента без учета требований к сроку подачи документов, к заявленной цели визита и выезде из Российской Федерации;

— работодатели (заказчики), получившие разрешение на привлечение и использование иностранных работников, при условии соблюдения установленных ограничений вправе обратиться с заявлением о выдаче (продлении) разрешения на работу иностранному гражданину или лицу без гражданства, прибывшим в Российскую Федерацию в порядке, требующем получения визы. Такое разрешение выдается (продлевается) без учёта требований к заявленной цели визита на любой срок до 15 сентября 2020 г. включительно [12].

17 июня 2020 г. вступил в силу Федеральный закон от 18.03.2020 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в статьи 35 и 41.5 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» [7], которым усовершенствована процедура приобретения гражданства Российской Федерации в упрощенном порядке, сокращён срок рассмотрения заявлений о приёме в гражданство Российской Федерации в упрощённом порядке до трёх месяцев.

Таким образом, в период пандемии, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19, был принят ряд нормативных правовых актов, смягчающих правовое положение мигрантов.

Новая коронавирусная инфекция (COVID-19) включена в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих и являющихся основанием для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание, вида на жительство, патента, разрешения на работу в РФ [5].

Важной вехой в развитии миграционного законодательства является принятие Федерального закона от 8 июня 2020 г. № 182-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»», вступившего в действие 7 сентября 2020 г. [10]. Названный Федеральный закон разработан по результатам мониторинга правоприменительной практики реализации миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства и направлен на совершенствование миграционного учета иностранных граждан.

В части противодействия нарушению миграционного законодательства на рассмотрении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации находится проект федерального закона № 986457-7 «О внесении изменений в статью 18.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», согласно которому предусматривается административная ответственность за предоставление индивидуальным предпринимателем, юридическим лицом торгового места на территории торгового объекта или помещения другому юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, которые используют труд иностранных работников или лиц без гражданства в нарушение норм миграционного законодательства [8]. Законопроектом предлагается уточнить субъектный состав хозяйствующих субъектов, которые могут быть привлечены к административной ответственности по ч. 2 ст. 18.16 КоАП РФ за действия арендатора, нарушающие нормы трудового и миграционного законодательства. Из указанного субъектного состава предлагается исключение добросовестных арендодателей, не имеющих возможности осуществления контроля за привлечением арендатором иностранных лиц и лиц без гражданства к легальной трудовой деятельности.

Следует также отметить, что всего в 2020 г. при тесном взаимодействии с органами МВД России было оказано содействие в защите прав и законных интересов 82 граждан по 34 обращениям. В том числе гражданство России приобрели 33 заявителя, 3 - получили вид на жительство, 3 - разрешение на временное проживание, 9 граждан легализовали свое правовое положение на территории Российской Федерации. При содействии Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в отношении 7 заявителей были отменены решения о неразрешении въезда в Россию, 8 заявителей смогли получить убежище в России, 1 человеку была оказана помощь в получении патента. Также было оказано содействие 16 гражданам в пересечении границы Российской Федерации в период ограничений, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции [2]. Острыми остаются вопросы, связанные с ограничениями на пересечение границы Российской Федерации в условиях чрезвычайных обстоятельств, вызванных распространением опасных инфекционных заболеваний. Так, иностранные граждане, имеющие статус постоянно проживающих на территории Российской Федерации, имеют право на единовременный выезд в страну своей гражданской принадлежности. Однако, единожды выехав, они не могут вернуться обратно, в связи с чем оказываются разлученными с членами своей семьи, оставшимися в России, теряют постоянную работу. Кроме того, к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации поступали обращения от иностранных граждан, проходящих обучение в российских высших учебных заведениях, в силу различных обстоятельств оказавшихся в период пандемии новой коронавирусной инфекции в странах гражданской принадлежности, с просьбами об оказании содействия во въезде в Российскую Федерацию для продолжения обучения. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 635-р временно ограничен въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, за исключением отдельных категорий, на которые ограничения не распространяются. По вопросам миграции к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации обращались не только иностранные граждане, но и граждане Российской Федерации, а также лица, которые де-факто являлись российскими гражданами, но утратили документы, удостоверяющие личность. Самую значительную группу обращений

составили обращения по вопросам въезда в Российскую Федерацию (226) и выезда за пределы Российской Федерации (115). К Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации обращались также граждане, которые не имели возможности вернуться в Россию из-за отмены авиарейсов в связи с введёнными карантинными ограничениями [2].

Таким образом, принятие новых законодательных актов в период пандемии, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19, привели к последовательному урегулированию положения иностранных граждан, а также к регулированию миграционной политики в целом.

Библиографический список

1. *Благодир А. Л.* О смягчении в сфере труда негативных последствий распространения коронавирусной инфекции COVID-19 // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 1. С. 11—14.
2. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год // <https://ombudsmanrf.org/> (дата обращения: 18.11.2021).
3. *Лютов Н. В.* Защита населения, работодателей и рынка труда в условиях пандемии: Россия в глобальном контексте // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 108—117.
4. О внесении изменений в Положение об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы: Постановление Правительства РФ от 17.04.2020 г. № 525 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2767.
5. О внесении изменений в приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29 июня 2015 г. № 384н «Об утверждении Перечня инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих и являющихся основанием для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание иностранных граждан и лиц без гражданства, или вида на жительство, или патента, или разрешения на работу в Российской Федерации, а также порядка подтверждения их наличия или отсутствия, а также формы медицинского заключения о наличии (об отсутствии) указанных заболеваний»: Приказ Минздрава России от 15.06.2020 г. № 581н // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2021).
6. О внесении изменений в распоряжения Правительства РФ от 16.03.2020 г. № 635-р и от 27.03.2020 г. № 763-р: Распоряжение Правительства РФ от 06.06.2020 г. № 1511-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 24. Ст. 3842.
7. О внесении изменений в статьи 35 и 41.5 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»: Федеральный закон от 18.03.2020 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1655.
8. О внесении изменений в статью 18.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в части уточнения административной ответственности за использование труда иностранных работников на торговых объектах в нарушение норм миграционного законодательства) (внесён депутатами Государственной Думы ФС РФ А. В. Балыбердиным, Д. В. Сазоновым, В. В. Бахметьевым, А. А. Гетта, М. А. Ивановым, Д. П. Москвиным, А. Г. Кобилевым): паспорт проекта Федерального закона № 986457-7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.12.2021).
9. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции

- (COVID-19): Указ Президента РФ от 15.06.2020 № 392 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 25. Ст. 3874.
10. О внесении изменений в Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»: Федеральный закон от 08.06.2020 г. № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 24. Ст. 3756.
  11. О внесении изменения в статью 13.3 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 135-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2713.
  12. О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента РФ от 18.04.2020 г. № 274 (с изм. и доп. от 02.01.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 16. Ст. 2573; 2021. № 2. Ст. 2011.

Сведения об авторе / Information about the author

Таибова Оксана Юркиновна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и прав человека, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, taibovao@mail.ru

Taibova Oksana Yurkinovna — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law and Human Rights, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, taibovao@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 342.9

Е. В. Ерофеева

ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН КАК СПОСОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

В статье анализируются правовые аспекты обращений граждан как способа административно-правовой защиты. Автор рассматривает признаки обращений граждан, основные виды, а также их значение для обеспечения реализации прав и законных интересов личности и коллективных субъектов.

Ключевые слова: обращения граждан, права, законные интересы, рассмотрение обращений, государственный орган, орган муниципального самоуправления, жалоба, заявление, предложение.

E. V. Erofeeva

CITIZENS' APPEALS AS A WAY OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION

The article analyzes the legal aspects of citizens' appeals as a method of administrative and legal protection. The author examines the signs of citizens' appeals, the main types, as well as their significance for ensuring the realization of the rights and legitimate interests of individuals and collective subjects.

Key words: citizens' appeals, rights, legitimate interests, consideration of appeals, state body, municipal self-government body, complaint, statement, proposal.

Право граждан на обращение фиксируется в Конституции РФ. Обращения граждан представляют собой один из способов воздействия общества на принятие решений органами публичной власти, а также защиты собственных прав и законных интересов. Кроме этого, посредством рассмотрения обращений указанные органы получают информацию от населения о достоинствах и недостатках выполняемой ими работы.

Государство гарантирует обязательное реагирование на обращение гражданина. С этой целью создаются специальные органы, которые либо сами удовлетворяют интерес гражданина, либо воздействуют на другие организации для разрешения поставленного вопроса [4, с. 164].

Выделяются следующие признаки обращений граждан:

- могут быть в письменной, устной или электронной форме;
- в виде предложения, заявления или жалобы, при этом каждый из видов обращений обладает определенными особенностями;
- наличие адресата письменного или устного обращения [5, с. 54—55].

© Ерофеева Е. В., 2022

• Серия «Естественные, общественные науки»

В зависимости от юридического характера выделяется три вида обращений. Во-первых, это обращения граждан и юридических лиц в органы публичной власти по поводу реализации прав и свобод. Формой таких обращений выступает заявление. Во-вторых, обращения граждан и иных субъектов административного права как способ их участия в управлении делами государства, цель которого состоит в улучшении деятельности государственных и муниципальных органов. Форма данных обращений — это предложение. В-третьих, обращения граждан и юридических лиц как форма защиты их прав и законных интересов. Ключевой формой таких обращений является административная (инстанционная) жалоба [1, с. 6—7].

Под термином «административная жалоба» нужно понимать жалобу, подаваемую в административный или контрольно-надзорный орган [3, с. 272–273]. Выступая юридическим фактом, она порождает обязанность государственного органа начать процедуру по установлению обстоятельств, послуживших основанием подачи жалобы и, при необходимости, по защите интересов жалобщика и восстановлению прав, которые были нарушены [2, с. 96]. Административная жалоба связана прежде всего с требованием, предъявляемым к публичному органу, о защите прав и законных интересов в сфере государственного управления.

Ст. 2 ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» закрепляет такие формы обращений как устное и письменное. Под устным обращением следует понимать присутствие гражданина на приеме в государственном или муниципальном органе, или же у должностного лица. Письменное обращение может заключаться в направлении адресату по почте, подаче в канцелярию, секретарю или непосредственно должностному лицу документально оформленных обращений [5, с. 55].

Развитие информационных технологий оказало значительное влияние на взаимодействие общества с государством. Так, произошло закрепление электронной формы подачи обращений. Это способствовало не только экономии времени граждан, но и повышению эффективности рассмотрения обращений.

Существуют как индивидуальные, так и коллективные обращения. Они могут касаться как личных интересов, так и общественных вопросов. Обращение в соответствующие органы способствует разрешению ситуаций, связанных с нарушениями прав граждан, социальными конфликтами, а также массовыми акциями протестов. Право на обращение дает возможность обеспечения двусторонней связи между государством с гражданином [5, с. 55].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обращения граждан являются важной гарантией осуществления прав и законных интересов личности и коллективных субъектов. Так, посредством их граждане могут принимать участие в управлении делами государства, а также реализовывать конституционные права и свободы. Кроме этого, возможность подачи обращений имеет важное значение и для защиты прав и законных интересов граждан. Эффективная реализация права на обращение позволяет восстановить те права и свободы, которые были нарушены.

Библиографический список

1. *Зеленцов А. Б.* Обращения граждан как административно-правовая форма // Вестник РУДН. Серия юридические науки. 2003. № 1. С. 5—15.

2. *Калусова О. М.* Цифровая (электронная) административная жалоба // Аграрное и земельное право. 2019. № 7. С. 95—97.
3. *Попович О. М.* Административно-правовая характеристика института административной жалобы (административного иска) // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 8. С. 271—275.
4. *Широбоков С. А.* Конституционное право граждан на обращение в системе правового регулирования взаимодействия граждан и органов государственной власти и управления // Вестник пермского университета. Юридические науки. 2016. № 32. С. 158—164.
5. *Яковлев В. В., Машукова Т. А.* Право граждан на обращение в контексте Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2 (73). С. 54—59.

Сведения об авторе / Information about the author

Ерофеева Евгения Владимировна — студентка 2 курса очной формы обучения юридического факультета, направление подготовки: 40.03.01 Юриспруденция, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ewqeha2002@gmail.com

Erofeeva Evgeniya Vladimirovna — 2nd year full-time student of the Faculty of Law, field of study: 40.03.01 Jurisprudence, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, ewqeha2002@gmail.com

УДД 342.723

А. А. Куликова

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ

В статье рассматриваются вопросы реализации конституционных прав осужденных в условиях отсутствия самой свободы, а также проблемы исправления осужденных, ограничение их социальных связей в условиях распространения коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: осужденные, исправление, социальные связи.

А. А. Kulikova

PROBLEMS OF REALIZATION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS CONVICTS

The article examines the issues of the implementation of the constitutional rights of convicts in the absence of freedom itself, as well as the problems of correction of convicts, the restriction of their social ties in the conditions of the spread of coronavirus infection.

Key words: convicts, correction, social connections.

Права человека являются ключевым институтом конституционного права, значение которого трудно переоценить. Лица, осужденные по приговору суда, также остаются гражданами своего государства, права и свободы которых в определенной степени ограничиваются.

По данным ФСИН по состоянию на 1 ноября 2021 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 469 283 человек осужденных, подозреваемых и обвиняемых [4]. В интересах государства и общества, чтобы данные граждане после отбывания наказания вернулись к «нормальной» жизни.

Статья 29 Всеобщей декларации прав человека предусматривает, что целями ограничений прав человека являются обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других людей; удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общественного благосостояния в демократическом обществе [2].

Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ) определяет целями ограничений: защиту основ конституционного строя; обеспечение безопасности других лиц; обеспечение безопасности государства [3].

Основная часть ограничений содержится в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее — УИК РФ), часть ограничений отражена в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений [5].

В соответствии со статьей 10 УИК РФ осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями,

---

© Куликова А. А., 2022

установленными уголовным, уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации [6].

Основным ограничением для лиц, осужденных к лишению свободы, является отсутствие самой свободы. Лицо, осужденное к лишению свободы, не может свободно передвигаться по территории РФ и выбирать место жительства, таким образом ограничивается в правах и свободах, закрепленных в статьях 22 и 27 Конституции РФ. Своевольное оставление места лишения свободы (побег) криминализировано и признается уголовным преступлением, предусмотренное в статье 313 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи» [7].

В период распространения коронавирусной инфекции особую актуальность приобретают проблемы, связанные с реализацией гарантированных государством прав, свобод и законных интересов личности, в том числе и осужденных к лишению свободы.

Исправление осужденного закреплено в статье 43 УК РФ как одну из целей наказания [7]. В соответствии со статьей 9 УИК РФ основными средствами исправления осужденных являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие [6].

Как справедливо отмечает Е. И. Агашков, «исправление осужденного — проблема, имеющая сложный комплексный характер, разрешение которой представляется возможным только при взаимодействии личности с общественностью, семьей, учреждениями социальной защиты, образовательными организациями, органами и учреждениями Федеральной службы исполнения наказаний в социокультурном, психологическом, право сознательном совершенствовании» [1, с. 35]. Таким образом, поддержание социальных связей является ключевым условием исправления осужденного.

Свиданиям осужденных к лишению свободы посвящена статья 89 УИК РФ. Так, осужденным к лишению свободы предоставляются краткосрочные свидания продолжительностью четыре часа и длительные свидания продолжительностью трое суток на территории исправительного учреждения [6]. Однако главным государственным санитарным врачом ФСИН России вынесено постановление «О введении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мер, направленных на недопущение возникновения и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [4]. В соответствии с данным постановлением с 16 марта 2020 года и до особого указания в учреждениях территориальных органов ФСИН России и следственных изоляторах ФСИН России приостановлено предоставление длительных и краткосрочных свиданий. В настоящее время предоставление свиданий возобновлено, но с определенными ограничениями, различными в каждом регионе.

Законодатель в статье 85 УИК РФ закрепляет возможность введения режима особых условий в исправительных учреждениях. Однако такой режим может быть установлен только в случае «стихийного бедствия, введения в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных [6]. Угроз возникновения и распространения различных инфекций не является основанием для введения подобных ограничений.

Ограничение социальных связей также ограничивает свободу личности, еще в большей степени, чем это предусмотрено УИК РФ и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений. Такие ограничения наносят непоправимый вред личности, способствуют его десоциализации и как следствие препятствуют достижения основной цели наказания как исправление осужденного.

Таким образом, для того, чтобы вводить дополнительные ограничения для лиц, уже ограниченных в правах, необходимо прежде всего свести к минимуму негативное воздействие этих мер.

Считаю, что данную проблему можно решить с помощью внедрения в пенитенциарную систему инновационных методов и современных технологий. С их помощью можно будет организовать общение осужденных с их родственниками с учетом ограничений, введенных в целях нераспространения коронавирусной инфекции.

Библиографический список

1. Агашков Е. И. Исправление осужденного как цель уголовного наказания в виде принудительных работ // Безопасность бизнеса. 2018. № 2. С. 35—39.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). URL: <https://googleweblight.com/sp?hl&geid=NSTNR&u=https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 01.12.2021).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=%EA%EE%ED%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%FF&sort=-1>, (дата обращения: 01.12.2021).
4. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=502612, (дата обращения: 01.12.2021).
5. Приказ Минюста России от 16.12.2016 N 295 (ред. от 22.09.2021) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=%CF%F0%E8%EA%E0%E7+%C%E8%ED%FE%F1%F2%E0+%D0%EE%F1%F1%E8%E8+%EE%F2+16.12.2016+N+295+&sort=-1>, (дата обращения: 01.12.2021).
6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 11.06.2021). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=%F3%E3%EE%EB%EE%E2%ED%EE+%E8%F1%EF%EE%EB%ED%E8%F2%E5%EB%FC%ED%FB%E9+%EA%EE%E4%E5%EA%F1&sort=-1> (дата обращения: 01.12.2021).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=%D3%E3%EE%EB%EE%E2%ED%FB%E9+%EA%EE%E4%E5%EA%F1&sort=-1> (дата обращения: 01.12.2021).

Сведения об авторе / Information about the author

Куликова Анна Андреевна — студентка 2 курса магистратуры юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, annaossokina@mail.ru

Kulikova Anna Andreevna — 2nd year Student of the Magistracy of the Faculty of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, annaossokina@mail.ru

УДК 343.1

М. А. Куракина

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ КАК СПОСОБА ЗАЩИТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В настоящей статье автор анализирует общее понятие эффективности. В статье заостряется внимание на проблеме определения критериев эффективности правосудия, так как они остаются недостаточно разработанной на данный период времени. Также автор исследует факторы, которые влияют на качество и эффективность правосудия, в том числе в рамках уголовного процесса. В работе анализируется эффективность правосудия по уголовным делам как способа защиты социальных прав на конкретном примере.

Ключевые слова: эффективность правосудия, критерии эффективности правосудия, факторы, влияющие на эффективность правосудия.

М. А. Kurakina

EFFECTIVENESS OF JUSTICE IN CRIMINAL CASES AS A WAY TO PROTECTION OF HUMAN SOCIAL RIGHTS

In this article the author analyzes the general concept of efficiency. The article focuses on the problem of determining the criteria of justice efficiency, as they remain underdeveloped at this period of time. The author also examines the factors that affect the quality and efficiency of justice, including in criminal proceedings. The work analyzes the effectiveness of justice in criminal cases as a way to protect social rights on a specific example.

Key words: effectiveness of justice, criteria of justice efficiency, factors that influence the effectiveness of justice.

Изучение проблемы эффективности правосудия тесным образом связано с количественными и качественными показателями судебной деятельности. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин в своих выступлениях (см. напр.: [3]) неоднократно обращал внимание на необходимость повышения качества правосудия в России.

Для начала необходимо обратиться к лингвистическому анализу термина «эффективность». Данный термин происходит от латинского слова «effectus» и обозначает результат, следствие каких-либо причин, действий [6]. Термином «эффективность» зачастую могут обозначаться различные явления такие, как полезность, экономичность, целесообразность, результативность и др.

Критерии эффективности правосудия остаются недостаточно разработанными как в науке, так и на практике. Так, критериями эффективности правосудия на практике выступают, во-первых, стабильность судебных актов

© Куракина М. А., 2022

в вышестоящих инстанциях и, во-вторых, своевременность, то есть сроки рассмотрения дела. Однако, данный подход подвергается серьезной критике [4, с. 18—21]. Думается, что он является слишком узким и не учитывает всех возможных критериев.

Проблемы эффективности правосудия поднимаются и на международном уровне. Так, 18 сентября 2002 года Комитетом министров Совета Европы (СЕ) была создана Европейская комиссия по эффективности правосудия, при которой начал действовать Консультативный совет европейских судей (Совет). В 2008 году Советом было принято заключение № 11, устанавливающее, что качество судебных решений является основным фактором, определяющим качество правосудия и его эффективность. При этом основными факторами, влияющими на качество судебных решений, являются: качество законодательства; материальное обеспечение, предоставляемое судебной системе; качество юридического образования судьи и всех юридических специалистов, вовлеченных в процесс (от участников судебного разбирательства до аппарата суда) [2]. Кроме того, были разработаны показатели качества правосудия, а именно: справедливость, разумная продолжительность, прозрачность, понятность процедур и решений, доступность правосудия и др. (цит. по: [7, с. 55]). В рамках уголовного процесса к факторам, отрицательно влияющим на эффективность правосудия, можно отнести: обвинительный уклон и высокую отменяемость оправдательных приговоров.

Также представляется, что на эффективность правосудия, в том числе и на эффективность правосудия по уголовным делам, существенным образом влияет и механизм действия судебных инстанций. Можно согласиться с точкой зрения С. А. Пашина, который утверждает, что в детальной регламентации нуждаются процедуры рассмотрения дел в апелляционной инстанции, где дела рассматриваются достаточно быстро, буквально по 10—15 минут на каждый эпизод [5, с. 14]. Думается, что такой подход, экономящий процессуальные силы и время, не позволяет в полной мере осуществить должную защиту социальных прав граждан.

Проиллюстрировать эффективность правосудия по уголовным делам как способа защиты социальных прав можно обратившись к конкретному примеру. Ст. 145.1 УК РФ устанавливает ответственность за невыплату заработной платы, тем самым охраняя социальное право на труд и получение соответствующей заработной платы. Апелляционным постановлением № 10-8/2020 от 14 июля 2020 г. по делу № 10-9/2019 Плесецкий районный суд Архангельской области освободил осужденную Стахееву М. В. от отбытия наказания за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 145.1 и ч. 2 ст. 145.1 УК РФ, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования [1] (не реабилитирующее основание).

Таким образом, можно констатировать, что в данном случае правосудие по уголовным делам было неэффективно, так как были нарушены разумные сроки судопроизводства (истекли давностные сроки), в связи с чем социальные права потерпевших не были защищены должным образом, а преступник избежал уголовной ответственности.

Библиографический список

1. Апелляционное постановление № 10-8/2020 от 14 июля 2020 г. по делу № 10-9/2019 Плесецкого районного суда Архангельской области. URL: [//sudact.ru/regular/doc/tdUqN5NdxgHD/](https://sudact.ru/regular/doc/tdUqN5NdxgHD/) (дата обращения: 16.12.2021).
2. Заключение № 11 Консультативного совета европейских судей (КСЕС) «О качестве судебных решений» от 18 декабря 2008 г. П. 2 // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2014. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.12.2021).
3. *Зорькин В. Д.* Качество правосудия – это вопрос конституционный (из выступления на VI Всероссийском съезде судей Российской Федерации // Право и безопасность. 2015. № 1. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_11_3.htm (дата обращения: 16.12.2021).
4. *Куприянович Н. В.* Критерий эффективности деятельности мировых судей // Мировой судья. 2006. № 1. С. 18—21.
5. *Пашин С. А.* Национальные гарантии прав участников судопроизводства должны быть выше установленных Конвенцией // Уголовный процесс. Электронный журнал. 2014. № 12. С. 14—20.
6. Первый толковый БЭС: более 120 тысяч словар. ст., более 147 тысяч толкуемых единиц / отв. ред.: Е. В. Варавина [и др.]. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2006. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003014369> (дата обращения: 16.12.2021).
7. *Шарипова А. Р.* Качество правосудия по уголовным, арбитражным, гражданским и административным делам: сравнение по отдельным параметрам // Lex Russica. 2020. № 11 (168). С. 53—61.

Сведения об авторе / Information about the author

Куракина Мария Андреевна — студентка 1 курса магистратуры юридического факультета по направлению «Социальное государство: проблемы теории и юридической практики», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, marie.kurakina@yandex.ru

Kurakina Maria Andreevna — 1st year Graduate Student of the Faculty of Law, Ivanovo State University in the direction of “Social State: problems of theory and legal practice”, Ivanovo, Russia, marie.kurakina@yandex.ru

В. С. Лаврова

ВЫБОРЫ 2021: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ И ПРАКТИКА ГОЛОСОВАНИЯ

В статье рассматриваются особенности проведения многодневного голосования на избирательном участке с использованием стационарных ящиков для голосования. Анализируется, какие процедуры при этом используются для организации процесса голосования граждан. Каковы плюсы и риски хранения заполненных бюллетеней в сейф-пакетах вне периода времени, предусмотренного для непосредственного голосования граждан. Автор приходит к мнению, что при выполнении всех мер, которые гарантируют сохранность находящихся в сейф-пакете бюллетеней, проведение многодневного голосования в Российской Федерации должно быть временной мерой в экстраординарных условиях.

Ключевые слова: многодневное голосование, выборы, сейф-пакет.

V. S. Lavrova

ELECTIONS 2021: LEGISLATIVE NOVELTIES AND VOTING PRACTICES

The article discusses the features of conducting multi-day voting at a polling station with stationary voting boxes. It analyzes what procedures are used to organize the voting process. What are the advantages and risks of storing completed ballots in safe packages outside the time provided for voting of citizens? The author concludes that when all the measures that guarantee the safety of the ballots in the safe package are carried out, the holding of multi-day voting in the Russian Federation should be a temporary measure in extraordinary conditions.

Key words: multi-day voting, elections, safe package.

Нововведения 2020 года в избирательное законодательство позволило расширить возможности реализации активного избирательного права граждан. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» при проведении выборов и референдумов закрепляет такие формы голосования, как многодневное голосование [ст. 63.1, 4] и дистанционное электронное голосование [п. 14 ст. 64, 4]. В рамках данной статьи остановимся на рассмотрении проведения многодневного голосования, акцентируя внимание на использовании основных форм голосования на избирательном участке, подробно рассмотрев использование стационарных ящиков (урн) для голосования и работу с бюллетенями. На Центральную избирательную комиссию как на орган, организующий выборы Российской Федерации, возложено право принять решение о проведении многодневного голосования в пределах трёх дней [п. 1 ст. 63.1, 4]. Проведение многодневного голосования

мотивировано созданием условий для защиты здоровья избирателей, т. е. для защиты избирателей от пандемии COVID-19. При использовании в дни голосования стационарных ящиков (урн) для голосования в помещении и переносных ящиков для голосования вне помещения для обеспечения сохранности бюллетеней в рамках многодневного голосования предусмотрена определенная процедура. Процедура описана в Постановлении ЦИК России от 16.12.2020 № 279/2039-7 «О Временном положении об особенностях голосования, установления итогов голосования при проведении голосования на выборах, референдумах в течение нескольких дней подряд» [3]. При этой процедуре именно голосование в помещении для голосования (голосование в помещении) и голосование вне помещения для голосования (голосование на дому) являются основными формами голосования [п. 1.2, 3].

Для обеспечения сохранности бюллетеней вне периода времени, предусмотренного для непосредственного голосования граждан, необходимо помещение их в сейф-пакеты. Бюллетени из стационарных ящиков для голосования перемещаются в сейф-пакет незамедлительно по окончании голосования в помещении для голосования, переносных ящиков — незамедлительно по возвращению членов участковой избирательной комиссии с голосования на дому [пп. 5.1-5.2, 3].

Сейф-пакет представляет собой пакет, предназначенный для обеспечения сохранности и неизменности, содержащихся в нем бюллетеней, имеющих индивидуальный серийный номер и индикаторную пломбу (ленту), сигнализирующую о попытке его вскрытия [п. 3.5, 3]. Итак, мерами защиты, располагающимися на самом сейф-пакете, являются индивидуальный серийный номер и индикаторная пломба (лента). Индивидуальный серийный номер как средство сохранности бюллетеней не может иметь повторений, особенно в пределах одного избирательного участка, а также этот номер переносится в акт, который составляется при перемещении бюллетеней в сейф-пакет. Акт хранится совместно с сейф-пакетом до этапа подсчета голосов на избирательном участке. Индикаторная лента на сейф-пакете, в свою очередь, должна обеспечивать индикацию фактов несанкционированного доступа путем проявления визуальных признаков нарушения целостности при попытке ее снятия, не позволяющую использовать пломбу повторно, т. е. при попытке вскрытия сейф-пакета индикаторная лента визуально просигнализирует о такой попытке.

Перемещение бюллетеней из урны для голосования в сейф-пакет осуществляется с сохранением тайны голосования, с последующим его незамедлительным запечатыванием [п. 3.6, 3]. Перемещение проводится в присутствии членов комиссии и наблюдателей, непосредственно в помещении участковой комиссии, в зоне видеонаблюдения, при отсутствии видеонаблюдения используются средства видеорегистрации. Перемещение содержимого из каждого ящика для голосования осуществляется в отдельный сейф-пакет. Не менее двух членов комиссии с правом решающего голоса обязаны поставить подпись на сейф-пакетах, проставление подписи другими членами комиссии или наблюдателями является рекомендательной [пп. 3.7—3.8, 3].

Многодневное голосование также вносит особенности и в осуществление хранения бюллетеней с голосами избирателей. Хранение сейф-пакетов и прилагаемым к ним актам осуществляется отдельно от прочей документации комиссии в обеспечение сохранности и неизменяемости их содержимого [п. 3.9, 3], т. е. предусматривается, что сейф-пакеты, помещенные единожды

в сейф для хранения, более не изымаются до процедуры подсчета голосов избирателей по окончании заключительного дня голосования. Перед началом подсчета голосов сейф-пакеты проверяются на соответствие индивидуально-серийного номера, их целостность, отсутствие попытки несанкционированного вскрытия, а также на наличие всех отметок, которые присутствовали при его помещении в сейф [п. 3.11, 3]. Итак, другими мерами защиты целостности сейф-пакета являются: подписи на сейф-пакетах членов комиссии и наблюдателей, хранение их отдельно от другой документации в закрытом сейфе, предварительный визуальный осмотр неизменяемости сейф-пакета по его изъятию из места хранения. Таким образом, необходимо сделать вывод, что дополнительная работа с бюллетенями, определенно, усложняют организацию избирательного процесса.

Решение такой проблемы видится в проведении голосования: 1) с использованием КОИБ или КЭГ; 2) с использованием процедуры многодневного голосования как временной меры в условиях повышенной готовности (пандемии Covid-19).

Использование более технологичных методов подсчета голосов на участке для голосования, таких как КОИБ (комплекс обработки избирательных бюллетеней) и КЭГ (комплекс электронного голосования), позволяет не применять ручного подсчета голосов на избирательном участке. При использовании технологических методов подсчета голосов избирателей необходимым остается обеспечение в помещении для голосования видеофиксации, в том числе, и в темное время суток.

Необходимо отметить, что Центральной избирательной комиссией предусмотрено множество шагов по обеспечению сохранности заполненных бюллетеней в ситуации многодневного голосования. По результатам опросов россиян: к проведению многодневного голосования 61 % опрошенных относятся положительно, среди них причинами отмечают: 49 % — удобство прийти на избирательный участок в любое время, 7 % — возможность избежать очередей и столпотворения; 5 % — меньшую опасность заражения коронавирусом [2]. Однако, среди причин, по которым россияне не поддерживают многодневное голосование: 39 % респондентов отмечают что это дает возможность для фальсификаций и подтасовок, 33 % — что достаточно одного дня; 10 % не видят смысла в проведении многодневного голосования [1].

Нельзя не отметить, что обеспечение наличия общественного наблюдения (как в статусе наблюдателя или представителя СМИ, так и в статусе члена комиссии с правом совещательного голоса) в условиях многодневного голосования требует и существенного увеличения числа наблюдателей.

Необходимо взвешивать все плюсы и минусы внедрения многодневного голосования, т.к. оно требует задействования при организации избирательного процесса большого человеческого и технического ресурса для обеспечения сохранности и неизменности бюллетеней с голосами граждан, удобство для избирателей многодневного голосования должно соотноситься с их доверием к выборам. Автор приходит к выводу, что именно временный характер использования процедуры многодневного голосования в определенных экстраординарных условиях позволяет не препятствовать легитимации института выборов в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Итоги Выборов — Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/05/itogi-vyborov/> (дата обращения: 16.12.2021).
2. ВЦИОМ. Новости: Многодневное голосование: за и против. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mnogodnevnoe-golosovanie-za-i-protiv> (дата обращения: 16.12.2021).
3. Постановление ЦИК России от 16.12.2020 № 279/2039-7 (ред. от 10.03.2021) «О Временном положении об особенностях голосования, установления итогов голосования при проведении голосования на выборах, референдумах в течение нескольких дней подряд». Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.12.2021).
4. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.12.2021).

Сведения об авторе / Information about the author

Лаврова Варвара Сергеевна — студентка 3 курса бакалавриата очно-заочной формы обучения юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, graftonstreet71@gmail.com

Lavrova Varvara Sergeevna — 3rd year Undergraduate Student of full-time and part-time education at the Faculty of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, graftonstreet71@gmail.com

УДК 342.4

П. А. Пронин

ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК НА РАЗВИТИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена поправкам к Конституции Российской Федерации, принятым на всероссийском голосовании 2020 года, касающимся Федерального Собрания Российской Федерации. Рассматриваются основные изменения полномочий Государственной Думы и Совета Федерации, проводится их анализ, оценивается влияние данных изменений на развитие парламентаризма в нашей стране, посредством проведения сравнения роли палат Федерального Собрания Российской Федерации в системе государственной власти до и после принятия конституционных поправок 2020 года. Помимо этого, автор высказывает предположения о дальнейшем развитии данного института в России.

Ключевые слова: Конституция РФ, поправки к Конституции РФ, Федеральное Собрание, Государственная Дума, Совет Федерации, парламентаризм.

P. A. Pronin

THE IMPACT OF CONSTITUTIONAL AMENDMENTS ON THE DEVELOPMENT OF PARLIAMENTARISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to amendments to the Constitution of the Russian Federation adopted at the All-Russian vote in 2020 concerning the Federal Assembly of the Russian Federation. The main changes in the powers of the State Duma and the Federation Council are considered, their analysis is carried out, the impact of these changes on the development of parliamentarism in our country is assessed by comparing the role of the houses of the Federal Assembly of the Russian Federation in the system of state power before and after the adoption of the constitutional amendments of 2020. In addition, the author makes assumptions about the further development of this institute in Russia.

Key words: Constitution of the Russian Federation, amendments to the Constitution of the Russian Federation, Federal Assembly, the State Duma, Federation Council, parliamentarism.

Среди конституционных поправок, принятых на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 г., одними из наиболее значимых и неоднозначных являются поправки, затронувшие Федеральное Собрание Российской Федерации.

При изучении вышеуказанных поправок может сложиться впечатление об увеличении роли парламента в политической жизни страны. Отчасти это действительно так, поскольку, во-первых, возросло значение высшего органа законодательной власти в процессе формирования Правительства Российской Федерации, проявляющееся в утверждении Государственной Думой

© Пронин П. А., 2022

• Серия «Естественные, общественные науки»

по представлению Председателя Правительства кандидатур заместителя Председателя Правительства и федеральных министров, за исключением министров «силового блока», назначаемых Президентом после консультации с Советом Федерации (что также является новеллой), и, во-вторых, к ведению Совета Федерации после внесения поправок относится прекращение по представлению Президента полномочий Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного и Верховного суда, а также апелляционных и кассационных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных законом случаях.

Но сохранение решающей роли Президента при формировании Правительства ставит под вопрос положительную оценку первой конституционной новеллы. Что касается второй, то она была ранее представлена в ст. 18 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ». Одновременно с этим стоит отметить утрату Советом Федерации права назначать на должность Генерального прокурора РФ и заместителей Генерального прокурора, это стало полномочием Президента. Взамен этого к ведению Совета Федерации было отнесено проведение консультаций по предложенным Президентом кандидатурам на должность как Генерального прокурора и его заместителей, так и прокуроров субъектов и прокуроров специализированных прокуратур, приравненных к прокурорам субъектов РФ [2]. Это, в совокупности с добавлением в ведение данной палаты парламента заслушивания ежегодных отчетов Генерального Прокурора, можно считать «утешительным расширением возможностей Совета Федерации, поскольку он лишился главного — назначения Генерального прокурора и его заместителей» [1, с. 18].

Неоднозначна и трактовка новых возможностей Государственной Думы в формировании Правительства. С одной стороны, логично было бы воспринимать утверждение нижней палатой парламента кандидатур Председателя Правительства, его заместителя и федеральных министров (за исключением федеральных министров, указанных в п. «д. 1» ст. 83) как назначение их на должность. Однако Конституция сохраняет за Президентом как право «назначать» членов правительства, так и право распускать Государственную Думу в случае трехкратного отклонения предложенных кандидатур [3]. То есть, фактически, термин «утверждение» при данных обстоятельствах мало отличается от термина «дача согласия», употребляемого в Конституции до внесения поправок. Особого внимания заслуживает отмена императивности п. 4 ст. 111 Конституции, который позволяет Президенту распустить нижнюю палату парламента в случае ее несогласия с кандидатурой Председателя Правительства, что не только создает условия для разрешения вопроса формирования Правительства путем более тщательного взаимодействия Президента и отдельных фракций в Думе, но и дает надежду если не на отмену данного пункта в будущем, то на его преобразование с целью ужесточения условий для проведения данной процедуры.

К негативным факторам оценки развития парламентаризма в поправках 2020 г. можно отнести сохранение за Президентом права роспуска Государственной Думы в случае выражения последней вотума недоверия Правительству РФ. Тем самым Конституция ставит нижнюю палату парламента в странное положение, давая ей возможность утверждать назначение кандидатур членов Правительства персонально, но не давая ей полномочий каким-либо путем отстранять их от должности. Исходя из этого, Государственной Думе приходится искать «мира» с правительством

из-за опасности роспуска, что лишает ее возможности в полной мере на практике контролировать деятельность Правительства и принимать меры в рамках парламентского контроля.

Конституционные поправки не внесли значимые изменения в функционирование парламентаризма в нашей стране, но, наделяя парламент новыми возможностями в формировании Правительства и придавая пункту 4 ст. 111 и 112 Конституции РФ диспозитивный характер, они сформировали условия для развития данного института в дальнейшем, что делает настоящие изменения, внесенные в основной закон страны в 2020 г., одними из наиболее значимых.

Библиографический список

1. *Авакьян С. А.* Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Вестник МГОУ. 2020. № 3. С. 7—33. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/View/13931> (дата обращения: 15.11.2021).
2. Конституция Российской Федерации с поправками 2020 года. М.: Айрис пресс. 2021. 96 с.
3. *Писарев А. Н.* Российская модель формы правления в свете конституционной реформы 2020: президентская или полупрезидентская республика // Образование и право. 2020. № 9. С. 20—28. URL: <https://education.law-books.ru/писарев-а-н-российская-модель-формы-п/> (дата обращения: 15.11.2021).

Сведения об авторе / Information about the author

Пронин Пётр Александрович — студент 1 курса бакалавриата очной формы обучения юридического факультета, направление подготовки: 40.03.01 Юриспруденция, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ppronin282@gmail.com

Pronin Pyotr Alexandrovich — 1st year undergraduate full-time student of the Faculty of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, ppronin282@gmail.com.

УДК 342.7

*М. Д. Семьяшкин***УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ**

Статья посвящена анализу текущего состояния управления реализацией жилищной политики в Российской Федерации. Рассмотрены различные аспекты управления в этой сфере, выявлены недостатки нормативного регулирования. Приведены проблемы развития перспективных направлений в области управления реализацией жилищной политики.

Ключевые слова: конституционное право на жилище; управление реализацией жилищной политики; проблемы развития жилищной политики; предоставление жилья нуждающимся лицам.

*M. D. Semyashkin***MANAGEMENT IN THE SPHERE OF IMPLEMENTATION
OF HOUSING POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION:
STATUS AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT**

The article is devoted to the analysis of the current state of management of the implementation of housing policy in the Russian Federation. Various aspects of management in this area are considered, the shortcomings of the normative regulation in this area are revealed. The article presents problems of development of promising directions in the field of management of the implementation of housing policy

Key words: the constitutional right to housing; management of the implementation of housing policy; housing policy development problems; provision of housing for people in need.

Важность обладания жилищем для человека сложно переоценить. Это одна из самых насущных потребностей даже в условиях современного общества.

В статье 40 Конституции Российской Федерации закреплено право на жилище. Российское государство, позиционируя себя как социальное, берет на себя определенные обязанности в сфере обеспечения данного права. Так, части 2 и 3 статьи 40 Конституции РФ предусматривают формы участия государства в реализации права на жилище. Обеспечение жильем является одним из приоритетных направлений государственной политики. Однако на практике возникает ряд проблем в области управления жилищной политикой государства.

В первую очередь стоит отметить, что в законодательстве РФ отсутствует четкое определение жилищной политики, что отмечается многими авторами как недостаток [4, с. 140; 5, с. 98]. Несмотря на отсутствие законодательного определения данного понятия, на федеральном уровне существует

© Семьяшкин М. Д., 2022

ряд документов, регулирующих основные направления развития жилищной политики в Российской Федерации.

В первую очередь можно назвать Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», согласно которому основными целями национального проекта в сфере жилья должны быть обеспечение доступным жильем семей со средним достатком, в том числе создание возможностей для приобретения (строительства) ими жилья с использованием ипотечного кредита; увеличение объема жилищного строительства; обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда [1]. В соответствии с этим Указом был разработан и утвержден Национальный проект «Жилье и городская среда», в котором конкретизированы и расширены цели жилищной политики государства. В частности, согласно паспорту этого Национального проекта к 2024 году в РФ средний уровень процентной ставки по ипотечному кредиту должен прийти к отметке 7,9 %; объем жилищного строительства в год должен достигнуть показателя 120 кв. м. в 2024 году; 530,9 тысяч человек к 2024 году должны быть расселены из непригодного для проживания жилищного фонда. Также важным программным документом в области жилищной политики является «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года», разработанный Минэкономразвития России. В нем также основной акцент делается на увеличении объемов жилищного строительства и содействии ипотечному кредитованию. На региональном и муниципальном уровнях в основном жилищная политика ограничивается реализацией уже существующих программ или принятием программ по сути аналогичных федеральным. Что интересно, зачастую региональные и муниципальные программы в сфере жилищной политики предполагают финансирование в основном за счет федерального бюджета.

Как мы видим, государственная политика в основном направлена на стимулирование жилищного строительства и помощи гражданам в реализации права на жилище путем ипотечного кредитования. Однако, на сегодняшний момент, далеко не у всех нуждающихся в жилом помещении есть возможность получить и стабильно выплачивать ипотеку. Поэтому не меньшее значение имеет политика государства в сфере предоставления жилья нуждающимся бесплатно или за доступную плату. Основной, хоть и не единственной, формой реализации права на жилище в данном направлении является предоставление жилища по договору социального найма. Государство приняло достаточно спорное решение с точки зрения управления реализацией жилищной политикой, установив в ч. 2 ст. 49 Жилищного Кодекса Российской Федерации, согласно которой малоимущим, нуждающимся в жилом помещении гражданам по договору социального найма предоставляются жилые помещения из муниципального жилищного фонда. В литературе высказывается мнение о том, что «государство как бы самоустранилось от исполнения своей конституционной обязанности по признанию, соблюдению, и защите права на жилище, переложив необходимость её исполнения на плечи органов местного самоуправления» [2, с. 26]. Недостаток финансового обеспечения на муниципальном уровне приводит к тому, что получают жилье очень незначительное количество нуждающихся.

Государство пытается искать новые способы решения жилищной проблемы. В законодательстве относительно недавно появилась еще одна форма

предоставления жилья из фонда социального использования — предоставление по договору найма жилого помещения жилищного фонда социального использования. Нанимателями по данному договору могут быть граждане, которые подходят под категорию нуждающихся в жилых помещениях, но не признаны и не могут быть признаны по существующим в ЖК РФ основаниям малоимущими. Помещения по такому договору могут предоставляться в наемных домах. Наемные дома могут быть как в государственной и муниципальной собственности, так и в частной. Стоит отметить, что создание данной правовой конструкции как раз было направлено на развитие частного фонда жилья социального использования. Государство стремилось развить рынок некоммерческого найма жилых помещений. Как отмечается, в литературе: «Развитие отношений по некоммерческому найму жилых помещений соответствует общемировой практике, является более адекватным способом решения жилищной проблемы в противовес социальному найму, где отношения носят бессрочный характер и открыта возможность приватизации» [6, с. 152]. К тому же положительной чертой является то, что большему количеству людей, нуждающихся в жилье, удастся реализовать право на жилище. Однако, на практике этот способ не получил широкого распространения и оказался не востребован у частных инвесторов. Это вызвано в первую очередь низкой рентабельностью таких домов. А поддержка государства на практике не очень существенна. Также отмечается, что помимо этого причинами малого количества созданных наемных домов являются сложности с льготным присоединением объектов к инженерным коммуникациям, непроработанность вопроса об условиях кредитования, необходимость несения подрядчиками дополнительных затрат на чистовую отделку помещений и проч. Немаловажную роль играет и тот факт, что особенности правового режима наемного дома существенным образом ограничивают правомочия его собственника по сравнению с иными видами недвижимости [3, с. 43—44].

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Российская газета. 2018. 9 мая. № 97.
2. Долгошеев М. А. «О некоторых проблемах реализации права граждан на жилище» // Закон и право. 2008. № 12. С. 24—29.
3. Крюкова Е. С. Наемные дома: проблемы правового режима // Гражданское право. 2019. № 6. С. 42—45. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Силин В. П. О Российской жилищной политике / В. П. Силин, Р. О. Чернов // Образование. Наука. Научные кадры. 2011. № 4. С. 140—143.
5. Сотникова Л. В. Гарантии реализации права граждан на жилище // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2013. № 3. С. 97—99.
6. Шаханина С. В. Проблемы реализации конституционного права граждан на жилище в отраслевом законодательстве // Известия АлтГУ. 2018. № 3 (101). С. 150—154.

Сведения об авторе / Information about the author

Семяшкин Максим Дмитриевич — студент 1 курса магистратуры заочной формы обучения юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, semyashkinm09@gmail.com

Semyashkin Maxim Dmitrievich — 1st year Master's degree student of the correspondence form of study at the Faculty of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, semyashkinm09@gmail.com

УДК 347.963

В. О. Сидоренко

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ ЗА ИСПРАВИТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ

Статья посвящена анализу надзорных полномочий органов прокуратуры за деятельностью исправительных учреждений, характеристике предмета исследуемого вида надзора.

Ключевые слова: прокуратура, надзор, исправительные учреждения.

V. O. Sidorenko

TO THE QUESTION OF THE SPECIFICS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE'S SUPERVISION OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS

The article is devoted to the analysis of the supervisory powers of the prosecutor's office over the activities of correctional institutions, the characteristics of the subject of the type of supervision under study.

Key words: prosecutor's office, supervision, correctional institutions.

В соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» надзор за соблюдением законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы осуществляется Генеральной прокуратурой РФ и подчиненными ей прокуратурами [2]. Наряду с территориальными органами прокуратуры, функционируют специализированные прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Выделение прокурорского надзора за соблюдением законов администрациями исправительных учреждений в отдельное направление связано с особенностями предмета надзора и задачами указанного направления деятельности.

К предмету данного вида надзора отнесены: законность нахождения лиц в местах содержания задержанных, предварительного заключения, исправительных и иных органах и учреждениях, исполняющих наказание и меры принудительного характера, назначаемые судом; соблюдение установленных законодательством Российской Федерации прав и обязанностей задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера, порядка и условий их содержания; законность исполнения наказания, не связанного с лишением свободы.

Прокурор, осуществляющий надзор за деятельностью исправительных учреждений, имеет право беспрепятственно посещать в любое время выше-названные учреждения и органы, знакомиться с оперативными материалами,

---

© Сидоренко В. О., 2022

требовать от администрации создания условий, обеспечивающих права задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера, проверять соответствие законодательству Российской Федерации приказов, распоряжений, постановлений администрации органов и учреждений, исполняющих наказания, требовать объяснения от должностных лиц, вносить протесты и представления, возбуждать уголовные дела или производства об административных правонарушениях.

Эффективность прокурорского надзора обусловлена тем, что постановления и требования прокурора относительно исполнения установленных законом порядка и условий содержания задержанных, заключенных под стражу, осужденных, лиц, подвергнутых мерам принудительного характера либо помещенных в судебно-психиатрические учреждения, подлежат обязательному исполнению администрацией, а также органами, исполняющими приговоры судов в отношении лиц, осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы.

Особую роль играет участие прокурора в стадии исполнения приговора, в частности, при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении, т. к. в этой части процессуальные полномочия прокурора в стадии исполнения приговора сводятся к правообеспечительной функции. Данный вывод следует из ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [3], в рамках которой прокурор хоть и наделен правом участвовать в судебном заседании, но лишь высказывает свое мнение суду, основанное на оценке представленных материалов, о возможности применения условно-досрочного освобождения, а не дает заключение или выносит какой-либо иной правоприменительный акт. В данном случае можно говорить о так называемом ассоциативном участии прокурора в судебном разрешении дел, связанных с исполнением приговора.

Таким образом, прокурорский надзор за работой исправительных учреждений считается залогом обоснованности и законности ограничений прав и свобод граждан, подвергнутых изоляции. Однако нельзя забывать, что эффективность прокурорского надзора, а кроме того, эффективность применения представленных прокурором полномочий во многом гарантируется надлежащей организацией деятельности прокуратуры, в том числе с помощью координации работы поднадзорных учреждений с целью обеспечения законности. В данном случае нельзя не отметить высокий уровень латентности конфликтных ситуаций и отдельных видов правонарушений, совершаемых в местах лишения свободы не столько осужденными, сколько сотрудниками данных учреждений [1].

В связи с этим полагаем, что несмотря на широкий перечень полномочий прокурора, следует расширить практику проведения прокурором внеплановых проверок, например, с учетом положительного опыта советского периода реализовать внезапные дневные и ночные проверки, в нерабочие (выходные и праздничные дни). Следует обратить внимание на анонимные обращения, обращения, поступающие в интересах заключенного от его близких родственников, адвоката, соблюдение конфиденциальности такого обращения, периодичности и регулярности приема прокурором заключенных.

Библиографический список

1. Коллегия о состоянии законности в сфере исполнения законодательства, направленного на пресечение незаконных методов воздействия в отношении осужденных и содержащихся под стражей лиц [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news1599844/1> (дата обращения: 01.11.2021).
2. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992. № 2202-1 (в ред. от 01.07.2021) // Российская газета. 1992. 18 февр. № 39; Российская газета. 2021. 5 июля. № 145.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5122.

Сведения об авторе / Information about the author

Сидоренко Вероника Олеговна — студентка 1 курса заочной формы обучения по направлению 40.04.01 Юриспруденция, ОП «Социальное государство: проблемы теории и юридической практики», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nika_crowley@mail.ru

Sidorenko Veronika Olegovna — 1st year student of correspondence education in the direction of 40.04.01 Jurisprudence, OP “Social State: problems of theory and legal practice”, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, nika_crowley@mail.ru

М. М. Скотникова

КОНСТИТУЦИОННЫЕ НОВЕЛЛЫ В УКРЕПЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье рассматривается влияние на систему национальной безопасности РФ поправок к Конституции РФ, одобренных в ходе общероссийского голосования в 2020 году. На основе анализа научно-правовой литературы, автор указывает, что наибольшее значение для системы национальной безопасности РФ имеют поправки к статьям 67 и 79 Конституции РФ, которые расширили содержание суверенных прав РФ и укрепили суверенитет страны, задали вектор развития внешней политике Российской Федерации. Принятие поправок к Конституции РФ значительно укрепило правовую базу системы национальной безопасности страны, поправки позволяют конкретнее, чем раньше определить содержание системы национальной безопасности, а в дальнейшем – развивать законодательство в этой сфере с целью более четкой её реализации.

Ключевые слова: национальная безопасность РФ, Конституция РФ, поправки к Конституции РФ, Российская Федерация.

M. M. Skotnikova

CONSTITUTIONAL NOVELTIES IN STRENGTHENING THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the impact of amendments to the Constitution of the Russian Federation, approved during the all-Russian vote in 2020, on the national security system of the Russian Federation. Based on the analysis of scientific and legal literature, the author points out that the amendments to Articles 67 and 79 of the Constitution of the Russian Federation, which expanded the content of the sovereign rights of the Russian Federation and strengthened the sovereignty of the country, set the vector for the development of the foreign policy of the Russian Federation, are the most important ones for the national security system of the Russian Federation. The adoption of the amendments to the Constitution of the Russian Federation significantly strengthened the legal framework of the national security system of the country, the amendments make it possible to more specifically than before determine the content of the national security system and to develop legislation in this area in order to more clearly implement it in the future.

Key words: The national security of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, amendments to the Constitution of the Russian Federation, the Russian Federation.

Рассматриваемая тема является актуальной в связи с тем, что в последнее время велико количество угроз национальным интересам как внутри, так и вне Российской Федерации, что влечёт за собой необходимость совершенствования

правовой базы для обеспечения эффективного функционирования системы национальной безопасности страны.

В законодательстве РФ национальная безопасность понимается как состояние защищенности национальных интересов страны от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [2]. Это определение даёт неконкретное понятие о системе национальной безопасности, что оставляет простор для развития законодательства и отечественной правовой науки в этой области.

На взгляд ученых-правоведов, не следует слишком широко рассматривать содержание национальной безопасности, и в этом может помочь Конституция, которая в концентрированном виде закрепляет основы национальной безопасности России [5, с. 63].

Рассмотрим поправки в Конституцию РФ, одобренные в ходе общероссийского голосования в 2020г., которые затронули следующие элементы системы национальной безопасности РФ: государственный суверенитет, целостность территории, международные отношения. Поправки также расширили и конкретизировали некоторые идеологические аспекты системы национальной безопасности.

Наибольшее значение для национальной безопасности имеют поправки в ст. 67, затронувшие несколько элементов этой системы. В них указывается на преемственность РФ от СССР в отношении членства в международных организациях, участия в международных договорах, а также в отношении обязательств, предусмотренных ими [1]. Можно сказать, что РФ продолжает курс на тесное взаимодействие с государствами, входившими в состав СССР и являющимися дружественными по отношению к России [5, с. 64], что задает определенный вектор развития внешней политики РФ. Также появилось дополнение ч. 2.1, запрещающей действия, которые могут быть направлены на отчуждение части территории России или призывы к таким действиям. Так как Конституция РФ может быть изменена только в особом порядке, то указанное конституционное положение будет служить гарантией сохранения территориальной целостности РФ в долгой перспективе [3, с. 10]. Эта поправка является значительным вкладом в укрепление суверенитета РФ, а также правовой базы системы национальной безопасности, так как она расширяет содержание суверенных прав РФ и обеспечение их защиты. Также были добавлены положения о вере в Бога и о почитании подвига защитников Отечества, которые, прежде всего, направлены на обеспечение внутренней стабильности российского государства, на усиление консолидирующих начал в обществе и государстве, а также на закрепление приоритетов государственного и общественного развития для достижения целей национальной безопасности в РФ [5, с. 65].

Ст. 79 Конституции получила дополнение о том, что РФ вправе не выполнять требования межгосударственных органов, если они противоречат Конституции РФ. Эта новелла вызвала неоднозначный отклик правоведов. Т. К. Андреева, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, высказывает мнение о том, что «новая редакция ст. 79 Конституции РФ создает риск ограничения... права российских граждан на обращение, в частности, в Европейский Суд по правам человека, поскольку ставит возможность исполнения

принятых им решений в зависимости от усмотрения КС РФ» [4, с. 37]. Следовательно, «оказывается иллюзорным и бессмысленным само право на обращение в международный суд, если нет гарантий исполнения его решения» [4, с. 37]. Существует и другая точка зрения: «одной из целей данного установления является обеспечение национальной безопасности, которая может быть поставлена под угрозу в результате недружественных действий со стороны других государств» [5, с. 64]. Таким образом, эту поправку сложно оценить однозначно.

Оценивая принятые конституционные поправки, можно сказать, что в результате нововведений был укреплен суверенитет РФ и её место в системе международных отношений, конкретнее определено содержание системы национальной безопасности, а также заложены основы для расширения законодательства с целью более четкой её реализации.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации с поправками от 2020 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.11.2021).
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.11.2021).
3. *Бредихин А. Л.* Поправки к Конституции Российской Федерации 2020 г. как фактор обеспечения государственного суверенитета России // Вестник ИвГУ. Серия: естественные, общественные науки. 2021. № 1. С. 9—12.
4. *Жуйков В., Воскобитова Л., Ярков В., Андреева Т., Пашин С., Алексеевская Е., Бевзенко Р.* Конституционные поправки и независимость суда // Закон. 2020. № 2. С. 33—43.
5. *Ильин И. М., Козлов В. Н.* Поправки к Конституции России, их роль и значение в вопросе укрепления системы национальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 9 (124). С. 62—65.

Сведения об авторе / Information about the author

Скотникова Марина Михайловна — студентка 1 курса бакалавриата очной формы обучения юридического факультета, направление подготовки: 40.03.01 Юриспруденция, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, marinaskotnikova2012@gmail.com

Skotnikova Marina Mikhailovna — 1st year undergraduate full-time student of the Faculty of Law, field of study: 40.03.01 Jurisprudence, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, marinaskotnikova2012@gmail.com

УДК 342.95

*В. П. Смирнов***АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

В институте административной ответственности несовершеннолетних имеется достаточно большой ряд проблем. Некоторые из них анализируются в данной статье. Среди них: проблемы привлечения к административной ответственности; несовершенство законодательства; возраст и особенности привлечения к административной ответственности несовершеннолетних; достижение цели наказания. Также рассматриваются возможные способы устранения этих проблем.

Ключевые слова: ответственность, несовершеннолетний, правонарушение, привлечение, возраст, цель наказания, штраф, мера воздействия.

*V. P. Smirnov***ACTUAL PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE
RESPONSIBILITY OF MINORS**

The Institute of Administrative Responsibility of Minors has a fairly large number of problems. Some of them are analyzed in this article. Among them: problems of bringing to administrative responsibility; imperfection of legislation; age and peculiarities of bringing to administrative responsibility of minors; achievement of the purpose of punishment. Possible ways to fix these problems are also being considered.

Key words: responsibility, minor, offense, involvement, age, purpose of punishment, fine, measure of influence.

Вопрос административной ответственности несовершеннолетних в современных условиях является крайне актуальным ввиду ряда факторов. Во-первых, количество совершаемых правонарушений среди несовершеннолетних остается высоким. Причинами этого выступает кризис института семьи [5] и то, что несовершеннолетние относятся к числу социально незащищённых категорий населения [6]. Во-вторых, происходит постоянное реформирование законодательства в данной отрасли. Все это порождает ряд проблем в сфере административной ответственности несовершеннолетних.

Одной из таких проблем является несовершенство и довольно большое количество противоречий в законодательной базе РФ. Это вызвано тем, что регулирование данной отрасли осуществляется достаточно большим разнообразием нормативно-правовых актов. Это и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, и федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ, и Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995, и законы субъектов РФ. Грамотным решением проблемы

© Смирнов В. П., 2022

может послужить издания единого акта, который бы резюмировал ответственность несовершеннолетних [3]. Также несовершенство законодательства состоит в том, что в КоАП РФ отсутствует легальное определение «административная ответственность» несмотря на то, что в КоАП РФ существует положение о том, что мерой административной ответственности является административное наказание [2].

Вторая проблема — возраст привлечения к административной ответственности. Согласно части 1 статьи 2.3 КоАП РФ административной ответственности подлежит лицо, достигшее 16 лет [2]. Тем не менее как в теории административного права, так и на практике неоднократно высказывали мнение о необходимости изменения возраста административной ответственности. Одни авторы считают, что привлекать к административной ответственности можно лиц старше 16 лет [1], другие полагают, что порог можно понизить до 14-летнего возраста [4]. Также велась дискуссия в уголовной сфере. К примеру, С. Ф. Милуков пишет, что требует изучения вопрос о правомерности понижения возрастного порога за убийство до 12—13-летнего возраста [7].

Третья проблема — особенность административной ответственности несовершеннолетних. Дело в том, что этот вид ответственности является довольно специфичным в силу определенных особенностей порядка привлечения и видов наказаний. В действующем КоАП РФ закреплено 10 видов наказаний. К несовершеннолетним могут применяться все, за исключением ареста (ч. 2 статьи 3.9 КоАП РФ) [2]. При этом чаще всего в отношении несовершеннолетних применяют первые 2 вида наказания: предупреждение и штраф [4]. Остальные виды наказаний, в силу специфичности субъекта, к которому они применяются, в большинстве случаев не назначаются.

Четвертая проблема — цель наказания. В соответствии со статьей 3.1 КоАП РФ целью административного наказания является предупреждение совершения новых преступлений как самим правонарушителем, так и другими лицами [2]. Самые распространённые меры: предупреждение и штраф. Если предупреждение может назначаться всем несовершеннолетним лицам, оказывая тем самым превентивное воздействие, то со штрафом ситуация обстоит иначе. В соответствии с ч. 2 ст. 32.2 КоАП РФ при отсутствии самостоятельного заработка у несовершеннолетнего административный штраф взыскивается с его родителей или иных законных представителей [2]. Таким образом, за совершенное административное правонарушение, ответственность чаще всего несут родители несовершеннолетнего, а не он сам. Вследствие этого, попадает под сомнение достижение цели административного наказания.

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что в институте административной ответственности несовершеннолетних имеется ряд проблем, которые затрудняют его функционирование, поэтому он нуждается в усовершенствовании для того, чтобы повысить эффективность действующих норм и улучшить правоприменительную практику. В связи с этим, на мой взгляд, грамотным решением вышеперечисленных проблем стало бы издание единого нормативного акта, который бы резюмировал ответственность несовершеннолетних. Также было бы целесообразно в КоАП РФ выделить отдельный раздел «Административная ответственность несовершеннолетних», в котором закрепить отдельный перечень видов наказаний, которые можно применить к несовершеннолетнему, а также все особенности и порядок привлечения к административной ответственности.

Библиографический список

1. Бикситова Ж. А. Особенности административной ответственности несовершеннолетних в системе ювенального права России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 3. С. 38—42.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021). Доступ из СПС КонсультантПлюс.
3. Подгорская Л. Д., Тихонова В. А. Проблемы административной ответственности несовершеннолетних // Аллея науки. 2018. № 11 (27). С. 698—702.
4. Полякова Н. В., Антонова Л. Б. Проблемы административной ответственности несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 1. С. 166—171.
5. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: (<https://rosstat.gov.ru/folder/12781>).
6. Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. Актуальные проблемы административной ответственности несовершеннолетних // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 294—297.
7. Хорьков Н. В. Актуальные проблемы административной ответственности несовершеннолетних // Вестник российского государственного университета им. И. Канта. 2006. № 9. С. 31—35.

Сведения об авторе / Information about the author

Смирнов Виталий Павлович — студент 2 курса очной формы обучения юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, vitaliy-smirnov02@mail.ru

Smirnov Vitaly Pavlovich — 2nd year full-time student of the Faculty of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, vitaliy-smirnov02@mail.ru

УДК 347.626.2

Д. М. Смирнова, А. Д. Исаева

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОМ СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

В статье анализируется институт брака и брачного договора, приводится статистика заключенных и расторгнутых браков на территории субъекта Российской Федерации — Ивановской области, указывается на проблемы популяризации брачного договора. В центре внимания авторов находится предложение о решении проблемы распространения данного института и внесены предложения по совершенствованию семейного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: брак, брачный договор, семейное законодательство, правовое регулирование брачного договора, завещательное распоряжение, популяризация брачного договора, общее имущество, личное имущество супругов, законопроект.

D. M. Smirnova, A. D. Isaeva

LEGAL REGULATION OF THE MARRIAGE CONTRACT IN RUSSIAN FAMILY LAW

The article analyzes the institution of marriage and the marriage contract, provides statistics of concluded and dissolved marriages in the territory of the subject of the Russian Federation — the Ivanovo region, points out the problems of popularization of the marriage contract. The authors focus on the proposal to solve the problem of the spread of this institution and made proposals to improve the family legislation of the Russian Federation.

Key words: marriage, prenuptial agreement, family legislation, legal regulation of the prenuptial agreement, testamentary disposition, popularization of the prenuptial agreement, common property, personal property of spouses, draft law.

В настоящее время общество подвергается постоянным изменениям. В основном изменения затрагивают экономическую сферу, и как следствие отражаются на правовой жизни общества. Сегодня законодательная база Российской Федерации находится на этапе постоянной трансформации. Изменения касаются и семейных правоотношений. Семья выступает основным институтом социализации общества. С правовой позиции, институт семьи сложно подвергнуть изменениям. Трудности проявляются в объединении таких категорий, как моральное и правовое предписание, личный и общественный интерес. Материальный компонент семейной жизни выступает в качестве одного из объектов регулирования права, где базовая цель заключается в определении прав и обязанностей каждого из супругов в сфере имущественных отношений.

Стоит отметить, что институт брачного договора в нашей стране недостаточно распространен, как, например, в европейских странах. Несмотря на это,

---

© Смирнова Д. М., Исаева А. Д., 2022

• Серия «Естественные, общественные науки»

граждане РФ прибегают к подписанию брачного договора, преследуя цель распорядиться общим совместным имуществом, по собственному убеждению, а также в случае расторжения брака защитить свои имущественные интересы.

В силу правового нигилизма или иных причин у граждан присутствует низкая правовая осведомленность в отношении правил о брачном договоре.

Как показывают оперативные данные по естественному движению населения Российской Федерации (по дате регистрации в органах ЗАГС) количество заключенных браков в 2020 составило 770,8 тысяч, а количество разводов, в свою очередь, составило 564 тысячи, что составляет 73,17 % от общего количества заключенных браков в РФ [5].

Статистические данные о регистрации актов гражданского состояния, представленные Комитетом Ивановской области ЗАГС за 2020 год, фиксируют 4751 зарегистрированных записей актов о заключении брака, 3986 зарегистрированных записей актов о расторжении брака, что составляет 83,9 % от количества зарегистрированных браков [7].

Вышеуказанные проценты свидетельствуют о высоком на наш взгляд показателе поданных заявлений на развод и, соответственно лиц, расторгнувших брак, что позволяет сделать вывод о том, что цивилизованное и практичное решение брачно-семейных споров имеет востребованность среди жителей не только Ивановской области, но и остальных граждан Российской Федерации.

Кроме того, в Российской Федерации брачный договор и возможность его заключения возникла недавно. История существования института брачного договора берет свое начало с введения первой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) — 1 января 1995 года. В пункте 1 статьи 256 ГК РФ говорится: «Имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества» [2]. В Семейном кодексе Российской Федерации (далее — СК РФ) появилась и вступила в силу с 1 марта 1996 года глава о брачном договоре, где были конкретизированы и определены основные положения брачного договора [8]. Следовательно, брачный договор, как явление относительно новое, необходимо более детально исследовать.

Также актуальность анализа института брачного договора обусловлена размытостью и некой неопределенностью правового регулирования брачного договора в Российской Федерации, что приводит к трудностям в практическом аспекте истолкования тех или иных норм права. В теоретическом компоненте института брачного договора также можно выявить ряд проблемных вопросов. В частности, в современной юриспруденции высказываются спорные моменты касательно сущности и природы брачного договора, состава субъектов, предмета брачного договора. Решение перечисленных неоднозначных вопросов способствовало бы более детальному изучению с целью применения брачного договора в практической деятельности.

Предпосылкой для закрепления в современном семейном российском законодательстве такой правовой конструкции как брачный договор, по мнению Павлова Г. Н., явилась потребность определения правового режима совместно нажитого имущества супругами, а также имущественных взаимоотношений, которые возникли в период брака и потребность урегулирования указанных имущественных взаимоотношений в случае расторжения брака [6, с. 10].

На наш взгляд, наиболее весомой причиной нормативного закрепления института брачного договора можно считать попытку предупреждения имущественных споров после расторжения брака, а также необходимость экономии времени и материальных ресурсов при решении подобного рода конфликтов. Договор является наиболее приемлемой правовой конструкцией для закрепления взаимных обязательств между сторонами, он позволяет определить условия, которые существенно нарушают права одной из сторон для дальнейшего использования механизма признания такого договора недействительным. Законным режимом имущества супругов, согласно нормам законодательства, является режим их совместной собственности, но данный режим действует в том случае, если брачным договором не установлено иное.

При анализе брачного договора хотелось бы отдельно остановиться на понятии «брак», которое не содержится в российском семейном законодательстве. В связи с последними поправками в Конституцию Российской Федерации (далее — Конституция РФ) при рассмотрении данного вопроса можно применить аналогию права.

Обратившись к пункту ж. 1 статьи 72 Конституции РФ [3], мы увидим фразу «институт брака как союз мужчины и женщины». Полагаем, что можно оттолкнуться от нее, предполагая, что российский законодатель все же дает некое начало для понимания этого термина.

Рассмотрев указанную выше фразу из пункта ж.1 статьи 72 Конституции РФ [3], хотелось обратить внимание на слово «союз» с лексической точки зрения. Словарь С. И. Ожегова толкует слово союз в одном из следующих значений: «Объединение, соглашение для каких-нибудь совместных целей» [4]. Таким образом, говорится о соглашении, а значит это добровольное выражение воли двух лиц, вступающих в брак.

Далее говорится о мужчине и женщине — происходит указание и перечисление двух полов, что означает, что брак может заключаться между разнополыми лицами.

Соответственно, обращая внимание на вышесказанное, можно нормативно оформить понятие «брак».

На наш взгляд, понятие должно звучать так: «Брак — это добровольный союз мужчины и женщины, который зарегистрирован в установленном законом порядке, заключение которого не должно осуществляться в целях его фиктивности».

Содержание брачного договора закреплено в ст. 42 Семейного Кодекса Российской Федерации [8]. Указанная статья проводит четкую границу разделения положений брачного договора на те, которые супруги вправе включать в содержание заключаемых ими брачных договоров, и на положения, которые супруги не имеют право включать в брачный договор, что в противном случае влечет его недействительность.

В странах континентальной Европы предметом регулирования брачного договора, категорически запрещается супругам включать в содержание данного договора положения, которые касаются личных неимущественных прав и обязанностей. Российским семейным законодательством установлено, что брачный договор — это соглашение, которое определяет имущественные права и обязанности супругов в браке, а также в случае его расторжения.

Таким образом, брачный договор может содержать в себе положения, которые регулируют исключительно имущественные отношения, возникающие

или которые могут возникнуть между супругами в процессе совместной семейной жизни.

Правом супругов является определение в брачном договоре своих прав и обязанностей по взаимному содержанию, способов участия в доходах друг друга, порядка несения каждым из них семейных расходов, перечня имущества, которое будет передано каждому из супругов в случае расторжения брака. Супруги вправе также включить в брачный договор любые иные положения, касающиеся имущественных отношений супругов. Следует отметить, что условия брачного договора не должны ставить одного из лиц, намеревающихся вступить в брак, а также супругов в крайне неблагоприятное положение. Это может произойти, например, вследствие существенной неравности долей в общем имуществе либо лишения одного из супругов полностью права на имущество, нажитое во время брака. Достаточно часто брачный договор служит дополнительным документом, необходимым для анализа и проведения правовой экспертизы представленных на государственную регистрацию прав документов. Подобная ситуация может сложиться в том случае, если одним из супругов будет принято решение о продаже или ином способе распоряжения своей долей в недвижимом имуществе третьему лицу.

Хотелось бы также указать на недостатки ст. 42 СК РФ, касающиеся отсутствия нормы, которая регулировала бы включение в текст брачного договора часть завещательного элемента на имущество, нажитое в период брака.

Законодатель установил, что завещательное распоряжение может содержаться только в завещании.

Предполагаем, что к пункту 1 статьи 42 СК РФ можно добавить еще один абзац, который звучал бы так: «В брачном договоре супруги вправе определить завещательное распоряжение».

Для чего это необходимо? Для того, чтобы у супругов была возможность определить судьбу совместно нажитого имущества в случае их смерти. Брачный договор будет единообразным документом, который объединит в себе несколько функций.

У законодателя остались недочеты положений, регулирующих брачный договор, при всем при том, что он урегулирован достаточно подробно, детально. Проведя аналитическую работу над законодательством и работами ученых-юристов, мы обнаружили проблемы связанные с внедрением брачного договора в практику граждан Российской Федерации и как следствие, развитие данного института. На наш взгляд, данные проблемы можно решить, если сам законодатель признает наличие системных недостатков и необходимость в их устранении.

14 ноября 2019 года в Государственную Думу был внесен законопроект № 835938-7 [1], предполагающий изменения в Семейном Кодексе Российской Федерации и направленный на совершенствование регулирования имущественных отношений супругов. В 2020 году он был принят в первом чтении. В указанном законопроекте содержатся правила о процедуре разделе общего имущества, которые устанавливают, что брачным договором может быть определен порядок распределения общего имущества. Также предлагается убрать из семейного законодательства такое основание оспаривания договора как «постановка одного из супругов в крайне неблагоприятное положение».

Если законопроект вступит в силу, то для супругов, которые не готовы к презумпции общности имущества (включая долги), выходом из ситуации будет являться заключение брачного договора. Кроме того, вступление

законопроекта в силу потребует изменения уже заключенных и существующих брачных договоров.

Например, в брачных договорах часто встречается пункт о принадлежности супругам имущества, приобретенного в период брака, исключая имущество, которое прямо относится к личному. Соответственно, если какое-либо имущество супругов, приобретенное в браке, не будет определено в брачном договоре как личное (либо не будет являться личным по закону), если не внести изменения в договор — оно станет общим.

Достаточно часто в брачных договорах можно встретить формулировку, касающуюся недвижимого имущества: «имущество, подлежащее государственной регистрации, является собственностью того из супругов, на имя которого оно зарегистрировано». Это делается, чтобы признать недвижимость личной собственностью одного из супругов. В случае принятия законопроекта в ситуации регистрации права совместной собственности на основе сведений реестра ЗАГС, как следствие, недвижимость и по закону, и по брачному договору станет совместной собственностью супругов.

В заключение, на наш взгляд, в качестве решения проблемы популяризации брачного договора можно предложить:

1. Издание бюллетеней с подробной информацией о плюсах данного института.

2. Распространение сведений информационного характера в СМИ:

— на телевидении в виде создания передачи с участием квалифицированных специалистов (разъяснение для лиц, не владеющих навыками знания юриспруденции, сущности данного института, раскрытие некоторых нюансов, возможно представление какой-либо практики применения данного института);

— создание канала на YouTube, где квалифицированными специалистами в короткометражных роликах рассказывалось бы о сущности брачного договора, его особенностях, возможно введение рубрики «вопрос — ответ», где зрители задавали бы волнующие вопросы, возможно ведение блога в стиле интервьюирования, куда в качестве гостей приглашались бы опытные юристы, а также лица, имеющие вопросы, требующие консультации.

3. Проведение мероприятий юридическими бюро по бесплатному консультированию или информированию граждан.

4. Создание в сети Instagram аккаунтов и ведение их квалифицированными юристами.

5. Ознакомительные классные часы для учеников старших классов.

Библиографический список

1. Законопроект № 835938-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 14.12.2021).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://orfo.info/ozhegov.php> (дата обращения: 14.12.2021).

5. Оперативные данные по естественному движению населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/zROIth2Y/tab12-2020.xlsx> (дата обращения: 14.12.2021).
6. Павлов Г. Н. Актуальные вопросы брачного договора в Российской Федерации // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2013. № 1 (34).
7. Сведения о регистрации актов гражданского состояния в комитете Ивановской области ЗАГС за 2020 год. Комитет Ивановской области ЗАГС. Официальный сайт органа исполнительной власти Ивановской области. URL: <http://ivzags.ru/statistika-po-filialam-2019.php> (дата обращения: 14.12.2021).
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021). URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Сведения об авторах / Information about the authors

Смирнова Дарья Михайловна — студентка, юридический факультет, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, guznarodkina@gmail.com

Smirnova Daria Mikhailovna — Student, Faculty of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, guznarodkina@gmail.com

Исаева Анна Дмитриевна — доцент кафедры предпринимательского и процессуального права, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, isaeva_ad@mail.ru

Isaeva Anna Dmitrievna — Associate Professor of the Department of Business and Procedural Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, isaeva_ad@mail.ru

УДК 342.5

Т. Г. Туркия, В. Р. Литова

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ

В данной статье исследуются теоретические и прикладные проблемы, возникающие вследствие наделения Конституционного Суда Российской Федерации правом законодательной инициативы.

Анализируется большое количество мнений знаменитых конституционалистов по поводу частоты реализации Судом своего права, а также для обоснования своей позиции авторы исследуют различные подходы к понятию «вопросы ведения», а также компетенции высших судебных инстанций.

Ключевые слова: Конституционный суд, Конституция, законодательная инициатива, вопросы ведения, компетенция, реализация права.

T. G. Tirkia, V. R. Litova

CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF LEGISLATIVE NEWS

This article examines the theoretical and applied problems arising as a result of endowing the Constitutional Court of the Russian Federation with the right of legislative initiative.

A large number of opinions of famous constitutionalists on the frequency of the Court's exercise of its rights are analyzed, and to substantiate their position, the authors investigate various approaches to the concept of “issues of jurisdiction”, as well as the competence of higher courts.

Key words: Constitutional Court, Constitution, legislative initiative, issues of jurisdiction, competence, implementation of law.

Основной закон Российской Федерации, наделенный высшей юридической силой, в статье 104 закрепил перечень субъектов, наделенных конституционным правом на законодательную инициативу. К таким субъектам законодатель отнес: Президента Российской Федерации, Совет Федерации, сенаторов Российской Федерации, депутатов Государственной Думы, Правительство Российской Федерации, законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации. А также Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации по вопросам их ведения.

Анализируя перечень вышеприведенных субъектов, стоит отметить, что Конституция наделяет правом законодательной инициативы как главу государства, так и все три ветви государственной власти: законодательную, исполнительную, судебную. Представляется очевидным такое решение законодателя, поскольку органы государственной власти и должностные лица, отнесенные к данным трем ветвям власти, имеют самое непосредственное отношение к решению важнейших общегосударственных задач.

© Туркия Т. Г., Литова В. Р., 2022

• Серия «Естественные, общественные науки»

Одним из таких субъектов, наделенных правом законодательной инициативы является Конституционный Суд РФ — судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

Законодатель в ст. 104 Конституции установил таким образом, что субъективное право, которым наделены Конституционный и Верховный суды, является ограниченным. Данный факт подтверждается словами «по вопросам их ведения».

Словосочетание «вопросы ведения» в контексте права законодательной инициативы высших органов судебной власти рассматривается в юридической литературе в широком и узком смыслах.

В узком смысле под вопросами ведения судов понимаются правоотношения в сфере судостройства и организации судейского сообщества, вопросы, связанные со статусом судей и обеспечением деятельности судов, процессуальным режимом осуществления судопроизводства и проблемами исполнения судебных актов [1].

Согласно широкому подходу, суды могут быть инициаторами законопроекта по любому вопросу, который может быть предметом рассмотрения в данном судебном органе [1]. С. А. Авакьян отмечает, что «любой вопрос жизни страны в той или иной форме может стать вопросом ведения соответствующего суда» [2, с. 285].

В данном случае отчетливо просматривается опасность излишне широкой интерпретации понятия «вопросы ведения» высших судов, которые не должны в силу принципа разделения властей превращаться в законодателей; отсюда — сомнение о соответствии «вопросам ведения» высших судов законодательных инициатив, касающихся, например, статуса судей» [3].

Также представляется интересным вопрос, связанный с тем, по какой же причине Конституционный Суд не пользуется предоставленным ему правом законодательной инициативы?

Как отмечал А. В. Мазуров, Конституционный Суд РФ остался, возможно, единственным органом, имеющим право законодательной инициативы, но никогда его не осуществлявшим [4, с. 78]. Нам не представляется возможным согласиться с данной точкой зрения, поскольку стоит отметить тот факт, что особенностью подготовки проекта ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в отличие от первого Закона о Конституционном Суде 1991 г. стало то, что он разрабатывался не законодательным органом, а самим Конституционным Судом [5, с. 27]. Также стоит упомянуть и о том, что Конституционный суд разработал и внес в Государственную Думу положения о поправках к проекту ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и другими законами, в том числе полномочий Конституционного Суда РФ и его места в судебной системе.

Еще одна точка зрения по поводу данного вопроса была высказана М. Ф. Косолаповым, который объясняет данное явление тем, что принятый по инициативе Конституционного Суда РФ закон может быть оспорен в будущем по основанию его не конституционности именно в данном органе судебной власти [6, с. 77].

В доктрине конституционного права мнения ученых по поводу компетенции Конституционного Суда в сфере законодательных инициатив разделилось на две группы. Первая группа ученых придерживается мнения о том, что для Конституционного Суда РФ вопросы ограничения права

законодательной инициативы имеют особый смысл. Его активное использование привело бы к появлению целой категории «привилегированных» норм, изначально задуманных как средство наиболее полной и эффективной реализации положений Конституции РФ. Столь авторитетное происхождение этих новелл в случае оспаривания их конституционности поставило бы под сомнение объективность Суда, который был бы вынужден оценивать плоды собственной законотворческой деятельности.

По мнению ученых, отнесенных ко второй группе, представляется, что именно Конституционный Суд способен адекватно разработать отдельные законопроекты, потому что настолько часто он вынужден обращаться к анализу определенных законов, подзаконных актов, что как никто иной разбирается в необходимом содержании того или иного нормативного акта [7, с. 6—9].

По нашему мнению, представляется более логичным и разумным вторая позиция, поскольку только Конституционный Суд обладает всей полной информацией, связанной с требованиями к форме и содержанию закона, абсолютно соответствующего главному закону страны — Конституции.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что противоречия по данному вопросу связаны в том числе и с правовым статусом решений Конституционного Суда. Одни ученые предполагают, что решения Конституционного Суда в отечественной системе нормативных правовых актов «имеют во многих случаях силу закона», [8, с. 82] другие полагают, что решения Конституционного Суда РФ стоят выше актов парламента и Президента [9, с. 218]. Сам же Конституционный Суд неоднократно говорил о нормативности своих решений и тем самым легитимируя свое право на создание новых правовых норм [10, с. 27].

Тем самым, противоречивость мнений, делает возможным дальнейшее исследование в области целесообразности наделения Конституционного суда правом законодательной инициативы.

Библиографический список

1. *Авакьян С. А.* Федеральное Собрание-парламент России. М., 1999. С. 285.
2. *Баглай М. В., Габричидзе Б. Н.* Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 33; *Радченко В. И.* Публичная власть и обеспечение государственной целостности Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы) / под ред. Б. С. Эбзеева. Саратов, 2003. С. 218.
3. *Ганичева Е. С.* Пределы осуществления законодательной инициативы высшими органами судебной власти // Журнал российского права. 2014. № 11.
4. *Колесников Е. В., Селезнева Н. М.* Статус суда в Российской Федерации: конституционные вопросы. Саратов, 2008. С. 82.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. Д. Зорькина. М., 2011.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
7. *Косолапов М. Ф.* Судебная власть в конституционном строе России / под ред. Б. С. Эбзеева. Саратов, 2005. С. 77.
8. *Кучерявцев Д. А.* Роль судов в осуществлении права законодательной инициативы в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5.

9. Мазуров А. В. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный). М., 2009. С. 78.
10. Митюков М. А. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: правовые дискуссии при разработке и принятии (введение в тему) // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 12. С. 27.
11. Несмеянова С. Э. О возможном влиянии Конституционного Суда Российской Федерации на законодателя // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3. С. 6—9.

Сведения об авторах / Information about the authors

Тиркия Тина Георгиевна — студентка 3 курса очной формы обучения юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, tirkiya50@gmail.com

Tirkia Tina Georgievna — 3rd year full-time student of the Faculty of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, tirkiya50@gmail.com

Литова Валерия Ренатовна — студентка 3 курса очной формы обучения юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия.

Litova Valeria Renatovna — 3rd year full-time student of the Faculty of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

Д. А. Третьяков

КОНСТИТУЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье приводится обзор существующих в мире на сегодняшний день конституционных моделей глав государств, исследуется взаимосвязь формы правления в государстве со способом организации института главы государства на примере зарубежных стран и Российской Федерации. Кроме того, в статье отражены проблемы современной российской формы правления и специфичность института главы государства в нашей стране.

Ключевые слова: глава государства, форма правления, монархия, юридический имморализм, республика, выборный орган.

D. A. Tretyakov

CONSTITUTIONAL MODELS OF HEADS OF STATE IN THE MODERN WORLD

The article provides an overview of the constitutional models of heads of state existing in the world today, examines the relationship between the form of government in the state and the method of organizing the institution of the head of state using the example of foreign countries and the Russian Federation. In addition, the article reflects the problems of the modern Russian form of government and the specificity of the institution of the head of state in our country.

Key words: head of state, form of government, monarchy, legal immoralism, republic, elected body.

Во всех современных государствах имеется институт главы государства. Универсального конституционно-правового определения данного термина мы не найдем в юридической литературе. Так А. В. Малько под термином «глава государства» понимает конституционный орган и одновременно высшее должностное лицо, осуществляющее верховное представительство государства в международных отношениях и внутривнутриполитической жизни страны. Он является символом государственности, единства нации [2, с. 167]. Л. М. Энтин под термином «глава государства» понимает официальное лицо (орган), занимающее, как правило, формально высшее место в иерархии государственных институтов и осуществляющее верховное представительство страны во внутривнутриполитической жизни и на международной арене [6, с. 210].

Основанием или основным критерием для выделения разных моделей глав государств в мире является форма правления, под которой в юридической доктрине традиционно понимают способ организации верховной власти в государстве. Форма правления показывает, кто правит в государстве. Традиционно различают две формы правления: монархическую и республиканскую.

В свою очередь монархии бывают трех видов: абсолютные, дуалистические и парламентские (конституционные). Республики также подразделяются на три вида: президентские, парламентские, смешанные [3, с. 89]. Каждый из видов двух форм правления имеет свои отличительные признаки, а значит, свои специфические черты организации верховной власти (института главы государства). Так, например, для стран с монархической формой правления характерно наличие наследственного монарха. В зависимости от того, к какому виду монархии принадлежит государство, зависит объем полномочий монарха. Абсолютные монархи обладают всей полнотой государственной власти. Примером таких стран может служить Саудовская Аравия, Оман. В странах ограниченной монархии (дуалистической и конституционной) власть монарха ограничена соответственно законодательным органом власти (парламентом) и основным законом страны (конституцией). В дуалистической монархии монарх обладает верховенством, как правило, в исполнительной власти, осуществляет ее непосредственно либо возглавляя правительство страны.

Парламент в дуалистических монархиях, осуществляя законодательную власть, ограничивает власть монарха. Примером таких стран могут служить Иордания, Марокко. Что касается парламентских (конституционных) монархий, то власть монарха в таких государствах носит, как правило, номинальный (церемониально-протокольный) характер. Власть монарха в таких странах ограничена конституциями и иными законодательными актами, а сам институт монарха как главы государства сохраняется главным образом благодаря историческим традициям и выполняет интегративную и стабилизирующую роль в государстве. Примером стран с такой организацией института главы государства могут служить Соединенное Королевство, Королевство Дания, Королевство Нидерланды [3, с. 89—90]. Общим для всех видов монархии является признак юридического имморализма монарха и династической передачи власти [4, с. 33—34]. Весьма редко встречаются монархи, замещающие свой пост на основе выборов (например, в Малайзии и ОАЭ).

В республиканских странах верховная власть осуществляется выборными органами. Выборным в том числе, как правило, является и глава государства. Если в парламентских республиках глава государства номинален и не обладает реальными властными полномочиями, а служит лишь символом государственности, то в смешанных и президентских республиках глава государства (президент) имеет существенный вес в системе государственной власти.

Специфично выглядит институт главы государства в России. Причиной этому служит неопределённость формы правления (а именно вида республики) в Конституции РФ. По мнению В. А. Четвернина форма правления современного российского государства похожа на смешанную республику. Но в полной мере назвать нашу страну таковой автору не позволяют следующие аргументы:

1) у российского Президента существенно больше полномочий, чем, например, у французского. Президент РФ имеет «решающие полномочия в сфере исполнительной власти, в сравнение с которыми фигура премьер-министра оказывается слабой и зависимой». Глава государства формирует Правительство (без учета поправок в Конституцию РФ в 2020 г. — *Д. Т.*) и самостоятельно принимает решение о его отставке, непосредственно руководит силовыми министрами, является верховным главнокомандующим.

2) Президент России обладает «конституционными полномочиями, выводящими его власть за границы исполнительной власти, нарушающие баланс законодательной и исполнительной ветвей власти. Полномочия Президента

в области законодательной власти включают в себя право законодательной инициативы, право издавать указы по любым вопросам, не урегулированным законом, т. е. неподзаконные указы; право отлагательного вето в отношении федеральных законов. В совокупности эти полномочия создают конкурирующую нормотворческую компетенцию Парламента и Президента» [5, с. 606].

Анализируя конституционно-правовые отношения между высшими органами государственной власти в РФ, порядок их образования, Д. А. Авдеев склоняется к тому, что отечественная форма правления больше отвечает признакам президентской республики. Но право Президента распускать Государственную Думу, право законодательной инициативы Президента, наличие поста Председателя Правительства РФ, возглавляющего Правительство РФ, — все эти признаки не позволяют говорить о существовании в России принципа сдержек и противовесов, а значит, не позволяют говорить о том, что Россия является президентской республикой в классическом понимании. Исследуя организацию высших органов государственной власти, Д. А. Авдеев выделяет следующие особенности отечественной формы правления:

- 1) неопределённость места Президента РФ в системе высших органов государственной власти;
- 2) Парламент страны фактически не влияет на формирование Правительства РФ (без учета поправок в Конституцию РФ в 2020 г. — Д. Т.);
- 3) Председатель Правительства будучи лидером партии большинства в Парламенте не является ее членом, не связан с ней партийной дисциплиной;
- 4) наличие дуализма с исполнительной властью;
- 5) отсутствие процедуры контрасигнаций актов Президента (указов и распоряжений) Председателем Правительства, который брал бы на себя юридическое обязательство по его исполнению.

Д. А. Авдеев относит Россию к «гибридной» форме правления. Причину гибридности автор видит в желании составителей текста Конституции 1993 г. взять все лучшее от разных форм правления. Республиканскую форму правления страны автор называет «переходной» [1, с. 19—21].

Таким образом, форма правления того или иного государства опосредует конституционные модели глав государств мира, напрямую влияет на конституционно-правовой статус (объем полномочий) главы государства.

Библиографический список

1. Авдеев Д. А. Особенности российской модели формы правления // Государство и право. 2010. № 12. С. 14—21.
2. Малько А. В. Конституционное право зарубежных стран. М.: Норма, 2004. 320 с.
3. Морозова Л. А. Теория государства: учебник. М., 2017. 464 с.
4. Цуканов С. С. Современные нетипичные формы правления государством // Теория и практика общественного развития. 2016. № 5. С. 33—35.
5. Четвернин В. А. Форма государства // Проблемы общей теории права и государства: учебник для юрид. вузов / под общ. ред. чл.-корр. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянца. М., 1999. С. 606.
6. Энтин Л. М. Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов / под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М. В. Баглая, д-ра юрид. наук, проф. Ю. И. Лейбо и д-ра юрид. наук, проф. Л. М. Энтина. М.: Норма, 2004. 832 с.

Сведения об авторе / Information about the author

Третьяков Денис Александрович — студент 1 курса магистратуры «Социальное государство: проблемы теории и юридической практики», заочной формы обучения, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, denchic_37@mail.ru

Tretyakov Denis Alexandrovich — 1st year student of the Master's degree program “Social State: Problems of theory and legal practice”, correspondence form of study, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, denchic_37@mail.ru

В. Е. Тупыгина

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЖИЛЬЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются некоторые проблемные вопросы обеспечения военнослужащих в Российской Федерации жильем, рассмотрена действующая правовая база и законопроект об изменении нынешней системы обеспечения военнослужащих жильем, отмечены главные проблемы накопительно-ипотечной системы и возможные способы их устранения.

Ключевые слова: социальное обеспечение военнослужащих, обеспечение военнослужащих жильем, право на жилище.

V. E. Tupygina

PROBLEMAL ISSUES OF PROVIDING MILITARY SERVICES WITH HOUSING IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes some problematic issues of providing servicemen in the Russian Federation with housing, examines the current legal framework and a draft law on changing the current system of providing servicemen with housing, notes the main problems of the savings and mortgage system and possible ways to eliminate them.

Key words: social security of servicemen, provision of servicemen with housing, right to housing.

Решение «жилищного вопроса» всегда было приоритетным направлением государственной политики нашего государства, поскольку приобретение собственного жилья для многих является проблемным и затратным вопросом. Многие государства обеспечивают военнослужащих жильем. Как справедливо отмечает А. В. Кудашкин, жилищное обеспечение военнослужащих имеет целевым назначением как удовлетворение жилищных потребностей лиц, нуждающихся в жилых помещениях, т. е. реализацию каждым военнослужащим субъективного права на жилище (функция социальной защиты), так и стимулирование военнослужащего к долгосрочному исполнению обязанностей военной службы (стимулирующая функция) [1, с. 85—86].

Центральное место в правовом регулировании данного вопроса занимает Федеральный закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ (далее — ФЗ № 117) [2]. В настоящее время право на жилище военнослужащие могут реализовать в трех формах: путем накопления для жилищного обеспечения на именных накопительных счетах участников и последующего использования этих накоплений для приобретения жилья; целевой жилищный займ и дополнительные выплаты. Помимо специализированного федерального закона,

правоотношения, возникающие в процессе реализации целевого жилищного займа, регулируются общими нормами Гражданского кодекса Российской Федерации о займе (глава 42). Но в отличие от классического договора займа, по общему правилу целевой жилищный займ является безвозмездным и выступает неким средством социальной поддержки граждан, проходящих военную службу, что должно обеспечивать обороноспособность и безопасность государства [3].

Выделение и использование военнотружущим денежных средств и (или) заключение договора целевого жилищного займа является исполнением государством своих обязательств по жилищному обеспечению военнотружущего, т. е. военнотружущий с этого момента считается обеспеченным жильем [4].

Участвовать в накопительно-ипотечной системе могут граждане РФ, проходящие военную службу по контракту. Важным условием при этом является их включение в специализированный реестр участников накопительно-ипотечной системы. После включения в реестр участников, в течение трех лет на счет участника поступают денежные средства, которые можно реализовать на приобретение жилья, только после трех лет возникает право на заключение целевого жилищного займа. В большинстве случаев момент участия в НИС и момент начала прохождения военной службы не совпадают. То есть участниками НИС являются граждане, проходящие военную службу в течение нескольких лет.

Самым критикуемым в литературе является институт целевого жилищного займа. Не случайно Министерство обороны РФ в декабре 2018 года подготовило законопроект, целью которого было изменить настоящий порядок предоставления целевого жилищного займа: увеличить продолжительность срока службы, по достижению которого будут предоставляться средства по договору целевого жилищного займа. На данный момент военнотружущий имеет право на заключение целевого жилищного займа через три года с момента начала участия в накопительно-ипотечной системе. Предлагается увеличить этот срок до 10 лет. Это связано в первую очередь с ростом количества должников (военнотружущих, уволенных со службы без права на использование накоплений для жилищного обеспечения). Кроме того, названные лица своевременно не осуществляют погашение кредита, что влечет за собой значительные долги. Задолженность указанных бывших военнотружущих по возврату средств в федеральный бюджет достигла 4,8 млрд руб., в том числе просроченная — 2,0 млрд руб. Помимо этого, следует отметить, что жилые помещения, приобретенные бывшими военнотружущими по договору целевого жилищного займа и с помощью средств ипотечного кредита, находятся в залоге как у кредитной организации, так и у Российской Федерации. В случае обращения взыскания на залоговое имущество требования Российской Федерации удовлетворяются после удовлетворения требований кредитора. В связи с этим возврат задолженности таких должников в бюджет в полном объеме своевременно не обеспечивается.

Е. А. Свиных положительно оценивает законопроект, указывая на то, что у молодых военнотружущих будет время обдумать все обстоятельства, прежде чем взять на себя серьезные обязательства [5]. Однако на наш взгляд, идея не самая удачная, поскольку привлекательность военной службы будет значительно ниже. Такая норма призвана «задержать» военнотружущих в армии, что выгодно Министерству обороны РФ, но не для граждан, проходящих военную службу.

Безусловно, полное устранение случаев задолженности возможно лишь путем исключения института целевого жилищного займа. Однако это повлечет кардинальное изменение накопительно-ипотечной системы, который по итогу станет просто «накопительной». Данный вариант в настоящее время невозможен, поскольку право на жилье военнослужащими будет реализовываться лишь путем накоплений на именных накопительных счетах. В большинстве случаев право на жилищное обеспечение смогли бы реализовать только военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых, в том числе в льготном исчислении, составляет 20 лет и более. В результате увеличился бы риск обесценивания денежных средств, учтенных на их именных накопительных счетах.

Поскольку военнослужащие имеют особый статус, государство выделяет им дополнительные гарантии и льготы, так как их служба связана с определенными трудностями и лишениями. Однако нынешняя накопительно-ипотечная система не идеальна и имеет множество проблем и недоработок. Помимо этого, механизм реализации основополагающего права на жилье представляется сложным и непонятным обывателю.

Библиографический список

1. *Кудашкин А. В.* Жилищное право: учеб. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 431 с.
2. О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих: Федеральный закон от 20.08.2004 г. № 117-ФЗ (с изм. и доп. от 02.07.2021 г. № 343-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 3532; 2021. № 2. Ст. 2124.
3. *Багдасарян И. А.* Постатейный комментарий Федерального закона от 20 августа 2004 года № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» // Центр правовых коммуникаций. 2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2017 г. № 206-КГ17-4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. *Свининых Е. А.* О моменте возникновения у участника накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих права на получение целевого жилищного займа // Право в Вооруженных силах. 2019. № 7. С. 44—48.

Сведения об авторе / Information about the author

Тупыгина Виктория Евгеньевна — студентка 1 курса магистратуры «Социальное государство: проблемы теории и юридической практики», заочной формы обучения, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, tupyghina_elena@mail.ru

Tupygina Victoria Evgenievna — 1st year student of the Master's degree program "Social State: Problems of Theory and Legal practice", correspondence form of study, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, tupyghina_elena@mail.ru

РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕОРИИ ПРАВОТВОРЧЕСТВА, ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ (К 90-летию со дня рождения профессора Альберта Сергеевича Пиголкина)

УДК 340

Е. Л. Поцелуев

А. С. ПИГОЛКИН — АВТОР УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, ИНТЕРПРЕТАТОР КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ШТРИХИ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ

В статье изложена биография профессора Пиголкина и раскрыты его взгляды на толкование норм права, некоторые статьи Конституции Российской Федерации. Используются следующие методы исследования: диалектический, сравнительный, биографический (портретный), формально-юридический и др. Пиголкин внес определенный вклад в создание Конституции Российской Федерации и разъяснение ее отдельных положений; им были написаны научные труды о правотворчестве, толкование норм права и их реализации, которые не забыты современными преподавателями и исследователями; его работы известны и украинским коллегам, которые также рекомендовали их в качестве литературы студентам; наличие защищенной диссертации о теоретико-правовых концепциях Пиголкина, проведение научных конференций, посвященных его идейно-теоретическому наследию можно расценить как признание его научных заслуг.

Ключевые слова: научная биография А. С. Пиголкина, советская теория государства и права, современная российская теоретико-правовая литература, украинская учебная литература по теории государства и права в начале XXI века, правотворчество, толкование норм права, правореализация.

E. L. Potseluev

A. S. PIGOLKIN AS WRITER OF TEXTBOOKS ON THEORY OF STATE AND LAW, AS AN EXPOSITOR OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: TRAITS OF SCHOLARLY BIOGRAPHY

Albert Pigolkin's biography is presented, his Soviet-era views on interpreting of legal norms are shown. The scholar is depicted as an expositor of the Constitution of the Russian Federation. Dialectical, comparative, biographical and legal approaches are used. Pigolkin made some contribution into the creation of the Constitution of the Russian Federation and its interpretation. The works that he wrote on law-making, on interpretation of legal norms and their realization are not forgotten by present-day academicians and researches. Scholarly conferences devoted

---

© Поцелуев Е. Л., 2022

2022. Вып. 1 •

to Pigolkin's theoretical heritage as well as Shubenkova's PhD may all be perceived as the recognition of his merits.

Key words: A. S. Pigolkin's biography, Soviet theory of state and law, present-day Russian literature on state and law, Ukrainian textbooks on theory of state and law in the 21st century, law-making, interpretation of legal norms, realization of legal rights.

Введение

А. С. Пиголкин (1931—2004) — доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, заслуженный деятель науки РФ, известный специалист по теории государства и права, «выдающийся ученый и сверхталантливый человек» [63, с. 89], автор и редактор многочисленных монографических, научно-прикладных работ по этой дисциплине и учебников по теории государства и права, один из создателей Конституции Российской Федерации [27, с. 128; 70, с. 38], эксперт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [71, с. 240], был награжден орденом «Знак Почета» [63, с. 99].

Актуальность темы исследования. Если верен тезис Б. В. Сорокина 2010 г., что развитие современной отечественной юридической науки основано на фундаменте, заложенном еще в советское время [49], то обращение к научному наследию А. С. Пиголкина, в том числе к его учебным и научным работам 60—80-х годов XX в., выглядит оправданным. Однако думаю, что фундамент различных юридических наук: теории государства и теории права, философии права, уголовного права и многих других был заложен еще в до-революционный период. Изучение научно-теоретического наследия А. С. Пиголкина является актуальным, поскольку поиск эффективных путей развития законодательства нашей страны представляется невозможным в отрыве от тщательного анализа исторической судьбы научных концепций по теории государства и права [70, с. 38], его выводы стали ориентиром для многих монографических и диссертационных исследований [63, с. 89]. В. Ю. Туранин правильно констатирует, что круг научных интересов А. С. Пиголкина был широк: проблемы правотворчества и систематизации законодательства, источников права, законодательной техники, применения и толкования норм права, правовых систем современности. Согласен с В. Ю. Тураниным, что А. С. Пиголкин — это один из основоположников разработки такого научного направления отечественной юриспруденции, как язык закона [63, с. 89].

Безусловно, об актуальности проблематики научного наследия А. С. Пиголкина свидетельствует и проведение научных конференций в его честь. Нам известно про две таких конференции и обе они были приурочены к 90-летию со дня рождения ученого. Одна из них состоялась 25—26 февраля 2021 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее — ИЗиСП) в формате международной научной конференции прошло Общероссийское годовое собрание теоретиков права «Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики» (к 90-летию со дня рождения А. С. Пиголкина), т. е. в таком научном учреждении, в котором ученый проработал не один десяток лет. На пленарном заседании с докладами выступили доктора юридических наук, профессора В. М. Сырых (Российский государственный университет правосудия —

РГУП) «А. С. Пиголкин — ученый, руководитель научных проблем правотворчества, человек», В. Ю. Турагин (Белгородский государственный национальный исследовательский университет) «Научное наследие профессора А. С. Пиголкина и современное российское правотворчество», С. А. Боголюбов (ИЗиСП) «Концепция стадийности правотворчества в трудах А. С. Пиголкина», С. В. Кодан (Уральская государственная юридическая академия – УрГЮА) «Акты систематизации законодательства как носитель юридической информации (в контексте творческого наследия А. С. Пиголкина) [25, с. 4—5]. Среди секционных докладов, с учетом интересующей нас проблемы, следует выделить доклады доктора юридических наук, профессора Ю. Г. Арзамасова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») «Роль профессора А. С. Пиголкина в становлении нормографии как учебной дисциплины» [25, с. 7], аспиранта ИЗиСП Д. В. Харченко «Теория правореализации в учениях А. С. Пиголкина» [25, с. 23] и студентки юридического факультета Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова Е. О. Богдановой «Эффективное правотворчество — качественный закон (по поводу изучения трудов А. С. Пиголкина) [25, с. 11]. Таким образом, во-первых, сохраняется интерес к личности и правовым взглядам А. С. Пиголкина, причем как у маститых, так и начинающих ученых. Последнее обстоятельство позволяет надеяться, что и в будущем интерес к трудам А. С. Пиголкина сохранится, не угаснет. Во-вторых, судя по названиям докладов, все-таки абсолютное большинство из них не было посвящено анализу работ А. С. Пиголкина и его идей.

1—2 октября 2021 г. по инициативе автора данной статьи состоялась Международная онлайн конференция «Российские и зарубежные теории правотворчества, интерпретации и правоприменения: к 90-летию со дня рождения профессора А. С. Пиголкина», на которой выступили как российские ученые-юристы из Волгограда (Ю. Ю. Ветютнев), Воронежа (Н. В. Малиновская), Москвы (М. А. Беляев, А. М. Михайлов, В. М. Сырых) Иванова (О. В. Кузьмина, С. А. Орлова, Е. А. Петрова, Е. Л. Поцелуев), Казани (А. В. Скоробогатов), Санкт-Петербурга (Г. Г. Бернацкий, А. Л. Бредихин, А. А. Краевский, А. В. Ильин, Е. В. Тимошина), так и зарубежные — Б. Бауринг (Лондон) и Н. Ф. Ковкель (Минск) [46, с. 6—10], но лишь выступление В. М. Сырых было полностью посвящено А. С. Пиголкину и оно называлось «А. С. Пиголкин как ученый и личность» [50, с. 6]. А. С. Пиголкина можно в определенной мере считать нашим земляком, что и послужило дополнительным аргументом для проведения вышеуказанной конференции.

Если брать юридический факультет ИвГУ, то мемориальные конференции на нем проводились по инициативе автора данной статьи по следующим персонам: в 2010 г. — к 100-летию со дня смерти С. А. Муромцева (проведение конференции и издание ее материалов осуществлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 10-03-14114 г) [62], в 2012 г. — к 100-летию со дня смерти Г. Ф. Шершеневича (проведение конференции и издание ее материалов осуществлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-03-14078) [72], в 2013 г. — к 40-летию со дня смерти Ганса (Ханса) Кельзена [22], в 2018 г. — посвящена Е. Б. Пашуканису, в 2020 г. — Рудольфу Иерингу [39]. Так что применительно к нашему факультету А. С. Пиголкина по этому критерию встал в один ряд с известными российскими, советскими и зарубежными учеными-юристами.

После смерти докторов юридических наук, профессоров В. К. Бабаева, Л. И. Спиридонова и В. С. Нерсесянца ежегодно соответственно в Нижегородской академии МВД России, Институте (теперь — Академии) Генеральной прокуратуры в Санкт-Петербурге и Институте государства и права РАН (иногда в московских вузах) проводятся чтения в их честь, что, конечно, является более весомым вкладом в изучение их научного наследия. Автор данной статьи участвовал в ряде философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца, выступал с докладами на заседаниях секций, публиковался, поэтому укажу ряд изданий материалов именно этого научного мероприятия [1; 20; 48; 64].

По мнению В. Ю. Туранина, учебники, монографии, научные статьи А. С. Пиголкина «лежат в основе современного юридического образования, на его работах учатся и студенты, и преподаватели» [63, с. 89]. При всем уважении к учебным и научным публикациям А. С. Пиголкина и к памяти о нем, подобное утверждение представляется нам явным преувеличением, так как в МГУ им. М. В. Ломоносова теорию государства и права изучали в постсоветский период, наверное, прежде всего (в первую очередь, главным образом) по учебникам М. Н. Марченко [15], его и Е. М. Дерябиной [16] или под редакцией М. Н. Марченко; МГЮА им. О. Е. Кутафина — А. Б. Венгерова [5], В. В. Лазарева и С. В. Липеня [12], Л. А. Морозовой [19], Т. Н. Радько и его коллег [43] или под редакцией В. В. Лазарева [24] или под редакцией О. В. Мартышина; РГУП — В. М. Сырых [51]; СПбГУ — А. В. Полякова [37], его и Е. В. Тимошиной [38]; УРГЮА — С. С. Алексева, В. Д. Перевалова, А. Ф. Черданцева [67], под редакцией В. М. Корельского и В. Д. Перевалова [60]; в саратовских вузах — по учебникам и учебным пособиям В. Л. Кулапова [11], Н. И. Матузова и А. В. Малько [17], А. В. Малько [13, 14] или под редакцией Н. И. Матузова и А. В. Малько [53] и т. д. и т. п. В вузах системы МВД России также преимущественно использовалась учебная литература их преподавателей или вышедшая под их редакцией: в Санкт-Петербургском университете МВД России — книги Р. А. Ромашова [44; 45] и его сослуживцев под редакцией Р. А. Ромашова [56; 58]; в Нижегородской академии МВД — В. К. Бабаева, В. М. Баранова, В. А. Толстика или под редакцией В. К. Бабаева [54; 59] и др. Конечно, перечень авторов и их курсов лекций, учебников, учебных пособий по теории государства и права далеко неполный, но, по нашему мнению, он дает примерную, пусть и фрагментарную картину персон, научных школ, вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода и Саратова и соответственно представление, что изучали студенты и курсанты юридических вузов и факультетов на первом курсе по теории государства и права. Совершенно очевидно, что не было, нет и пока не предвидится единственного (одного) учебника по вышеуказанной дисциплине, который бы явно доминировал над всеми остальными, что нормально в условиях академической свободы, наличия различных типов правопонимания и различных научных школ. Поэтому и учебник А. С. Пиголкина не был и не мог быть основой юридического образования во всех юридических учебных заведениях. Хотя он был и остается известен научной общественности и в определенной мере используется в учебном процессе.

В XXI веке учебник «Общая теория права» под редакцией А. С. Пиголкина рекомендуют изучать своим курсантам (причем он указан в списке основной литературы, но наряду еще с 12 изданиями) теоретики государства и права Нижегородской академии МВД России [42, с. 52].

Преподаватели теории государства и права юридического факультета Ивановского государственного университета в 2005 г. также рекомендовали своим студентам-первокурсникам при изучении тем «Правотворчество и толкование права» обратиться к книге «Закон: создание и толкование» под редакцией А. С. Пиголкина [55, с. 17] и монографии А. С. Пиголкина «Толкование нормативных актов», изданной в Москве в 1962 г. [55, с. 26]. В 2018 г. кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», партнер Адвокатского бюро «Аспектум» М. В. Антонов указывает 26 наименований новых изданий по теории государства и права и смежным специальностям и среди них учебник для академического бакалавриата А. С. Пиголкина, А. Н. Головастиковой и Ю. А. Дмитриева под редакцией А. С. Пиголкина (4-е изд., перераб. и доп.), вышедший в Москве в 2017 г. [2, с. 497]. В докторской диссертации И. В. Колесник «Теоретическая модель правоприменительной технологии» указано, что в советское время «проблемы юридической техники и юридических технологий были затронуты» и далее идет перечень фамилий, в том числе назван и А. С. Пиголкин [7, с. 5].

Таким образом, учебные и научные труды А. С. Пиголкина в определенной мере востребованы преподавателями ряда российских вузов, которые рекомендуют изучать их своим курсантам и студентам. По нашему мнению, это явное свидетельство актуальности и важности произведений ученого.

В. Ю. Турагин утверждает, что творческое наследие А. С. Пиголкина «является бесценным источником юридической мысли не только российского, но и мирового масштаба» [63, с. 99]. Определенные основания для подобного заявления есть, поскольку, как отмечает в своей диссертации К. В. Шубенкова, некоторые статьи А. С. Пиголкина переведены на иностранные языки [71, с. 5], и указывает в списке литературы три статьи. Полагаю, что заявление о мировом масштабе значения трудов А. С. Пиголкина выглядит пока явным преувеличением. Чтобы стать явлением международного масштаба нужно придумать новую теорию права как Л. И. Петражицкий (психологическая теория права), Л. Дюги (теория солидаризма), Г. (Х.) Кельзен (нормативная теория права, чистое учение о праве), Г. Харт (аналитическая юриспруденция) и т. п. или, чтобы претендовать на это необходимо быть автором как В. С. Нерсесянц либертарной теория права, А. В. Поляков — оригинальной версии коммуникативной теории права, И. Л. Честнов — диалоговой теории права (понимание права как диалога), Р. А. Ромашов — теории реалистического позитивизма и А. В. Стомба — темпоральной теории права. Степень известности и признания у вышеназванных ученых, конечно, различная: первые четыре персоны — всемирно известные, знаменитые, например, Кельзена ряд западных ученых называет юристом № 1 двадцатого столетия.

Востребованы ли труды А. С. Пиголкина в учебной литературе по теории государства и права в начале XXI века, изданной на украинском языке в различных украинских издательствах?

В ряде учебников и учебных пособиях, изданных в Киеве, Одессе и других украинских городах до Евромайдана (до 2014 г.), мы не найдем в списке литературы работы А. С. Пиголкина. Так, например, в одном из таких учебников авторы назвали работы С. С. Алексеева, А. Б. Венгерова, Д. А. Керимова, В. В. Лазарева и С. В. Липеня, учебники под редакцией Н. И. Матузова и А. В. Малько (все опубликованы в Москве, на русском

языке), но не упомянули ни учебники под редакцией А. С. Пиголкина, ни его персональные труды [73, с. 213—215]. В 2007 г. преподаватели Одесской национальной юридической академии (ОНЮА) в методических материалах по теории государства и права для студентов первого курса в списке основной литературы также не назвали учебники А. С. Пиголкина (хотя указали учебные издания А. Б. Венгерова, В. В. Лазарева, Р. З. Лившица, Г. Н. Манова, А. В. Полякова, А. В. Полякова и Е. В. Тимошиной, Л. И. Спиридонова, В. Н. Хропанюка, В. А. Четвернина и еще целый ряд коллективных изданий под редакцией В. К. Бабаева, В. В. Лазарева, М. Н. Марченко, Н. И. Матузова и А. В. Малько) [78, с. 92—93]. Нет работ А. С. Пиголкина и к теме 15 «Тлумачения права» (Толкование права) [78, с. 105—106]. Тлумачити — толковать, истолковывать [77, с. 578]. 19 из 31 наименования рекомендованной доктором юридических наук, профессором Л. А. Луць (г. Львов) литературы по курсу общей теории государства и права — это учебники, учебные пособия, курсы лекций, учебно-методическое пособие и хрестоматия преподавателей различных вузов Российской Федерации: М. И. Абдулаева, С. С. Алексеева, В. К. Бабаева, В. М. Баранова и В. А. Толстика, А. Б. Венгерова, А. Н. Головастиковой и Ю. А. Дмитриева, В. В. Лазарева и С. В. Липеня, Р. Т. Мухаева, В. В. Оксамытного, А. В. Полякова, В. М. Сырых и др., но не А. С. Пиголкина [76, с. 5—6]. Нет фамилии А. С. Пиголкина и в списке специальной литературы, хотя опять же книги советских и российских ученых на русском языке в нем названы: С. С. Алексеева, А. И. Васильева, В. П. Казимирчука, Д. А. Керимова, В. А. Козлова, В. В. Лапаевой, О. Э. Лейста, В. П. Малахова, В. С. Нерсисянца, В. М. Сырых, Ю. А. Тихомирова, И. Л. Честнова, В. А. Четвернина, В. Е. Чиркина и др. [76, с. 7—8].

Но был и другой подход украинских коллег: публикации А. С. Пиголкина есть в списке литературы ко всему курсу или к отдельной теме. Так, преподаватели Донецкого юридического института при Донецком национальном университете в аналогичном учебнике в 2005 г. среди 48 наименований рекомендованной литературы называют 37 публикаций российских ученых, в том числе под номером 23 фигурирует: Пиголкин А. С. «Общая теория права». М., 1996 [80, с. 302—304, 303]. В этом же году вышел в свет учебник С. Л. Лисенкова по общей теории государства и права и в списке дополнительной литературы среди 35 работ дореволюционных, советских и современных российских (С. С. Алексеев, Т. В. Кашанина, О. Э. Лейст, П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, А. В. Поляков, Е. Н. Трубецкой, Ю. А. Тихомиров, В. Н. Хропанюк и др.) и зарубежных ученых (Гуго Гроций, Георг Еллинек, Ганс Кельзен, Шарль Луи Монтескье, Жан-Жак Руссо, А. Х. Саидов и др.) названа и монография «Закон: создание и толкование» под редакцией А. С. Пиголкина [75, с. 336]. В учебном пособии под редакцией профессора Р. А. Ромашова и старшего научного сотрудника Н. М. Пархоменко, рекомендованном к изданию Институтом государства и прав им. В. М. Корецкого Национальной академии наук (НАН) Украины в 2005 г., список рекомендованной литературы насчитывает 71 наименование, в том числе «Общую теорию права» под редакцией А. С. Пиголкина (М., 1994) [79, с. 213]. В 2010 г. (этот год указан на первой странице и в копирайте на второй странице, а в описании — 2009 г.) в Киеве вышел учебник под редакцией доктора юридических наук А. С. Васильева, в котором есть список рекомендованной литературы ко всем темам (примечательно, что

из 14 наименований — одна книга — учебник ленинградских ученых и восемь — современных российских теоретиков государства и права из Екатеринбурга, Москвы и Саратова), но учебников А. С. Пиголкина в нем нет, но к разделу 10 «Правотворения і правотворчість» названы три работы А. С. Пиголкина: монография «Подготовка проектов нормативных актов» (М., 1968) и две научные статьи — «Совершенствование советского законодательства на современном этапе» (журнал «Советское государство и право. 1988. № 1) и «Демократические основы создания нормативных актов» (соавтор — Т. Н. Рахманина; в том же журнале. 1989. № 11) [74, с. 435].

Таким образом, учебные и научные труды А. С. Пиголкина известны ряду украинских теоретиков государства и права, которые рекомендовали читателям их учебной литературы обращаться к его произведениям, посвященным как в целом теории государства и права, так и ее отдельным темам — правообразованию, правотворчеству (в том числе и законотворчеству) и толкованию юридических норм. Можно сделать вывод, что они ценят труды и мысли А. С. Пиголкина.

К сожалению, в моей библиотеке есть только одно учебное пособие по теории государства и права белорусских коллег (все авторы — профессора А. Ф. Вишневецкий, Н. А. Горбатов и В. А. Кучинский), изданное в Минске в 2004 г. В нем нет списка рекомендуемой литературы, но уже на страницах 9, 11, 13, 17 (1-я глава «Общая теория государства и права как наука и дисциплина») идут конкретные сноски на учебник под редакцией А. С. Пиголкина (М., 1995) [23, с. 9, 11, 13, 17]. Ссылки на эту книгу есть и при изложении других тем, когда речь идет о форме государственного правления, правда, этот материал подготовлен профессором Ю. А. Дмитриевым [23, с. 97], нормах права [23, с. 269], правовой природе свода законов [23, с. 365], классификации функций правосознания [23, с. 388], понятии «правовая культура» [23, с. 400], стадиях правоприменительного процесса [23, с. 418], содержании правовых отношений [23, с. 456] законодательстве [23, с. 499—500]. На наш взгляд, вполне разумно, оправдано при освещении материала о нормах права, их создании, систематизации (а тем более — о попытке создания Свода Законов Российской Федерации) и других тем использовать авторский материал А. С. Пиголкина из учебной литературы под его редакцией. Таким образом, вышеназванные белорусские теоретики государства и права в начале XXI в. активно использовали учебник под редакцией профессора А. С. Пиголкина, как его авторский текст, так и частично — его соавторов. Можно отметить, что учебное пособие было выпущено довольно большим тиражом: 3100 экземпляров.

Поскольку А. С. Пиголкин преподавал в Монголии [71, с. 241], то можно предположить, что в этой стране также в определенной мере используются его различные правовые концепции. Кроме того, ученики А. С. Пиголкина после распада СССР оказались в разных странах [71, с. 241], то вполне вероятно, что они транслируют идеи своего учителя и в своих различных публикациях на постсоветском пространстве.

Во время своих стажировок на юридическом факультете в Университете Пассау в ФРГ в период с 2006 г. — 2017 г. и других поездок в Германию с академическими целями (с 2009 г. по 2017 г. включительно) мною изучено много учебной и научной немецкоязычной литературы по теории права, но не припомню ссылок на работы А. С. Пиголкина. Например, в книге профессора, доктора юридических наук Бернда Рютерса (Bernd Rüter) «Понятие, действие (действительность) и применение права» (Мюнхен, 2005) ссылок

на работы А. С. Пиголкина нет [82]. Нет ни одной сноски на А. С. Пиголкина и в книге ординарного профессора уголовного права и криминологии Университета Берна Карла-Людвига Кунца (Karl-Ludwig Kunz) и научного ассистента университетов Берна и Базеля Мартино Мона (Martino Mona) «Философия права, теория права и социология права: введение в теоретические основы юридической науки» (Берн, Штуттгарт, Вена, 2006) [81]. В 2000 г. на русском языке была опубликована «Общая теория права» известного французского ученого Жана-Луи Берজেя, которая много раз переиздавалась на Западе. В алфавитном указателе имен и терминов фамилия Пиголкина (в отличие, например, от Платона, Роско Паунда и Хаима Перельмана) не фигурирует [3, с. 573]. Конечно, по трем книгам нельзя делать выводов о всей интересующей нас научной литературе. Однако возникают сомнения, что работы А. С. Пиголкина широко известны научной общественности ФРГ и других западноевропейских стран.

Степень научной разработанности проблемы. В 2014 г. К. В. Шубенкова отмечает, что некоторые аспекты теоретико-правовых взглядов А. С. Пиголкина анализировались отечественными (А. И. Абрамова, Э. П. Андриянина, С. А. Боголюбов, Э. С. Бондарева, В. И. Васильев, П. С. Дагель, И. Я. Дюрягин, П. Ф. Елисейкин, В. Т. Кабышев, И. Ф. Казьмин, Т. В. Кашанина, В. В. Кожевников, В. В. Лазарев, М. Н. Николаева, А. А. Ушаков, Т. Н. Рахманина, А. А. Сиволобова, М. С. Студенкина, В. М. Сырых, А. Ф. Закомлистов, Ю. А. Тихомиров, В. Ю. Туранин, Г. М. Фролов, Т. Я. Хабриева, О. Н. Шишпаренок, Л. С. Явич и др.) и зарубежными (Я. Мазур, Л. Меткаф) учеными. Далее К. В. Шубенкова разъясняет и конкретизирует свое высказывание: в одних работах имя А. С. Пиголкина просто упоминается, в других — «исследования посвящены частным вопросам, входившим в круг его научных интересов», третьи — рецензии на его труды [71, с. 5]. Назван довольно внушительный список советских и современных российских теоретиков государства и права, специалистов в области конституционного, уголовного, экологического права, в целом публичного права, а также сравнительного правоведения, социологии права и др., в том числе его коллег по Институту законодательства и сравнительного правоведения — А. И. Абрамовой, С. А. Боголюбова (его ученик — аспирант, на 25 февраля 2021 г. — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, научный руководитель и главный научный сотрудник экологического и аграрного законодательства ИЗиСП [25, с. 4—5]), Т. Н. Рахманиной (также его ученица), В. М. Сырых (на 25 февраля 2021 г. — доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории и истории права и судебной власти Российского государственного университета правосудия, заслуженный деятель науки Российской Федерации [25, с. 4]), Ю. А. Тихомирова (его начальника) [71, с. 241], а на 25 февраля 2021 г. — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Международной академии сравнительного права, заместитель заведующего Центром публично-правовых исследований ИЗиСП [25, с. 4]. Ряд из них были и его соавторами комментариев Конституции РФ, рецензий на учебную и научную литературу. Но полагаем, что некорректно ставить знак равенства между терминами «анализ», «анализировались» и «упоминание», «упоминались». Кроме того, на наш взгляд, вторая группа сформулирована несколько витиевато: непонятно ученые анализировали взгляды

А. С. Пиголкина на нормы права, правотворчество, толкование права, его реализацию, юридической терминологии и др. или только констатировали, что и он занимался исследованием этих вопросов.

Благодаря научным статья В. В. Оксамытного [27, с. 128—134], Ю. В. Туранина [63, с. 89—99], а в особенности научным публикациям [70, с. 38—41] и кандидатской диссертации К. В. Шубенковой «Теоретико-правовые концепции А. С. Пиголкина», защищенной в Саратовской государственной юридической академии в 2014 г. [71] научная биография А. С. Пиголкина и его взгляды на различные государственно-правовые явления нашли отражение в современной литературе. Так, в диссертации К. В. Шубенковой проанализированы формирование и развитие научных идей А. С. Пиголкина (глава 1, с. 16—59); концепции правовой нормы, правотворчества и юридической техники, систематизации правовых актов, толкования и правореализации (глава 2, с. 60—163) и показано значение его идей для современной юридической науки (глава 3, с. 164—184) [71]. В 2022 г. по итогам Общероссийского годового собрания теоретиков права, прошедшего в формате научной конференции «Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики» (к 90-летию со дня рождения А. С. Пиголкина), организованного ИЖиСП и прошедшего 25—26 февраля 2021 г. вышел сборник научных статей, повторяющим название конференции [40]. В аннотации к нему говорится, что многие труды А. С. Пиголкина о правотворчестве сохраняют свою актуальность. В первый раздел помещены воспоминания коллег и учеников А. С. Пиголкина, показана роль его идей для современной юридической науки и практики, проанализированы методологические основы «измерения эффективности отдельных видов правоприменительной деятельности, учения о делении правотворческого процесса на стадии», подходы ученого «к систематизации и кодификации законодательства, толкованию норм права». В остальных разделах авторы, вдохновленные научными идеями А. С. Пиголкина, «исследуют договорное и судебное нормотворчество, юридическую технику и экспериментальные правовые режимы», язык закона, проблемы правового регулирования. Конечно, издание этой книги со статьями известных российских ученых-юристов вносит заметный вклад в изучение научного наследия А. С. Пиголкина, особенно в сфере правотворчества, систематизации и кодификации законодательства.

Необходимость дополнительного изучения его трудов А. С. Пиголкина обусловлена тем, что, во-первых, порой, на наш взгляд, содержатся явные преувеличения его заслуг и роли в мировой юридической науке, поэтому попробуем в определенной мере показать востребованность публикаций данного ученого в отечественной и зарубежной научной и учебной литературе. Во-вторых, авторы ряда вышеуказанных работ главное внимание уделили научным трудам А. С. Пиголкина и гораздо меньше — текстам из учебников по теории государства и права и его комментариям Конституции Российской Федерации, по этой причине мы попытаемся отчасти восполнить этот пробел.

Методы исследования. В данной работе мы использовали следующие методы: диалектический, сравнительный, портретный и формально-юридический.

Некоторые штрихи биографии А. С. Пиголкина

Альберт Семенович Пиголкин родился 3 октября 1931 г. в г. Шуя [63, с. 89; 70, с. 38] (районный центр в 30 км от г. Иваново) и учился в одной из школ этого города, но закончил среднюю школу уже в г. Львов и был близок к получению золотой медали. Отец А. С. Пиголкина, бухгалтер, переехал с семьей в этот город. Эти данные прозвучали в докладе В. М. Сырых на 15 Международной научной видеоконференции «Российские и зарубежные теории правотворчества, интерпретации и правоприменения (к 90-летию со дня рождения А. С. Пиголкина), организованной доцентом Е. Л. Поцелуевым на юридическом факультете Ивановского государственного университета (ИвГУ) 1 октября 2021 г. [50, с. 6] В 1954 г. А. С. Пиголкин окончил юридический факультет Львовского университета, а затем поступил в аспирантуру юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [70, с. 38]. В 1957 г. он окончил аспирантуру и пришел трудиться во Всесоюзный институт юридических наук (ВИЮН), который затем был преобразован во Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства (ВНИИСЗ), а позже — в Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации [27, с. 128].

С 1957 г. А. С. Пиголкин — младший, затем старший научный сотрудник, заведующий отделом теории законотворчества и систематизации законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, в котором он проработал всю свою жизнь [70, с. 38]. В. М. Сырых, который несколько лет проработал под началом А. С. Пиголкина, давал ему в своем выступлении на конференции в ИвГУ исключительно позитивную характеристику: спокойный, никогда не повышал голос, никогда не брал трудных тем для отдела, поэтому выполняли их досрочно; ответственный, внимателен к аспирантам и коллегам, добродушный, порядочный, «никогда не бросил ни одного черного шара»; любил играть в шахматы как и О. Э. Лейст и И. С. Самощенко. В. М. Сырых вспоминал, что А. С. Пиголкин был двухметрового роста. Как известно, голосование во время защит кандидатских и докторских диссертаций членов диссертационных советов тайное, поэтому В. М. Сырых абсолютно точно знать этого не может. Видимо, у него с А. С. Пиголкиным были доверительные отношения и последний всегда рассказывал коллеге о своей позиции или либеральная, снисходительная позиция А. С. Пиголкина по отношению к соискателям ученых степеней была знакома научному сообществу. Автор данной статьи может лишь строить предположения и размышлять по этому вопросу.

В 1962 г. под руководством классика советской юриспруденции, профессора Н. Г. Александрова [49] защитил кандидатскую диссертацию на тему «Нормы права и их толкование» [70, с. 38]. По словам В. М. Сырых период после окончания аспирантуры и защитой диссертации был трудным в материальном и финансовом плане: небольшие стипендия и зарплата, не было собственной квартиры и жил у родственницы в г. Балашиха (Московская область). В эти же годы А. С. Пиголкин женился, родилась дочь. В. М. Сырых на научной конференции памяти А. С. Пиголкина в ИвГУ вспоминал, что А. С. Пиголкин был заботливым сыном и мужем, закупал продукты для семьи.

Разрыв между окончанием аспирантуры и защитой диссертации В. М. Сырых объясняет тем, что в это время появилось новое требование к соискателям — научные публикации по теме диссертационной работы, а возможностей для издания своих научных изысканий в советский период было

гораздо меньше, чем в постсоветский. В 1960 г. была опубликована статья А. С. Пиголкина «Нормы Советского права и их структура» [32, с. 148—193], что и позволили ему выйти на защиту.

В 1972 г. А. С. Пиголкин защитил докторскую диссертацию «Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР» [33]. защите диссертации предшествовали публикации ряда монографий: «Толкование нормативных актов» (М., 1962), «Подготовка проектов нормативных актов» (М., 1968), в которых он был автором и главным редактором. В этот период в ведущих юридических журналах страны вышли две его научные статьи: «Язык советского закона и юридическая терминология» [36, с. 45—51] и «Некоторые вопросы признания нормативных актов утративших силу» [31, с. 34—42].

В 2002 г. преподаватели Нижегородской академии МВД России рекомендовали своим курсантам по теме толкованием норм права изучать, в частности, вышеуказанную монографию А. С. Пиголкина и его научную статью «Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения» из книги «Закон: создание и толкование», вышедшей под редакцией А. С. Пиголкина в 1998 г. [42, с. 69]. Это еще одно небольшое свидетельство того, что научные работы ученого, причем как советского, так и постсоветского периода были нужны изучающим теорию права в начале XXI века.

Таким образом, путь к вершинам юридической науки (официальное признание — успешная защита докторской диссертации) был у А. С. Пиголкина не быстрым и не простым. Это, во-первых. Во-вторых, в памяти коллег А. С. Пиголкин остался исключительно позитивным человеком, семьянином, умелым руководителем и исследователем. В-третьих, учебные и научные издания ученого востребованы преподавателями различных юридических вузов и факультетов.

А. С. Пиголкин — автор советской учебной литературы по теории государства и права

В 1966 г. вышла книга «Общая теория советского права», написанная известными отечественными учеными — Н. Г. Александровым, С. Н. Братусем, П. С. Грацианским, О. Э. Лейстом, А. В. Мицкевичем, И. С. Самощенко, И. Е. Фарбер, Л. С. Явичем. В аннотации говорилось, что эта работа «представляет попытку создать основы одной из частей курса марксистско-ленинской теории государства и права — раздела об общей теории социалистического права» и чтобы она «могла быть использована и в качестве учебного пособия по теории права». Глава «Нормы советского социалистического права» была подготовлена доктором юридических наук И. С. Самощенко и кандидатами юридических наук (будущими докторами юридических наук) О. Э. Лейстом и А. С. Пиголкиным [47, с. 169—219], а вот автором 6 главы «Толкование норм советского права» [35, с. 220—248] и 12 главы «Критика антикоммунистических взглядов на советское право» был только А. С. Пиголкин [30, с. 443—486].

Шестая глава имеет следующую структуру: четыре параграфа — 1. Понятие и социальное назначение толкования норм права. 2. Уяснение правовых норм (приемы толкования). 3. Результаты толкования норм права. Распространительное и ограничительное толкование. 4. Разъяснение норм советского права. Последовательность изложения выглядит довольно логично:

начинать с понятия, а затем излагать два этапа (стадии) толкования — уяснения и разъяснения, но с современных позиций оптимально выделить толкование по объему: буквальное, распространительное (расширительное) и ограничительное в отдельный параграф или объединить его с другим материалом и назвать «Виды толкования по субъекту и по объему». В § 4 А. С. Пиголкин характеризует два вида толкования по критерию юридических последствий — официальное (нормативное/аутентичное и казуальное). Кроме того, приемы толкования (используя лексику А. С. Пиголкина) присущи не только уяснению, но и разъяснению правовых норм и в настоящее время их, как правило, называют способы толкования.

Глава о толковании норм права написана на высоком научно-теоретическом уровне, поэтому неслучайно А. С. Пиголкин много делает сносков на научную литературу (тезисы докладов, статьи, монографии, авторефераты кандидатских диссертаций), причем не только советских авторов — цивилистов, пеналистов и теоретиков права (Н. Г. Александров — научный руководитель А. С. Пиголкина, А. Я. Берченко, С. И. Вильнянский, Л. Воеводин, А. Я. Вышинский, А. М. Денисов, О. С. Иоффе, П. Е. Недбайло, М. С. Строгович, Ю. Г. Ткаченко, Р. С. Рез, М. Д. Шаргородский, Б. В. Шейдлин, А. С. Шляпочников, Л. С. Явич), но и книги исследователей из социалистических стран — Болгарии (В. Захариев), Венгрии (И. Сабо), Польши (Е. Врублевский), изданные соответственно в Софии, Будапеште и Варшаве на болгарском, венгерском и польском языках [35, с. 220—247].

Многие положения вышеуказанной главы не устарели и в настоящее время: 1) виды толкования по объему — буквальное, распространительное и ограничительное; 2) виды толкования по результатам — официальное (нормативное или казуальное) и неофициальное [35, с. 221]; 3) приемы толкования — грамматический, систематический и историко-политический [35, с. 228—238]. К сожалению, критерий первой классификации не был четко сформулирован, второй критерий принято называть теперь иначе — по субъекту толкования, неофициальное можно и нужно разделить на обыденное (массовое), профессиональное (специальное) и научное (теоретическое, доктринальное); а вместо термина «приемы» чаще используют другой — «способы» и их теперь больше — логический, телеологический, формально-юридический (догматический), функциональный и др.

А. С. Пиголкин — интерпретатор ряда статей Конституции Российской Федерации

В 1994 г. А. С. Пиголкин наряду с такими известными учеными-юристами как Т. В. Апарова, В. И. Васильев, Б. С. Крылов, В. И. Лафитский, А. Л. Маковский, М. Г. Масевич, Н. А. Михалева, А. В. Мицкевич, А. Ф. Ноздрачев, В. В. Оксамытный, Л. А. Окуньков, С. А. Пяткина, Т. Н. Рахманина, В. А. Рахмилович, Ф. М. Решетников, В. М. Сырых, И. А. Умнова, О. С. Хохрякова, Г. Т. Чернобель и др. был автором комментариев ряда статей Конституции Российской Федерации. Так, он совместно с кандидатом юридических наук Т. Н. Рахманиной разъяснял ст. 4, ч. 2; ст. 26 и ст. 68 — единолично; с кандидатом юридических наук Г. Т. Чернобель — ст. 101 и ст. 107, а с кандидатом юридических наук А. И. Абрамовой — ст. 105 [8, с. VII—VIII]. Более того А. С. Пиголкин вместе с кандидатами юридических наук Л. А. Окуньковым (директор Института законодательства

и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, председатель редколлегии), А. Е. Постниковым, доктором юридических наук Б. С. Крыловым и М. Я. Булошниковым (ответственный секретарь) входил в состав редколлегии комментария.

Так, следует согласиться с толкованием А. С. Пиголкиным и Т. А. Рахманиной части 2 ст. 4 Конституции РФ в том, что понятие «федеральные законы» следует понимать в его широком значении: как федеральные законы и как федеральные конституционные законы, хотя в других статьях Конституции они различаются достаточно четко [8, с. 18]. Во-первых, ученые абсолютно верно использовали здесь распространительный (расширительный) способ толкования. Во-вторых, конечно, федеральные законы и федеральные конституционные законы нужно различать и по содержанию (предмету или объекту правового регулирования), по юридической силе и по тому, что на федеральные конституционные законы у Президента страны нет отлагательного вето.

В комментарии ст. 26 Конституции РФ нас заинтересовал следующие размышления А. С. Пиголкина о значении национальной принадлежности человека. По его справедливому мнению, право на сохранение и развитие национальных особенностей входит в состав основных, неотъемлемых, неотчуждаемых прав народа и личности, закрепленных в международно-правовых актах [8, с. 82]. К сожалению, актуально звучит следующая фраза ученого: «Никто не вправе навязывать человеку использование того или иного языка помимо его воли. Нарушение языковых прав народов и личности влечет за собой ответственность согласно закону» [8, с. 83]. Актуально — для русскоязычного населения прибалтийских государств, Украины и ряда других государств, в которых это право не соблюдается, наоборот, возможно привлечение к тому или иному виду юридической ответственности за использование родного языка. Во время проведения специальной операции Вооруженных Сил нашей страны на Украине в марте — апреле 2022 г. целом ряде европейских стран как отдельные представители местного населения, так и украинские мигранты негативно реагируют на использование русского языка на улице, в общественном транспорте, в иных общественных местах. В нескольких случаях это перерастает в негативное отношение к русским, в том числе в учебных заведениях Германии, Чехии и др. и на что адекватно реагирует МИД Российской Федерации, Президент Российской Федерации В. В. Путин, но это может быть уже темой отдельного исследования.

Логично, что А. С. Пиголкин выступил интерпретатором и ст. 68 Конституции РФ. По его справедливому мнению, языки народов нашей Родины — это национальное достояние [8, с. 214]. Далее он отвечает на свой вопрос: что следует понимать под государственным языком и дает развернутый ответ. Как правило, это родной язык большинства или значительной части населения государства, а поэтому наиболее часто употребляемый ими. На нем представители государственной власти общаются с населением, на нем публикуются законы, подзаконные и правоприменительные акты, оформляются различные юридические документы, ведутся «протоколы и стенограммы заседаний, осуществляется работа органов государственной власти, делопроизводство и официальная переписка. Это язык официальных вывесок и объявлений, печатей и штампов, маркировки отечественных товаров, дорожных знаков и наименований улиц и площадей. Это основной язык воспитания и обучения в школах и других учебных заведениях». Государственный язык преимущественно используется в различных средствах массовой информации.

Органы государственной власти обеспечивают активное употребление государственного языка в политической, культурной и научной сферах [8, с. 214—215].

А. С. Пиголкин приводит интересный материал о том, как был решен вопрос о государственных языках в республиках в составе Российской Федерации. В некоторых республиках государственными были провозглашены несколько языков: в Кабардино-Балкарской республике — русский, кабардинский и балкарский, в Республике Марий Эл — марийский луговой и марийский горный языки. «Во многих республиках наряду с национальным (национальными) в качестве государственного определен также русский язык — в Бурятии, Хакасии, Саха (Якутии) и др., — пишет ученый. — Едва ли верно употреблять в официальной деятельности республик только свой национальный язык», так как в них проживает много русскоязычного населения. Кроме того, государственно-правовая деятельность республик предполагает их отношения с центральными органами Федерации, другими ее субъектами на русском языке [8, с. 216]. Согласен с вышеприведенными аргументами. Даже если в республике проживает мало или сравнительно мало русскоязычного населения, то русский язык может служить средством коммуникации между различными этносами, как, например, в Дагестане.

Наша страна «оказывает моральную, материальную и организационную поддержку соотечественникам, живущим за границей. Так, 12 мая 1992 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве в области образования государств-участников СНГ, которое предусматривает содействие удовлетворению образовательных потребностей населения, принадлежащего к национальным меньшинствам и самобытным этническим группам, в том числе создания условий для получения образования на родном языке, оказания взаимной помощи в обеспечении и разработке оригинальных учебников и иной учебно-методической литературы, в подготовке и переподготовке педагогических кадров для национальных меньшинств и этнических групп», — констатирует А. С. Пиголкин [8, с. 217—218].

Определенный историко-правовой интерес представляет материал о структуре верхней и нижней палаты парламента Российской Федерации. Советом Федерации на первом заседании было создано девять постоянных комитетов: комитеты по делам Федерации, Федеративному договору и региональной политике; по конституционному законодательству и судебнопрововым вопросам; по международным делам; по делам Содружества Независимых Государств и др. Государственная Дума образовала целую систему комитетов — 23: комитеты по законодательству и судебнопрововой реформе; по труду и социальной поддержке; по экологии; по экономической политике; по безопасности и др. [8, с. 308]. Авторы данного текста — А. С. Пиголкин и Г. Т. Чернобель (в 2011 г. — ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ) [68, с. 2], на 25 февраля 2021 г. — доктор юридических наук, профессор, профессор РАН, заместитель директора ИЗиСП [25, с. 13].

Вышеназванные ученые пишут, что во многих зарубежных парламентах (Австралии, Италии, Турции, Франции и др.) созданы счетные палаты, которые «занимаются проверкой государственной отчетности по исполнению бюджета», что рецепировали и российские парламентарии [8, с. 309]. По нашему мнению, это ценная информация, говорящая о том, что авторы Конституции РФ изучали законодательство не только федеративных (в данном

случае — Австралии, Австралийского Союза — оба названия этой страны — официальные), но и унитарных государств (Италии, Турции, Франции).

Полагаем, что в комментариях к ст. 107 (интерпретаторы — А. С. Пиголкин и Г. Чернобель) также определен интерес представляет упоминание о зарубежном опыте: промульгации закона, отлагательном вето президента страны [8, с. 324—325].

Считаем, что А. С. Пиголкин и его коллеги дали доктринальные разъяснения, показали, что предшествовало принятию Конституции, какие нормативные правовые акты были приняты в РСФСР и какие законы (с краткой характеристикой их содержания) были приняты уже после вступления Конституции РФ в силу (в действие), в том числе и в субъектах Федерации. Часть материала уже стала историей российского парламентаризма и заслуживает внимания историков конституционного права нашей страны и историков государства и права России.

Заключение

Во-первых, советский и российский ученый-юрист А. С. Пиголкин внес определенный вклад в создание Конституции Российской Федерации и разъяснение ее отдельных статей.

Во-вторых, им и при соавторстве его коллег был написан учебник по общей теории государства и права, который с дополнениями неоднократно переиздавался и после его смерти, что свидетельствует о его научном и методическом потенциале, доступности для понимания.

В-третьих, его научные труды (монографическая литература, в том числе под его редакцией, а также научные статьи) не забыты современными преподавателями и исследователями. Больше всего интересует научное сообщество — это взгляды А. С. Пиголкина на правотворчество и толкование норм права, а также его идеи о создании Свода Законов Российской Федерации и другие аспекты систематизации законодательства, требования к юридической терминологии, особенно в законах страны, в целом проблематика юридической техники.

В-четвертых, его работы в начале XXI в. были известны многим украинским коллегам, которые также рекомендовали их в качестве основной или дополнительной литературы своим студентам. На учебник по теории государства и права под редакцией А. С. Пиголкина многократно и по различным вопросам ссылались в это же время белорусские ученые-юристы в своем учебном издании по вышеуказанной дисциплине.

В-пятых, наличие защищенной в 2014 г. в Саратове кандидатской диссертации К. С. Шубенковой на тему «Теоретико-правовые концепции А. С. Пиголкина» можно расценить как признание научных заслуг ученого и что по этому формально-юридическому показателю ставит его в один ряд со своим учителем — Н. Г. Александровым [49] и другими отечественными учеными — Н. Н. Алексеевым [21], А. И. Герценом [28], И. А. Ильным [9; 26], М. А. Катковым [6], Н. М. Коркуновым [29], Б. А. Кистяковским [66], С. А. Котляревским [10], К. А. Неволным [18], В. С. Соловьевым [41], Б. Н. Чичериным [4], П. А. Флоренским [52], С. Л. Франком [69] и др., в какой-то мере — с Л. И. Петражицким, чья теория и социология права была проанализирована в докторской диссертации Е. В. Тимошиной [61].

По нашему мнению, когда идейно-теоретическое наследие ученого изучается на уровне кандидатской диссертации, защите которой предшествует публикация научных статей, а тем более анализируется в докторской диссертации, на защиту которой невозможно выйти без монографических работ и некоего количества ВАКовских статей, а также в обоих случаях защите диссертационных исследований предшествует апробация работы на различных конференциях, то есть основания утверждать, что этот вводит ученого (в данном случае — А. С. Пиголкина) в зал юридической славы, он становится классиком юридической науки, фрагменты его научных произведений можно помещать в хрестоматии (в нашем случае — по теории государства права, юридической технике) и в антологии юридической мысли.

В-шестых, проведение научных конференций памяти А. С. Пиголкина в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и на юридическом факультете Ивановского государственного университета (ИвГУ) — это также акты признания научных заслуг ученого и востребованности его взглядов, идей и концепций. Однако, констатируем, что обе конференции юбилейные: приурочены к 90-летию со дня рождения ученого в отличие, например, от ежегодных чтений памяти профессоров В. К. Бабаева и Л. И. Спиридонова и академика В. С. Нерсесянца. Проведение таких научных конференций, конечно, больше способствует изучению различных аспектов их научного наследия.

В-седьмых, в известных нам трудах современных немецких и швейцарских ученых по философии права, теории права и социологии права, изданных в странах Западной Европы на немецком языке, нет ни ссылок на труды А. С. Пиголкина, ни упоминания его имени. Это относится и книге известного французского исследователя Жана Луи Бержеля «Общая теория права», переведенной на многие европейские языки и выпущенной в Москве на русском языке. Поэтому, на наш взгляд, не следует преувеличивать известность А. С. Пиголкина и значение его научного наследия для мировой теоретико-правовой науки.

Библиографический список

1. Актуальные направления анализа права и правоведения: проблема междисциплинарного понимания и сотрудничества: материалы девярых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца / отв. ред. и сост. В. Г. Графский. М.: Норма, 2015. 224 с.
2. Антонов М. В. Теория государства и права: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 497 с.
3. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под ред. В. И. Даниленко; пер. с фр. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. 576 с.
4. Величко А. М. Учение Б. Н. Чичерина о праве и государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995. 25 с.
5. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юрид. вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. 376 с.
6. Давудов Д. А. Политико-правовые воззрения Михаила Никифоровича Каткова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Сочи, 2013. 25 с.
7. Колесник И. В. Теоретическая модель правоприменительной технологии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 437 с.
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: БЕК, 1994. 458 с.

9. *Красова Е. М.* Субъект права в философии И. А. Ильина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Мытищи, 2019. 22 с.
10. *Кроткова Н. В.* Государственно-правовые взгляды С. А. Котляревского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.
11. *Кулапов В. Л.* Теория государства и права: методические рекомендации для повторения курса. Саратов, 1998. 76 с.
12. *Лазарев В. В., Липень С. В.* Теория государства и права: учебник для бакалавров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, ИД Юрайт, 2012. 634 с.
13. *Малько А. В.* Теория государства и права в вопросах и ответах: учебно-метод. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2009. 300 с.
14. *Малько А. В.* Теория государства и права в вопросах и ответах: учебно-метод. пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2011. 352 с.
15. *Марченко М. Н.* Теория государства и права: учебник. М.: Юрид. лит., 1996. 432 с.
16. *Марченко М. Н., Дерябина Е. М.* Теория государства и прав: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2013. 432 с.
17. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2003. 512 с.
18. *Мирзаев А. С.* Концепция философии законодательства К. А. Неволлина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 27 с.
19. *Морозова Л. А.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2005. 448 с.
20. Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / сост. В. Г. Графский. М.: Норма, 2006. 416 с.
21. *Новоженкина И. В.* Государственно-правовое учение Н. Н. Алексеева автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002. 22 с.
22. Нормативная теория Ганса Кельзена и развитие юриспруденции в Европе и США (к 40-летию со дня смерти Г. Кельзена): материалы VII ежегодной Междунар. науч. конф. Иваново, 8—12 окт. 2013 г. / отв. ред. Е. Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 276 с.
23. Общая теория государства и права: учеб. пособие / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский; под общ. ред. проф. В. А. Кучинского. 2-е изд., доп. Минск: Амалфея, 2004. 688 с.
24. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. М.: Юрист, 1994. 360 с.
25. Общероссийское годовое собрание теоретиков права «Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики» (к 90-летию со дня рождения А. С. Пиголкина) 25—26 февраля 2021 г. URL: <https://izak.ru/institute/announcements/vii-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-pravotvorchestvo-v-xxi-veke-evolyutsiya-doktriny-i-prakt/> (дата обращения: 17.03.2022).
26. *Окара А. Н.* Учение И. А. Ильина о праве и государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 22 с.
27. *Оксамытний В. В.* Правовед А. С. Пиголкин: масштаб личности в контексте современного развития юридической науки // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 128—134.
28. *Павлов А. В.* Учение о государстве и праве А. И. Герцена: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 21 с.
29. *Пегова Н. Э.* Теоретико-правовая методология в концепции общей теории права Н. М. Коркунова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2018. 28 с.
30. *Пиголкин А. С.* Критика антикоммунистических взглядов на советское право // Общая теория советского права / под ред. докторов юридических наук С. Н. Братуся и И. С. Самошенко. М.: Юрид. лит., 1966. С. 443—486.
31. *Пиголкин А. С.* Некоторые вопросы признания нормативных актов утративших силу // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 34—42.

32. *Пиголкин А. С.* Нормы Советского права и их структура // Вопросы общей теории права: сб. ст. М.: Госюриздат, 1960. С. 148—193.
33. *Пиголкин А. С.* Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972.
34. *Пиголкин А. С.* Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. М.: Спарк, 1998. С. 65—75.
35. *Пиголкин А. С.* Толкование норм советского права // Общая теория советского права / под ред. докторов юридических наук С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. М.: Юрид. лит., 1966. С. 220—248.
36. *Пиголкин А. С.* Язык советского закона и юридическая терминология // Известия вузов. Правоведение. 1968. № 5. С. 45—51.
37. *Поляков А. В.* Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб.: Издательский дом С.-Петербурга. гос. ун-та, 2004. 864 с.
38. *Поляков А. В., Тимошина Е. В.* Общая теория права: учебник. СПб.: Издательский дом С.-Петербурга. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак. С.-Петербурга. гос. ун-та, 2005. 472 с.
39. Правовое учение Рудольфа Иеринга и его значение для современной юриспруденции: программа XIV Международной научной конференции. Иваново, 25—26 сент. 2020 г. / Е. Л. Поцелуев, М. В. Антонов, Б. Бауринг, В. С. Горбань, С. В. Королев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. 24 с.
40. Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А. С. Пиголкина) / сб. науч. ст. отв. ред. В. В. Лазарев. М.: Норма, 2022. 344 с.
41. *Прибыткова Е. А.* Философия права Владимира Сергеевича Соловьева: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 29 с.
42. Рабочая программа дисциплины «Теория государства и права» федерального компонента ОПД ГОС ВПО второго поколения по специальности 023100 Правово-охранительная деятельность / сост. В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. А. Толстик, А. В. Никитин; под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. 78 с.
43. *Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А.* Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2014. 568 с.
44. *Ромашов Р. А.* Теория государства и права: конспект лекций: учеб. пособие. СПб.: Издательский дом «Сентябрь», 2004. 184 с.
45. *Ромашов Р. А.* Теория государства и права. СПб.: Питер, 2004. 256 с.
46. Российские и зарубежные теории правотворчества, интерпретации и правоприменения: к 90-летию со дня рождения профессора А. С. Пиголкина. Программа Международной онлайн научной конференции. Иваново, 1—2 октября 2021 г. / сост. Е. Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 14 с.
47. *Самощенко И. С., Лейст О. Э., Пиголкин А. С.* Нормы советского социалистического права // Общая теория советского права / под ред. докторов юридических наук С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. М.: Юрид. лит., 1966. С. 169—219.
48. Современное государство и личность в историческом и философско-правовом осмыслении: материалы двенадцатых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В. Г. Графский. М.: Норма, 2018. 144 с.
49. *Сорокин Б. В.* Теоретико-правовые концепции Н. Г. Александрова: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2010. 210 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/teoretiko-pravovye-kontseptsii-ng-aleksandrova> (дата обращения: 10.03.2022).
50. *Сырых В. М.* А. С. Пиголкин как ученый и личность // Российские и зарубежные теории правотворчества, интерпретации и правоприменения: к 90-летию со дня рождения профессора А. С. Пиголкина. Программа Международной онлайн

- научной конференции. Иваново, 1—2 октября 2021 г. / сост. Е. Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 6.
51. *Сырых В. М.* Теория государства и права: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2004. 704 с.
  52. *Тальников Д. С.* Политико-правовые воззрения Павла Александровича Флоренского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 25 с.
  53. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юристъ, 1997. 672 с.
  54. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. 2-е изд., перераб и доп. М.: Юристъ, 2006. 637 с.
  55. Теория государства и права. Раздел II. Теория права. Планы семинарских занятий для студентов I курса дневного отделения / составители канд. ист. наук Е. Л. Поцелуев, канд. юрид. наук Е. А. Петрова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 41 с.
  56. Теория государства и права (схемы и комментарии): учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Р. А. Ромашова. СПб.: Издательский дом «Сентябрь», 2000. 208 с.
  57. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. 2-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА, 2000. 616 с.
  58. Теория государства и права: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслж. деятеля науки РФ Р. А. Ромашова. СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 630 с.
  59. Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. 4-е изд., пераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 582 с.
  60. Теория государства и права: учебник для юрид. вузов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997.
  61. *Тимошина Е. В.* Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 44 с.
  62. Традиции и новаторство русской правовой мысли: история и современность: (к 100-летию со дня смерти С. А. Муромцева): материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 30 сент. — 2 окт. 2010 г.: в 3 ч. / отв. ред.: О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. Ч. 1. 483 с.; Ч. 2. 488 с.; Ч. 3. 154 с.
  63. *Туранин В. Ю.* Творческое наследие профессора А. С. Пиголкина и современное российское право // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 89—99.
  64. Философия права в России: история и современность: материалы третьих философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца / отв. ред. В. Г. Графский. М.: Норма, 2009. 320 с.
  65. Философия права Е. Б. Пашуканиса: программа XII Международной научной конференции. Иваново, 27—29 сент. 2018 г. / Е. Л. Поцелуев. Иван: Иван. гос. ун-т, 2018. 17 с.
  66. *Харитонов А. Н.* Право и правосознание в учении Б. А. Кистяковского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. 25 с.
  67. *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права. М.: Юрайт, 1999. 429 с.
  68. *Чернобель Г. Т.* В. М. Сырых — методолог, теоретик, социолог и историк права. М.: Изд-во РАП, 2011. 428 с.
  69. *Черноков А. Э.* Учение С. Л. Франка о государстве и праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 28 с.
  70. *Шубенкова К. В.* Проблемы правотворчества и правоприменения в работах А. С. Пиголкина (к 55-летию научно-педагогической деятельности) // Вестник СГАП (Саратовской государственной академии права). 2009. № 6. С. 38—41.
  71. *Шубенкова К. В.* Теоретико-правовые концепции А. С. Пиголкина: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 243 с. URL: http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/17-03-2014-1d_.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

72. Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г. Ф. Шершеневича): материалы VI ежегодной Международной науч. конф. Иваново, 5—8 окт. 2012 г.: в 3 ч. / отв. ред.: О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. Ч. 1. 512 с.; Ч. 3. 154 с.
73. Горун О. В., Камінська Н. В., Фатхутдінова О. В. Теорія держави та права: навч. посіб. Київ: КНТ, 2011. 216 с.
74. Борщевський І., Васильєв А. С., Зілковська Л. М. та ін. Теорія права і держави : підруч. / за заг. ред. А. С. Васильєва. Київ: КНТ, 2009. 464 с.
75. Лисенков С. Л. Загальна теорія держави і права: навч. посіб. Київ: Юрисконсульт, 2006. 355 с.
76. Луць Л. А. Загальна теорія держави і права: навч.-метод. посіб. (за кредитно-модульною системою). Київ: Атіка, 2007. 412 с.
77. Новый украинско-российский і російсько-український словник. Харків: ЧП «Див», 2011. 1146 с.
78. Оборотов Ю. М., Крестовська Н. М., Крижанівський А. Ф. Теорія держави і права: методичні матеріали для студентів 1-го курсу. Одеса: Фенікс, 2007. 128 с.
79. Ромашов Р. А., Пархоменко Н. М., Легуша С. М. та ін. Теорія держави та права: навч. посіб. / за заг. ред. проф. Р. А. Ромашова и ст. науч. сотр. Н. М. Пархоменко. Київ: КНТ, 2007. 216 с.
80. Теорія держави та права: навч. посіб. / В. М. Субботін, О. В. Філонов, Л. М. Князькова, І. Я. Тодоров. Київ: Знання, 2005. 327 с.
81. Kunz Karl-Ludwig, Mona Martino. Rechtsphilosophie, Rechtstheorie, Rechtssoziologie. Eine Einführung in der theoretischen Grundlagen der Rechtswissenschaft. 1. Auflage. Bern, Stuttgart, Wien: Haupt Verlag, 2006. 308 S.
82. Rütters Bernd. Rechtstheorie Begriff, Geltung und Anwendung des Rechts. 2., neue bearbeitete Auflage. Munchen: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 2005. 633 S.

Сведения об авторе / Information about the author

Поцелуев Евгений Леонидович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, юридический факультет, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, elp777@yandex.ru

Potseluev Evgeny Leonidovich — Candidate of Science (History), Associate Professor, Chair of state and law, Law faculty, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, elp777@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРАВОТВОРЧЕСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются ключевые вопросы понимания правотворчества в современной теории права. С использованием сравнительно-правового и формально-юридического методов анализируются зависимость интерпретации данной категории от типа правопонимания и сложившихся правовых традиций. Подчеркивается, что правотворчество должно пониматься в соответствии с теми доктринальными установками, которые закладываются теоретиками права — сторонниками соответствующих направлений юридической мысли в само понимание категории «право». Обращается внимание на проблему соотношения правотворчества со смежными категориями, такими как правообразование, нормотворчество. Предлагается механистический подход к пониманию правотворчества. При этом выделяется механизм правотворчества в статике, охватывающий совокупность институционального, инструментального, содержательного и формального элементов. А также механизм правотворчества в динамике, включающий две последовательные стадии: выработку самого правила поведения и придание правилу юридической формы в соответствующем источнике права. Приводятся примеры влияния различных подходов к пониманию правотворчества на решение практических проблем правотворческой деятельности, связанных, в частности, с достижением целей и реализацией принципов правотворчества. Автор поднимает проблему подготовки профессиональных правотворцев, подчеркивая важность преподавания соответствующих дисциплин в бакалавриате и магистратуре юридической направленности. Делается вывод о том, что, несмотря на кажущуюся простоту понимания категории «правотворчество», нельзя трактовать её узко с позиций лишь одного вида правотворческой деятельности, одной формы права, одного типа правопонимания, одной правовой традиции. «Взгляд» на правотворчество, начиная со студенческой «скамьи» на юридических факультетах и заканчивая работой в правотворческих органах, должен быть широким, компаративистским.

Ключевые слова: правотворчество, правопонимание, формы права, правовая система, законотворчество, юридический позитивизм, судебное правотворчество, договорное правотворчество, российское право, сравнительное правоведение.

Е. А. Petrova

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF LAW-MAKING: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

The article discusses the key issues of understanding lawmaking in the modern theory of law. Using comparative and formal legal methods, the dependence of the interpretation of this category on the type of legal understanding and established legal traditions is analyzed. It is emphasized that law-making should be understood in accordance with those doctrinal attitudes that are laid down by legal theorists in their understanding of the category “law”. Attention is drawn to the problem of the correlation of lawmaking with related categories. A mechanistic approach to the understanding of lawmaking is proposed. Examples of the influence of various approaches to the law-making understanding on the solution of practical problems of law-making activities are given. The author raises the problem of training professional lawmakers, emphasizing the importance of teaching relevant disciplines in

bachelor's and master's degrees in law. It is concluded that, despite the apparent simplicity of understanding the category of "law-making", it is impossible to interpret it narrowly from the standpoint of only one type of law-making activity, one form of law, one type of legal understanding, one legal tradition. The "view" on law-making should be broad, comparative, starting from the student bench at law faculties and ending with work in law-making bodies.

Key words: law-making, legal understanding, forms of law, legal system, legislation, legal positivism, judicial law-making, contractual law-making, Russian law, comparative jurisprudence.

Введение

В условиях интеграции правовых систем современности, плюрализма правовых школ и течений вопрос о единообразном понимании той или иной юридической категории приобретает особую актуальность. В этом контексте правотворчество как деятельность по «творению» права требует многопланового подхода. Можно выделить несколько проблемных аспектов теоретического и практического характера, связанных с интерпретацией данного процесса.

Основная часть

Первая проблема заключается в том, что в отечественной учебной юридической литературе правотворчество традиционно отождествляется с законотворчеством, поскольку нормативный правовой акт выступает основным источником российского права. Однако такой подход, очевидно, узкий и формирует у студентов юристов представление о том, что нормы права содержатся преимущественно в законах (хорошо, если в широком смысле этого слова), а основными творцами права выступают законодатели. Подобный подход к пониманию правотворчества во многом предопределен и господствовавшим в отечественной правовой доктрине в течение нескольких десятилетий советского и постсоветского периодов юридическим позитивизмом. Между тем современная теория права не ограничивается какой-то одной философско-правовой школой. Поэтому правотворчество должно пониматься в соответствии с теми доктринальными установками, которые закладываются теоретиками права — сторонниками соответствующих направлений юридической мысли — в само понимание категории «право». Так, например, приверженцы юснатурализма будут видеть истоки правотворческой деятельности в естественной природе человека, в Высших силах. Представители социологической юриспруденции в качестве основных «творцов» права могут рассматривать судей, «выводящих» правовые предписания из реальных общественных отношений. Соответственно, взгляд на правотворческий процесс с позиций разных типов правопонимания позволяет увидеть всю его многогранность и сложность, не сводимую только к деятельности по принятию законов.

В то же время позитивистский подход к дефиниции тех или иных юридических категорий позволяет выявить их формальные, сущностные признаки, отграничивающие их от смежных явлений. Именно позитивистская трактовка дает возможность решить вторую проблему понимания правотворчества: сопоставления его с близкими по значению категориями, такими, например, как правообразование, нормотворчество и т. п. (см., например: [3]). В данном контексте нам представляется целесообразным рассматривать правотворчество как деятельность по созданию формально-юридических источников права, осуществляемую от имени государства компетентными правотворческим

субъектами и обеспечиваемую системой государственных гарантий и санкций [4, с. 231], которая завершает процесс образования права.

Правообразование — процесс более длительный, начинающийся с формирования соответствующих социальных условий для появления правового предписания; более объективный, не зависящий от воли конкретного законодателя, судьи и т. д.; менее связанный собственно с государственной деятельностью. Последняя «подключается» на заключительной стадии, которой и выступает правотворчество.

Что же касается разграничения правотворчества и нормотворчества, то они соотносятся как часть и целое, так как право — это лишь один из нормативных социальных регуляторов, наряду с моралью, религией, обычаями и т. д. Правильное понимание данного соотношения необходимо для того, чтобы не происходило «заурегулированности» общественных отношений исключительно нормами права. Поскольку право должно упорядочивать лишь те социальные связи, которые объективно поддаются юридической регламентации и нуждаются в таковой.

Для более точного понимания правотворчества как многоаспектной деятельности нам также представляется целесообразным рассмотрение его в качестве особого механизма. Механистический подход позволяет выделить взаимосвязанные элементы и стадии данного вида юридической деятельности. При этом механизм может трактоваться в статическом и динамическом аспектах. В статике механизм правотворчества охватывает совокупность элементов, обеспечивающих создание права, к которым, на наш взгляд, можно отнести: субъектов правотворчества (институциональный элемент); способы, приемы правотворческой техники (инструментальный элемент); сами правила поведения (содержательный элемент); формы (источники) права (формальный элемент). Механизм правотворчества в динамике отражает последовательность стадий правотворческой деятельности, которая обуславливается конкретным видом правотворчества, но в самом общем виде включает: разработку самого правила поведения; придание правилу юридической формы в соответствующем источнике права. После прохождения первой стадии мы получаем норму-правило поведения общего характера, но только после прохождения второй стадии эта норма становится правовой, т. е. приобретает общеобязательную силу. В реальности эти две стадии могут осуществляться одновременно, а могут быть и разделены во времени.

При таком подходе формальный элемент механизма правотворчества позволяет дать его трактовку в зависимости от полученного результата, т. е. от той или иной формы права. В итоге мы еще раз подтверждаем важность понимания правотворчества не только как законотворчества, но и как судебного правотворчества (в результате которого создается судебный прецедент как форма права); договорного правотворчества (результатом выступает нормативный договор) и др. Соответственно разные виды правотворчества требуют самостоятельной доктринальной разработки и анализа не только в научной, но и в учебной литературе.

Последнее актуализируют и те интеграционные процессы, которые происходят на современной правовой карте мира. Если раньше традиционным было утверждение, что в странах континентального права основным источником (формой) права выступает нормативный правовой акт, а в государствах общего права — судебный прецедент, то сейчас эти констатации уже не могут быть столь однозначными. В частности, например, в правовой системе

США в настоящее время действует не меньше законов, чем в любой стране романо-германской правовой семьи, что позволяет американским исследователям говорить о наступлении с середины XX века «эпохи статутов» («statutory age» [5, p. 555]). Многие отрасли права США имеют кодифицированный характер (как на федеральном уровне, так и на уровне штатов). В то же время в российской правовой системе, по мнению большинства авторов относящейся к континентальной правовой традиции, всё более значительную роль начинает играть судебный прецедент: если не в «чистом виде», то, по крайней мере, в форме прецедентов толкования (разъяснения высших судов и т. п.). Следовательно, сравнительно-правовой метод при изучении правотворчества становится всё более необходимым и востребованным, поскольку помогает выявить достоинства, недостатки правотворческой деятельности в различных правовых семьях и в определенной степени предсказать возможности рецепции тех или иных её элементов. Компаративистские исследования позволяют решить следующую проблему понимания правотворчества — исследование его только в контексте российского правотворческого опыта, что, естественно, слишком узко для общей теории права.

Указанная многоаспектность доктринального изучения правотворчества необходима для эффективного решения практических проблем данной деятельности. В частности, для достижения основных целей правотворчества, таких как юридическое оформление и закрепление правовых предписаний; конкретизация и совершенствование существующих норм права; своевременное устранение устаревших норм и т. д. Как справедливо отмечал И. Бентам, правотворческая деятельность «может быть подведена под следующие четыре рубрики: заботиться о средствах к существованию, обеспечить довольство, благоприятствовать равенству, сохранить безопасность» [1, с. 391]. Именно комплексный подход, учитывающий использование различных форм права как результатов правотворчества и зарубежного опыта, позволяет реализовывать эти «рубрики» и повышать качество правовой регламентации общественных отношений. В частности, представляется нецелесообразной постоянная ревизия действующего российского законодательства путем принятия большого количества новых законов. В то время как альтернативным вариантом было бы закрепление в законах лишь общих положений, которые можно конкретизировать (и менять) в подзаконных актах без увеличения числа законов. Недостаточно, на наш взгляд, используется во внутригосударственной системе и такой вид правотворчества, как договорное правотворчество. А между тем безусловным достоинством нормативного договора как формы права выступает согласование воли сторон данного соглашения, что в свою очередь обеспечивает в большинстве случаев добровольность его исполнения, не требующую использования мер государственного принуждения (что, к сожалению, нередко требуется для обеспечения реализации норм законов).

Применение разных видов правотворчества обуславливает и реализацию на практике основных принципов правотворческой деятельности, таких как демократизм, гуманизм, профессионализм, своевременность, практико-ориентированность и т. д. Так, например, принцип профессионализма высвечивает проблему того, что правотворцев (в отличие от судей, прокуроров и т. д.) не готовят в специальных юридических вузах; для них не разработаны министерские образовательные стандарты. И подготовка таких специалистов, если и ведется, то преимущественно в рамках отдельных юридических

дисциплин (например, на юридическом факультете ИвГУ читаются дисциплины «Механизм правотворчества» (на бакалавриате); «Теория и практика правотворчества» (в магистратуре)), или в рамках отдельных магистерских направлений (на юридическом факультете ИвГУ разрабатывается новая магистерская программа «Юрист в сфере правоприменения и правотворчества»). Это позволяет, но лишь в определенной мере, подготовить юристов, владеющих знаниями о правотворчестве в различных, в т. ч. сравнительно-правовых, аспектах, и обладающих практическими навыками именно правотворческой, а не узко законотворческой деятельности. Тем не менее проблема подготовки профессиональных правотворцев на настоящий момент до конца не решена и требует, несомненно, дальнейших разработок (см. об этом: [2]).

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на кажущуюся простоту понимания категории «правотворчество», нельзя трактовать её узко с позиций лишь одного вида правотворческой деятельности, одной формы права, одного типа правопонимания, одной правовой традиции. «Взгляд» на правотворчество, начиная со студенческой «скамьи» на юридических факультетах и заканчивая работой в правотворческих органах, должен быть широким, компаративистским. Только такой подход позволит достигнуть главного правотворческого результата — эффективного (полного, непротиворечивого) регулирования общественных отношений в интересах их участников.

Библиографический список

1. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3. Европа. Америка: XVII—XX вв. М.: Мысль, 1999. 829 с.
2. Нормрайтер как профессия. Материалы дискуссии. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М.: РГ-Пресс, 2019. 352 с.
3. *Придворов Н. А., Трофимов В. В.* Правообразование и правообразующие факторы в праве. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2012. 400 с.
4. Теория государства и права / под ред. Р. А. Ромашова. СПб.: Питер Пресс, 2005. 254 с.
5. *Madden M. S.* The Vital Common Law: Its Role in a Statutory Age // University of Arkansas at Little Rock Law Journal. 1996. Vol. 18. P. 555—557.

Сведения об авторе / Information about the author

Петрова Екатерина Алексеевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой сравнительного правоведения и правотворчества, доцент кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kate_petrova78@mail.ru

Petrova Ekaterina Alekseevna — Candidate of Law, Associate Professor, Chair of Comparative Legal Studies and Lawmaking, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kate_petrova78@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПРАВОТВОРЧЕСТВО И ДЕЛИБЕРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Научная проблема, решение которой представлено в настоящей работе, состоит в определении оптимального сочетания индивидуальных и коллективных методов выработки политико-правовых решений в современном крайне динамичном обществе. Задача работы состоит в том, чтобы выявить перспективы демократической разработки решений о применении технологий, заведомо превосходящих в своем развитии способности государства по контролю последствий такого развития. В ходе решения поставленной задачи применялись как общенаучные методы (метод системного анализа и синтеза), так и специфические социально-гуманитарные методы (метод мысленного эксперимента). Основные выводы: технологический прогресс вносит в политику фактор необратимости, т. е. историчности. Право — одно из средств ретроспективного описания социума, в котором уже выявлены некие закономерности. Правовое описание социума интегрирует в себе прагматический компонент истины и ее корреспондентное (аристотелевское) понимание. Модели делиберативных процедур должны строиться с учетом этого обстоятельства. В юридическом смысле распределенность знания социума о самом себе означает, что легитимирующие процедуры, идущие после процедур совещательных, не должны завершаться решениями, исключающими дальнейшие обсуждения и пересмотр правового режима. Тенденцией времени становится восприятие предмета правового регулирования как своего рода системы с внутренним жизненным циклом, отчего само регулирование приобретает экспериментальный и сугубо временный характер. Такой подход оправдан, поскольку под воздействием технологических новаций социум необратимым образом меняется, следовательно, нормативные дескрипции этого социума также должны меняться. Профессионализация регуляторной политики в этом случае заключается в как можно более точном определении параметров жизненного цикла для соответствующей системы.

Ключевые слова: правотворчество, принятие решений, регуляторная политика, цифровые технологии, социальный прогресс, делиберативная демократия.

М. А. Belyaev

DIGITAL TECHNOLOGIES, LAW-MAKING AND DELIBERATIVE PROCEDURES DECISION-MAKING

The scientific problem, the solution of which is presented in this work, consists in determining the optimal combination of individual and collective methods of developing political and legal decisions in a modern extremely dynamic society. The task of the work is to identify the prospects for the democratic development of decisions on the use of technologies that are superior in their development to the state's ability to control the consequences of such development. In the course of solving the problem, both general scientific methods (system analysis and synthesis) and specific social methods (thought experiment) were used. The main conclusions:

© Беляев М. А., 2022

Публикация подготовлена в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» Центра компетенций СОЦИОПРАВО.

• Серия «Естественные, общественные науки»

technological progress introduces the factor of irreversibility into politics. Law is one of the means of retrospective description of society, in which certain patterns have already been identified. The legal description of society integrates the pragmatic component of truth and its correspondent understanding. Models of deliberative procedures should be built with this circumstance in mind. In a legal sense, the distribution of society's knowledge about itself means that the legitimizing procedures that follow the deliberative procedures should not end with decisions that exclude further discussions and revision of the legal regime. The contemporary trend is the perception of the subject of legal regulation as a kind of system with an internal life cycle, which makes the regulation itself experimental and purely temporary. This approach is justified, since under the influence of technological innovations, society is irreversibly changing, therefore, the normative descriptions of this society must also change. Professionalization of the regulatory policy in this case consists in the most accurate determination of the life cycle parameters for the corresponding system.

Key words: lawmaking, decision-making, regulatory policy, digital technologies, social progress, deliberative democracy.

Введение

Взаимодействие технологических и политических процессов с точки зрения потребностей в правовом регулировании представляет собой актуальную научную проблему. Эта проблема не имеет единственного решения в силу равноправия аналитических перспектив. С одной стороны, технология может быть рассмотрена как основная сила, а политика — как контекст осуществления скрытых в той или иной технологии возможностей. С другой стороны, эту схему можно перевернуть, констатируя, что политические практики представляют собой ряд возможностей, которые могут быть усилены или, соответственно, ослаблены с помощью «продвинутых» компьютерных технологий. По-видимому, обе ситуации наличествуют в реальном мире и чередуются с той или иной степенью периодичности. Задача настоящей работы состоит в том, чтобы выявить перспективы выработки совместных правовых решений в условиях, когда возможности, вытекающие из новой технологии, заведомо превосходят способность государства по контролю последствий применения данной технологии. Естественно, наиболее репрезентативным примером для подобного рода рассуждений выступают технологии, связанные с высокоскоростной передачей данных, интернет-сетями, искусственным интеллектом (ИИ). Последний представляется наиболее интересным объектом рассмотрения, ведь «сильная» версия ИИ позволила бы считать агентом принятия решений машину или, если точнее, программу, в нее заложенную, а здесь уже налицо комплексная этико-правовая проблема, в решение которой окажутся втянутыми совершенно различные инстанции и эксперты. Но для целей настоящей работы алгоритмы ИИ будут упоминаться исключительно в качестве примера, а их детальному правовому анализу стоит посвятить отдельную работу или несколько.

Политика государства и технологический прогресс

Структурообразующая роль технологий была известна в эпоху Просвещения, и это, видимо, давало основания тому же Гегелю полагать, что действительность и разумность в исторической перспективе перестанут различаться. Тезис очевидный, ведь любая технология может быть воспроизведена неограниченное число раз на неограниченном числе устройств, т. е. технически понятому разуму пределов действительно нет. Ни сотовой связи,

ни смартфонов, ни «умных домов» великий немецкий диалектик не знал, но суть всякой технологии выразил с достаточной точностью. Устаревание же определенной технологии делает все практики с ее участием неразумными, но и сама технология со временем утрачивает актуальность, сыграв историческую роль в общем прогрессе, дав начало другой более разумной технологии. В природе таких метаморфоз нет, в человеческом мышлении — почти нет, а вот в социуме их сколько угодно. Между выражениями «технический прогресс» и «прогресс как таковой» можно поставить знак равенства.

Диалектически противоречивая и одновременно строго направленная сменяемость технологий означает, что регуляторная политика государства всегда должна быть готова, условно говоря, к неожиданным поворотам и сюрпризам. Право и его создатели никогда не могут заранее знать момент устаревания прежней технологии и всегда с опозданием фиксируют приход новой (чего нельзя сказать о макроэкономике, чьи показатели всегда отражают определенные тенденции, вопрос состоит лишь в правильной интерпретации этих признаков). В связи с этим какое-то время общественные отношения, опосредующие актуализацию открывшихся технических возможностей, существуют с нормативной точки зрения в некой «сумеречной зоне», где отчетливых норм еще нет, а потребность в социальном порядке уже имеется, поскольку прежнему порядку угрожает нарастающий хаос. Если понимать порядок как возможность установить между элементами множества некое отношение, то хаос опознается там, где эти элементы спонтанно меняют ранее установленное отношение или вообще как-то сопротивляются его фиксации.

Потребность в новом упорядочении возникает, с нашей точки зрения, в связи с необходимостью осуществлять селекцию и исключение среди пользователей технологии. Коль скоро нельзя допустить абсолютного фактического равенства в пользовании каким-либо новым технологическим инструментом, регулирование должно быть двуслойным: в юридическом слое обеспечивается принцип формального равенства, а в неформальном слое регулирования знающие лица (эксперты) господствуют над всеми остальными. Этим лицам не требуется издавать нормы посредством специальных процедур, довольно и того, что им заказывают исследования, где ставятся такие вопросы, ответы на которых — решение экспертов в последней инстанции. Эпистемические иерархии выстраиваются именно на неформальной, но широко известной основе. Известность — условие стабильности такой иерархии: если сообщество экспертов кого-либо из своего состава перестает рассматривать в качестве равного себе, он по причине забвения со стороны сообщества теряет уникальность своей позиции и все те возможности, которые этой позицией обусловлены.

К неравенству, возникающему по чисто познавательным причинам, добавляется никуда не исчезающее неравенство экономическое. Тут можно обнаружить два интересных факта: новые технологии стремительно дешевеют и в перспективе оказываются общедоступными, но регуляторные издержки могут довольно сильно расти. Причиной тому служит государственная политика, в ходе реализации которой компаниям предъявляются все более жесткие требования, касающиеся в основном безопасности данных (их накопления, хранения, передачи). Естественно, поставщики информационно-коммуникационных услуг перекладывают свои затраты на конечного потребителя, что вписывается в логику рынка и не может быть приостановлено в связи с реализацией надзорно-контрольными органами идей общего блага.

Из сказанного следует, что выработка комплексной политики государства по регулированию новых технологий требует не просто привлечения каких-либо экспертов в качестве консультантов при том или ином ведомстве, но четкого разделения труда между формальной и неформальной регулирующими системами. Обе эти системы должны обладать хорошо налаженными механизмами обратной связи, дабы умело корректировать свои стратегии, в т. ч. стратегии совместной работы.

Регулирование формальное и неформальное: трудности сочетания и реализации

За включение неформальных способов координации в формальную ткань права отвечают два инструмента: диспозитивные нормы, свойственные договорному праву, и делиберативные процедуры, свойственные (в ограниченном масштабе) публичному праву. Применение этих инструментов возможно и по отдельности, но в сочетании они могут быть значительно эффективнее.

Относительно диспозитивности проблем в применении, на первый взгляд, меньше, поскольку гражданское законодательство позволяет сторонам договора модифицировать его в той мере, в какой это не нарушает публичных интересов. Несмотря на то, что внедрение новых технологий с точки зрения теории не обязательно требует новых (в видовом отношении) обязательств, на практике именно так и происходит. От правового вакуума к смешанным договорам, от пробелов в праве к восполняющим судебным правовым позициям — в такой последовательности частное право осваивает новую предметную область. Но в публичном праве всё обстоит сложнее, т. к. здесь господствует субординация, вызванная политической и административной иерархиями. Если для частного права издержки неудачного регуляторного эксперимента падают лишь на стороны сделки и реже — на третьих лиц, то абстрактное по природе своей публичное право порождает всеобщие юридические обязанности, т. е. потенциально может нанести значительный вред обществу той или иной новацией, если в результате негативные последствия перевесят позитивные. Планируя правовое регулирование в области высоких технологий, органы исполнительной власти должны, следовательно, прогнозировать негативные эффекты и по возможности предупреждать их.

Ситуация в определенной мере осложнена тем, что ни об одной принципиально новой технологии заранее нельзя сказать, какой может быть мера свободы участников правоотношений, в ходе которых данная технология передается широкому кругу лиц. Это означает, что подлинно демократические решения должны быть корректируемы сообразно адаптации общества под новые технические возможности. Внешнее выражение корректируемого регулирования — это экспериментальные правовые режимы, т. е. нормы права, ограниченные определенным сроком действия, механизмом же их выработки должны стать публичные консультации гражданского общества, бизнеса и органов власти.

Как известно, публичные консультации некоторыми исследователями рассматриваются как одна из форм делиберативной демократии наряду со многими другими, например, референдумом, общим собранием граждан и иными формами [1, с. 155]. Совещательная демократия всегда расценивалась как эффективный способ застраховать политический процесс от генерации заведомо неправильных с точки зрения общего блага решений. Процедуры

обсуждения, при которых оппоненты должны достигать консенсуса, представляются пригодными для всех тех случаев, когда о возможных последствиях принятия нормативного правового акта проще составить представление, исходя из «мозгового штурма» или иного коллективного обсуждения, нежели просчитывая эти последствия научным способом [2, с. 297]. Достижимый в ходе таких процедур консенсус может как быть масштабируемым (распространяться и на те ситуации, которые возникли после проведения публичных консультаций), так и подлежать пересмотру. Проблема, однако, заключается в том, что ни одна консенсуальная процедура не ликвидирует того неравенства, о котором шла речь выше. Стоит привести некоторые обоснования данного утверждения.

Представим, что у нас имеется некая новая технология, позволяющая, например, в автоматическом режиме ставить медицинский диагноз (не уточняем, какие категории заболеваний охватываются этими алгоритмами, в идеале могут быть охвачены все возможные, но это не важно). В ходе испытаний алгоритмы показали себя достаточно надежными, по крайней мере, в среднем не хуже, чем, если бы диагноз ставил человек. От экспериментальной проверки алгоритма путь, очевидно, лежит к его производственному внедрению и широчайшей коммерциализации. Предположим, что и в массовом применении данный алгоритм также результативен. Тогда, конечно, потребность в человеческой работе, т. е. работе врача-диагноста по мере внедрения данной технологии в практику будет сокращаться. Соответственно, многие квалифицированные специалисты могут лишиться работы. Внедрение прогрессивных алгоритмов само по себе не снижает их квалификации, поскольку остается возможность обучать машины, контролировать их действия и т. д. Но проблема в том, что для этих задач не нужно столько профессионалов. А вот все, кому не посчастливилось найти для себя возможность работать при новой расстановке сил, должны уйти. В повышение социальной напряженности вносит свой вклад и то обстоятельство, что безработные врачи вряд ли захотят переучиваться, дабы научиться выполнять иные трудовые функции: для этого они слишком высоко себя ценят, что, кстати, абсолютно нормально.

Возможен ли конструктивный выход из этой ситуации, в особенности, если государство намерено принимать решения, опираясь на мнения всех заинтересованных сторон? Очевидно, что если сообщество врачей достаточно хорошо умеет защищать свои интересы, его представители смогут выработать общую позицию, на основании которой они — как эксперты — будут отрицательно оценивать перспективы автоматизированной постановки диагнозов. Эта оценка будет иметь значение, если у публичной власти сформируется соответствующий запрос на рациональное обоснованное мнение. Трудность реализации демократической процедуры обоснования решения состоит в том, что о ситуации просят высказаться тех, кто оказался непосредственно вовлечен в нее, других же экспертов, способных на таком же уровне оценить пользу и вред от новой технологии, не существует, т. к. никто не профессионален в той же степени. В таком случае уже нельзя сказать, что есть какие-то сомнения в объективности экспертного мнения, напротив, нет никакого сомнения в его предвзятом характере. Другими словами, определенная степень социальной солидарности превращает экспертов в сторонников прагматической концепции истины, предполагающей, что истинно то, что полезно данному сообществу, а то, что вредно для сообщества, ложно. Господство такой установки отнюдь не способствует действительному интересу

к изучению новых машинных возможностей, но если он все же возникнет, социального значения это не будет иметь по вполне ясной причине. Однако, от сообщества врачей власть и не ожидает эмпатического проникновения в суть технологии и размышлений на эту тему. Но необходимо быть готовым к двусмысленному характеру соответствующей аргументации.

Продолжим развивать придуманную, но вполне возможную ситуацию. В ходе внедрения нового алгоритма вытесненными из употребления окажутся прежние медицинские технологии (те из них, которые будут превзойдены новой), а это — уже значимые потери для инвесторов. С другой стороны, капитал — субстанция подвижная, и постепенно средства будут перераспределяться через рыночные механизмы, так что в итоге какая-то часть предпринимательского сообщества выступит с решительной поддержкой новой технологии, а другая часть, видимо, останется их оппонентами. Причины и того, и другого — экономические. Обсуждение этих вопросов с участием представителей бизнеса, как мы понимаем, также не избавляет нас от двусмысленных экспертных оценок.

Таким образом, главная трудность публичных обсуждений того, можно ли пустить новую медицинскую цифровую технологию в массовое употребление, состоит не в том, что она представляет собой какую-либо действительную угрозу праву человека на жизнь (естественному и неотчуждаемому праву), а в том, что этой правовой аргументацией можно скрыть реальные корпоративные или экономические интересы, не имеющие ничего общего ни с понятием права, ни с понятием истины. Иными словами, делиберативный механизм может быть использован для грандиозной фальсификации, своего рода конвейерного производства «превращенных форм сознания» (выражение М. К. Мамардашвили). Регуляторная политика в этих условиях вынуждена изобретать какой-то оригинальный способ решить проблему, особенно в тех случаях, когда государство не способно отыскать экспертов, которые не будут иметь собственного интереса и смогут предоставить объективные данные о достоинствах и недостатках новой технологии. По мере дальнейшего технического развития таких специалистов будет все меньше и меньше.

При этом широкое обсуждение все же имеет и положительные последствия — раз есть сторона (стороны) коммуникации, с чьей точки зрения под угрозой оказывается некое фундаментальное субъективное право, то найдется и оппонент или несколько, с чьей точки зрения нарушения прав отсутствуют. Но любое решение может быть принято только после сопоставления предъявленных доводов, значит, публичные обсуждения крайне важны для власти, ведь они помогают ей в конечном итоге легитимировать принимаемые решения. Коль скоро доводы предлагаются представителями гражданского общества — в широком смысле этого слова, то даже амбивалентное поведение власти может объясняться со ссылками на справедливость и другие ценности [3, с. 348]. Для всякого решения может быть найден значимый аргумент в его пользу, хотя ни один аргумент не является решающим, поскольку по молчаливому согласию лишь государство имеет полное право судить о чем-либо с позиции общего блага, сопровождая данное суждение учреждением какого-либо правового режима (разрешительного, запретительного или смешанного).

Заключение

Необходимо отметить, что технологический прогресс вносит в политику фактор необратимости, т. е. историчности. Право — одно из средств ретроспективного описания социума, в котором уже выявлены некие закономерности. Когда власть учреждает правовой режим, она констатирует, что существует ясная политическая воля на рациональную реконструкцию «коллективного жизненного мира» именно в тех нормативных суждениях, которые учреждаются в качестве общеобязательных. В каком-то смысле правовое описание социума интегрирует в себе, с одной стороны, прагматический компонент истины, поскольку компромисс между многими субъектами все же достигнут, и, с другой стороны, корреспондентное понимание истины, поскольку должностования, обязанности и запреты — единственное, что вносит порядок в общесоциальный хаос — таковы, какие есть, а не иные, т. е. определены достаточно точно и пребывают в соответствии сами себе. Модели делиберативных процедур, следовательно, должны опираться на законы эпистемической многоагентной логики, коль скоро речь идет о коллективном распределенном знании и его постоянном воспроизводстве. В юридическом смысле распределенность коллективного знания означает, что легитимирующие процедуры, всегда идущие после процедур совещательных, не должны завершаться решениями, исключающими дальнейшие обсуждения и пересмотр правового режима. Знаковой тенденцией нашего времени становится восприятие предмета правового регулирования как своего рода системы с внутренним жизненным циклом, отчего само регулирование приобретает экспериментальный и сугубо временный характер. По-видимому, такой подход оправдан, поскольку под воздействием технологических новаций социум необратимым образом меняется, следовательно, нормативные дескрипции этого социума также должны меняться. Профессионализация регуляторной политики в этом случае заключается в как можно более точном определении параметров жизненного цикла для соответствующей системы.

Библиографический список

1. *Линде А. Н.* Концепция делиберативной демократии Ю. Хабермаса в контексте современной теории политической коммуникации (теоретико-методологический анализ): дис. ... канд. полит. наук. М., 2017.
2. *Aora S., Cason T. N.* An Experiment in Voluntary Regulation: Participation in EPA's 33/50 Program // *Journal of Environmental Economics and Management*. 1995. Vol. 28 (3).
3. *Chambers S.* Rhetoric and the Public Sphere. Has Deliberative Democracy Abandoned Mass Democracy? // *Political Theory*. 2009. Vol. 37 (3).

Сведения об авторе / Information about the author

Беляев Максим Александрович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, yurist84@inbox.ru

Beliaev Maksim Aleksandrovich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Law (Kutafin), Moscow, Russia, yurist84@inbox.ru

А. В. Скоробогатов

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена исследованию категории правоприменения, выявлению ее места в функционировании и развитии правовой реальности. На основе постклассической методологии сделан вывод, что правоприменение занимает особое место в структуре правовой реальности, являясь не только юридической, но и философской категорией. В юридическом смысле правоприменение следует рассматривать как форму правореализации, связанную с властной реализацией юридических норм и принципов. Оно является объективно необходимой, социально значимой юридической деятельностью, направленной на выполнение, использование, охрану и защиту норм права. Правоприменение необходимо в тех случаях, когда без вмешательства специально-уполномоченных органов соответствующие права и обязанности субъектов не могут быть реализованы. В философском смысле правоприменение выступает как ценностное средство государственно-правового воздействия на общественные отношения, способ осуществления взаимосвязи между различными структурными, темпоральными и пространственными компонентами правовой реальности. Социальная потребность правоприменения обусловлена необходимостью организации и упорядочения общественных отношений на определенной системе правовых ценностей, сконструированных государством. Эта юридическая категория обеспечивает направление, стимулирование и организацию поведения участников правоотношений, является способом правовой коммуникации вертикальной направленности, детерминирующей правовое поведение. Правоприменение является единственным средством реализации государственного принуждения в процессе правового регулирования и призвано не только оказывать непосредственное влияние на конструирование выгодной и удобной государству правовой реальности, но и устранять коллизии между содержанием и реализацией юридической нормы и правовым поведением. Благодаря правоприменению обеспечивается ценностная гармонизация и обеспечение стабильности правовой реальности.

Ключевые слова: правоприменение, правореализация, правовая реальность, постклассическая рациональность, аксиология права, правовая ценность, правовое поведение, правосознание, правовая социализация, конкретизация права.

А. В. Skorobogatov

LAW ENFORCEMENT IN THE AXIOLOGICAL ASPECT

The article is devoted to the study of the category of law enforcement, identifying its place in the functioning and development of law reality. Based on postclassical methodology, it is concluded that law enforcement occupies a special place in the structure of law reality, being not only a legal, but also a philosophical category. In a legal sense, law enforcement should be considered as a form of law realization associated with an imperious implementation of legal norms and principles. It is an objectively necessary, socially significant law activity aimed at the law realization, use, security and protection of the rule of law. Law enforcement is necessary

in cases where the relevant rights and obligations of the subjects cannot be realized without an intervention of specially authorized bodies. In a philosophical sense, law enforcement acts as a valuable means of state-legal influence on social relations, a way of implementing the relationship between various structural, temporal and spatial components of law reality. The social need for law enforcement is due to the need to organize and streamline public relations on a certain system of law values, constructed by the state. This legal category provides direction, stimulation and organization of the behavior of participants in law relations, is a method of vertical law communication that determines law behavior. Law enforcement is the only means of implementing state coercion in the process of legal regulation and is intended not only to have a direct impact on the construction of a law reality that is beneficial and pleasing to the state, but also to eliminate conflicts between the content and implementation of a legal norm and law behavior. Due to law enforcement, value harmonization and stability of law reality are ensured.

Key words: law enforcement, law realization, law reality, postclassical rationality, axiology of law, law value, law behavior, law consciousness, law socialization, concretization of law.

Введение

Правовое развитие России характеризуется транзитивностью, преодоление которой является важнейшей задачей государства. Составной частью решения этой задачи выступает повышение эффективности правового регулирования. Это должно осуществляться не только в форме стандартизации внешних средств выражения юридических текстов, особенно, имеющих официальный характер, но и в неменьшей степени путем повышения качества правоприменения [21, с. 81—89; 22, с. 9—14], что позволяет придать деонтологическому образу правовой реальности, сконструированному в законодательстве онтологический характер. Однако это невозможно осуществить исключительно институционально, без учета ценностных оснований правовой жизни [18, с. 522—529].

Традиционно в отечественной юридической литературе правоприменение рассматривается как управленческая, государственно-властная, организующая деятельность компетентных субъектов права с целью реализации юридических норм и воздействия на правовое поведение субъектов права путем принятия индивидуально-конкретизированных предписаний [24, с. 146—156]. Однако это явление существенно более сложное и может рассматриваться не только на онтологическом, но и аксиологическом уровне.

Для исследования правоприменения как комплексного социально-правового явления наиболее целесообразно использовать разработанный в рамках постклассической рациональности коммуникативный подход, в основе которого лежат идеи Ю. Хабермаса [31, р. 1—464], адаптированные к правовой реальности России А. В. Поляковым [16, с. 1—575] и делающие акцент на том, что право рассматривается как оформленное специфическими правовыми текстами взаимодействие субъектов права, которые обладают взаимобусловленными правомочностями и обязанностями.

Понятие правоприменения

Устанавливая права и обязанности индивида в конкретной правовой ситуации, правоприменение предусматривает формирование установки на совершение субъектом права действий, выгодных и угодных государству.

Однако правоприменением предусматривается не только осуществление субъектом полномочий, предоставленных государством, путем принятия индивидуальных предписаний, но и подведение конкретного жизненного случая под общую юридическую норму (выступающую эталоном правомерного поведения) и решение на ее основе реальной правовой ситуации. Тем самым правоприменение выступает связующим звеном между правотворчеством (как уровнем правовой реальности, основанным на нормативном регулировании), и правореализацией (как уровнем правовой реальности, основанным на индивидуальном регулировании). Именно благодаря правоприменению позитивное (государственно установленное право) способно оказывать ценностное воздействие на правовое поведение индивида [14, с. 1—304], наряду с социальным и индивидуальным правом. Это позволяет рассматривать правоприменение как специфичный вариант социального правового опыта.

Анализируя правоприменение как особый способ реализации права в духе идей А. С. Пиголкина, необходимо отметить, что, кроме выделяемых им отличий от других способов категоричности, односторонности, обязательности и охрана принудительной силой государства [15, с. 18], существенным отличием также является основанность на императивном методе правового регулирования. Субъекту предоставляется лишь один вариант правильного поведения, ценностные требования к которому сформулированы государством. Лишь этот вариант правового поведения будет правомерным. Любое отклонение от заданного эталона будет восприниматься как правонарушение. Однако вопрос о неправомерности действий индивида решается не априори, а именно в правоприменительной деятельности. При этом правоприменитель не просто формально соотносит содержание деяния с закрепленным в норме эталоном правового поведения, но и определяет их ценностную корреляцию. Именно последняя позволяет говорить не только о форме действий субъекта права, но и о качестве. Определение правового поведения индивида в качестве социально активного или, напротив, преступного невозможно без оценки мотивации действий человека в правовой реальности, на которую и направлено правоприменение [12, с. 110—120].

В этом смысле правоприменение связывает юридическую норму с реализацией права и правовым поведением. Правоприменение предусматривает обязательное участие компетентных органов, наделенных властной компетенцией, и обеспечивает воплощение в жизнь требований юридических норм [9, с. 39—43]. Государство с помощью правоприменения организует, упорядочивает общественные отношения. Выступая от имени государства, компетентный орган принимает решение по делу на основе юридической нормы, но с учетом особенностей фактических обстоятельств дела, имеющих не только юридический, но и социально-ценностный характер [1, с. 37—61]. Поведение субъектов, реализующих юридическую норму, опосредствуется путем определения государственным органом конкретных прав и обязанностей этих субъектов не только в рамках применяемой нормы, но и в общем ценностном пространстве конструируемого ею правового пространства [26, с. 76—79].

Цель правоприменения можно определить как реализацию юридических норм путем принятия индивидуально-конкретизированных предписаний, направленных на ценностную гармонизацию правовой реальности. Именно в процессе правоприменения в наибольшей степени проявляется не только юридическая эффективность норм позитивного (государственно установленного) права, но и социальная, их корреляция с правовыми ценностями

[28, р. 3—32]. В случае несоответствия юридической нормы и социальной системы правовых ценностей правоприменитель, руководствуясь своей совестью и чувством справедливости (ценностно ориентированным компонентом правосознания) способен скорректировать ситуацию, минимизировать ее конфликтность и обеспечить поддержание не только правового, но и социального порядка [5, с. 123—128].

Юридическая природа правоприменения

Правоприменение, как управленческая по характеру деятельность, наряду с правотворчеством является одним из средств государственно-правового воздействия на общественные отношения с целью их регулирования и установления единства или гармонизации всех уровней правовой реальности. Осуществление его исключительно субъектами, наделенными властными полномочиями и в пределах их полномочий, закрепленных нормативно, свидетельствует о государственно-властном характере правоприменения [17, с. 193—198]. Именно это обуславливает исключительную роль правоприменения в формировании выгодной и угодной государству правовой реальности [30, р. 267—295]. Однако это воздействие осуществляется не только нормативно и институционально, но и когнитивно. Именно последний аспект воздействия в наибольшей степени включает ценностную составляющую, позволяющую при вынесении правоприменительного решения интегрировать содержание юридических норм и правовых ценностей и создать текст социально-правовой направленности, который будет обеспечивать реализацию государственной воли с минимально возможной степенью принуждения не только в отношении конкретного адресата правоприменительного решения, но и по отношению к иным субъектам правового регулирования.

Будучи организационной деятельностью уполномоченных субъектов, правоприменение нацелено на развитие отношений между субъектами права не только в нормативно установленных пределах, но и в едином ценностном пространстве правовой реальности. Оно призвано оказывать воздействие на правовое поведение индивида как в конфликтных ситуациях, стремясь к их разрешению и формированию бесконфликтной системы социального взаимодействия, так и при обеспечении правового поведения индивида правомерно-го характера.

В последнем случае правоприменение предусматривает принятие конкретизированных и индивидуализированных властных предписаний, которые определяют субъективные права и обязанности адресатов предписаний, и обеспечивают их фактическую реализацию адресатами. Таким образом достигается индивидуализация, персонификация юридических норм [2, с. 14] и обеспечивается их ценностное влияние на формирование и функционирование правовой реальности.

Поскольку правоприменение осуществляется на основе действующего законодательства и в его пределах, в том числе и в случаях применения юридической нормы по аналогии, оно имеет подзаконный (поднормативный) характер.

Однако правоприменитель при этом не ограничен в своих действиях исключительно юридической нормой, имея свободу усмотрения. Возможность усмотрения в процессе правоприменения представляет собой субъектно детерминированный и осуществляемый на основании внутреннего убеждения выбор оптимального правоприменительного решения по конкретному

юридическому делу, направленный на защиту прав и законных интересов личности, общества и государства, достижение социальной и юридической эффективности позитивного права и осуществляемый в пределах, установленных законом. При этом правоприменитель руководствуется системой правовых ценностей, которые сформировались в его правосознании в процессе правовой социализации.

Возможность усмотрения при принятии решения способствует присутствию в правоприменении не только юридического, но и социально-правового начала. Благодаря этому, в процессе правоприменения существует возможность ценностной интерпретации юридической нормы применительно к конкретной ситуации, что дает возможность преодолеть возможный конфликт между позитивным правом и правовой жизнью.

Правоприменение имеет специфичную связь с правотворчеством. Органы правотворчества закладывают в правовую реальность общую программу правового поведения (правила, нормы, эталоны) с целью трансформировать это поведение в правомерное, в то время как органы правоприменения призваны обеспечить приведение в жизнь этой программы, конкретизировав нормативные эталоны применительно к конкретным обстоятельствам с целью оценки их правомерности. Исходя из этого можно заключить, что правотворчество (как нормативный уровень правового регулирования) и правоприменение (как индивидуальный уровень правового регулирования) соотносятся как возможность и действительность не только онтологически, но и аксиологически.

В процессе правообразования государство не только аккумулирует общесоциальные (моральные, этические, политические) позитивы (осуществляет правосанкционирование), но и конструирует новые правовые ценности [13, с. 150], воздействуя на сознание и поведение людей, «навязывая» им определенные образцы поведения, которые, по мнению референтных групп, в наибольшей степени позволяют реализовать государственные и общесоциальные интересы (осуществляет правотворчество). Тем самым государство получает возможность не только определять правовые ориентиры, но и сконструировать субъекта права, уровень правосознания которого определяется именно отношением к позитивному праву и наличием ценностных ориентаций на совершение действий, обусловленных законодательством [8, с. 196—209]. В процессе правореализации такой индивид не только осуществляет правовые действия, детерминированные юридическими нормами, но и обеспечивает поддержание правопорядка как основы режима законности. В зависимости от правового статуса индивида эти действия могут выступать не только правоприменением (при котором существует не только возможность, но и обязанность осуществлять принуждение по отношению как к себе, так и к иным субъектам права), но и соблюдением, исполнением и использованием, не предполагающие внешнего принуждения.

Социальный контекст правоприменения

Государство как социальная система может полноценно функционировать при наличии не только юридических, но и социальных факторов. Правотворчество, будучи предопределено разнообразностью интересов и потребностей участников правовой коммуникации, необходимостью их урегулирования (при вертикальной коммуникации) и согласования (в случае

горизонтальной коммуникации), нормативно определяет цель, структуру и порядок функционирования общества [32, S. 181—206], но только в процессе правореализации, и прежде всего правоприменения эти конструкты трансформируются в социальную действительность. При этом позитивное право может конструировать не только позитивные блага, но и негативные, связанные с ограничением или запретом на совершение действий, которые могут препятствовать осуществлению нормативно закрепленных правил в жизнь. Однако соблюдение правовых запретов опосредовано не только государственным принуждением, но и социальными установками на осуществление запретительных действий, которые воспринимаются в качестве необходимого условия совершения правомерных действий. Фактически государство, устанавливая запреты, выступает в качестве ценностной системы противодействия социальному злу. Однако осознание этого факта в общественной среде зависит не только от уровня правовой культуры, но и от степени демократичности государства, учета им не только узкогрупповых интересов политической элиты, но и широких социальных потребностей. В последнем случае создаваемый государством механизм правового регулирования фактически тождественен механизму правового воздействия, поскольку ориентирован не только на поведение, но и сознание субъектов правоотношений.

Конструирование государством правовой реальности [25, с. 49—50] предполагает создание особого правоприменительного аппарата для проведения в жизнь позитивных интересов и препятствию негативным действиям субъектов. Однако правоприменение связано не только с применением принуждения для проведения в жизнь государственных интересов, но и обеспечивает воплощение в действительность нормативных установлений. В процессе правоприменения происходит целенаправленная борьба с возможными проявлениями зла, которое исходит только от человека, но и от природы, преодолевая не только социальные, но и физические факторы, противодействующие поступательному развитию правовой реальности. Благодаря этому, правоприменение является не просто субстанциональной частью правовой и социальной реальности, но и способом организации и интерпретации отдельных аспектов социального бытия в правовой коммуникации вертикальной направленности.

Однако правоприменение связано не только с властной деятельностью государственных органов, но и призвано разрешать правовые конфликты между иными субъектами права [27, с. 7]. Оно оказывает влияние не только на публичную, но и на частную сферу, которая связана как с правореализацией, так и с правовым поведением. Именно благодаря правоприменению различия между правореализацией и правовым поведением могут быть минимизированы настолько, что станут несущественными, т. е. произойдет максимальная гармонизация всех уровней правовой реальности.

Несмотря на то, что право может преследовать различные цели, детерминированные уровнем социального и политического развития общества: справедливость (Р. Ципелиус [33, S. 1—98]), равная свобода и уважение (Р. Дворкин [29, р. 1—488]), объективно предопределенные потребности индивида, общества или его групп (П. Рабинович [19, с. 8—12]) и т. д., правоприменение всегда выступает в качестве средства достижения определенной индивидуально или общественно полезной цели. Однако будучи обусловленным обстоятельствами конкретного дела, правоприменительное решение имеет субъективный характер, лишь отражая и конкретизируя объективное право по отношению к сознанию и поведению конкретных субъектов.

Задача правоприменителя при этом заключается в том, чтобы не только применить нормы позитивного права к конкретному делу, но и сделать это с учетом закономерностей разрешения конфликтов в социальной среде [10, с. 244—245]. Следовательно, роль норм позитивного права заключается, прежде всего, в том, что они конструируют ценностный ориентир, определяющий направление правоприменительного решения. Однако данная закономерность имеет не универсальный характер, а обусловлена национальными правовыми традициями, прежде всего, ролью административных и судебных органов в правотворчестве. Чем больше правоприменители участвуют в правотворчестве, тем в большей степени они оказывают ценностное воздействие на правовую реальность, что характерно для стран, принадлежащих к англо-американской правовой семье. В тоже время для континентальной правовой традиции ценностные ориентации правоприменителя в значительной степени обусловлены не социальными, а юридическими факторами, поскольку они выступают, прежде всего, как представители государства, как субъекты, призванные транслировать в социальную среду юридические ценности, сформулированные в нормах позитивного права.

Благодаря правоприменению правовые ценности, воплощенные не только в нормах права, но и правовых принципах получают возможность воплощения в жизнь, оказывая воздействие не только в правовой коммуникации горизонтального характера на ценностные ориентиры правоприменителей как единой номинальной социальной группы, но и вертикальной направленности. В последнем случае правоприменитель выступает в качестве ретранслятора правовых ценностей, оказывая воздействие на сознание и поведения субъектов права, стремясь к утверждению в социальной среде ценностных ориентиров, которые могли бы обеспечить максимально бесконфликтное сосуществование и минимизировать необходимость государственного принуждения, как одной из форм принудительного осуществления вертикальной правовой коммуникации [20, с. 15—24].

Не только ценностная, но и институциональная ориентация правоприменения на государство обуславливает необходимость его беспристрастности, хотя и не означает полное устранение волевого элемента из этого процесса. При правоприменении должен быть соблюден стандарт законности, то есть субъект правоприменения должен оценить: (а) выдано ли предписание или осуществлено действие в установленном порядке; (б) выдано ли предписание компетентным (уполномоченным) субъектом; (в) допускается или не допускается нарушения прав человека при реализации применяемой юридической нормы, чем ценностно обусловлено возможное нарушение (ограничение) прав человека. С этим связана необходимость соблюдения стандартов правовой определенности в процессе правоприменения [7, с. 66—69]. Субъект правоприменения должен не только иметь возможность, но и обязан предусмотреть конечный результат правоприменения в контексте не только его следования законодательству и обеспечения правопорядка, но и в соответствии с системой правовых ценностей социального характера.

Субъективный фактор в правоприменении

Правоприменение напрямую зависит не только от социального, но и индивидуального правового опыта конкретного субъекта. Именно благодаря правовому опыту усмотрение правоприменителя, субъективное по форме становится intersубъективным по ценностному содержанию [23, с. 137—143]. Это

обуславливает обращение к предыдущей практике разрешения аналогичных дел. Однако, если в англо-американской правовой семье речь идет о принятии решения по аналогии, то в континентальной семье судебная практика выступает средством ценностного упорядочивания системы решений. Тем самым правоприменитель, разрешая конкретную коллизию, принимает решение, ориентированное на воздействие не только на конкретных субъектов конфликта, но и на всех субъектов права. Поэтому совершенно неслучайно, что судебный процесс носит открытый характер, выполняя не только регулятивно-охранительную функцию, но и воспитательно-просветительную и ценностно-ориентирующую.

Отсутствие у правоприменителя возможности для усмотрения по конкретному делу (что случается, когда закон слишком «жесток») вызывает ограниченность правового регулирования, несовместимую с демократическим пониманием права как воплощением социальной справедливости [4, с. 16—20]. Несмотря на нормативную определенность, текст формальных источников права может предполагать различные интерпретации, обусловленные не только правосознанием правоприменителя, но и особенностями обстоятельств, в которых применяется та или иная норма. В этой ситуации задачей правоприменителя становится выбрать лучшую из возможных интерпретаций нормы, руководствуясь именно своим правовым опытом, но с учетом минимизации противоречий принимаемого решения с господствующей системой правовых ценностей. Интерпретация нормы позитивного права правоприменителем связана не только тем, какой смысл в нее вкладывал законодатель в процессе конструирования, но и системой правовых ценностей, распространенных в обществе и судебном сообществе. Хотя воля законодателя должна служить отправной точкой для герменевтических усилий правоприменителя, конкретное решение будет основано не только на тексте формального права, но и ценностных ориентирах позитивной и(или) социальной направленности.

Большую роль в процессе правоприменения играет профессиональное правосознание осуществляющих его лиц. При этом мы исходим из того, что правосознание состоит из двух взаимосвязанных компонентов: правового сознания (совокупность правовых знаний, представлений и оценочных суждений индивида по отношению к правовым явлениям, находящимся на различных уровнях правовой реальности) и правовой ментальности (исторически сложившаяся, специфическая, наиболее типичная и устойчивая для определенного общества или локального сообщества система мировоззренческих представлений о праве и правовой реальности, оценки и реагирования на прошлые, настоящие и будущие правоотношения) [11, с. 8—21]. В процессе правоприменения правовая ментальность будет представлять собой правовые знания, ценности и установки номинальной профессиональной группы, а правовое сознание совокупность знаний, представлений и ценностных суждений индивида в соответствии с ценностными установками реальной профессиональной группы.

Формирование профессионального правосознания правоприменителей осуществляется в процессе вторичной правовой социализации, т.е. в процессе овладения индивидом правовых норм, принципов и ценностей определенной социальной группы (реальной и номинальной), позволяющий ему стать актором правовой реальности [6, с. 1583—1590].

В ходе вторичной правовой социализации индивид идентифицирует себя как с номинальной социальной группой (профессиональным сообществом, например, судебным), так и с реальной группой правоприменителей (например, составом суда). В процессе правовой адаптации индивид приспосабливается к внешним условиям существования, развития и функционирования избранного профессионального сообщества путем восприятия вербальных и невербальных символов деятельности, формирования установок на осуществление действий, соответствующих нормам, ценностям и установкам данного сообщества. Интериоризация в этом случае будет представлять собой не только усвоение процессуальных и процедурных правил, но и воспроизводство их на практике не столько в контексте нормы, сколько с учетом максимального соответствия своих поступков деяниям реальной группы. Это достигается благодаря правовой аккультурации, в процессе которой индивид воспринимает правовые ценности профессионального сообщества [3, с. 94—99].

Результатом вторичной правовой социализации является идентификация индивида с определенным профессиональным юридическим сообществом (реальной и номинальной профессиональной группой). Поскольку этот процесс носит активный характер и обусловлен стремлением индивида не к формальной, а к реальной правовой аккультурации, происходит его когнитивная корреляция со знаниями, ценностями и установками реальной профессиональной группы, а через нее с номинальным профессиональным сообществом. Благодаря этому, профессиональная деятельность индивида становится органичным продолжением его правосознания, что способствует тождеству правомерного и правового поведения субъекта. В этом процессе большое место занимает корреляция интерпретации юридической нормы и справедливости и их органичное сочетание в профессиональной деятельности как процессуально (в процессе вынесения решения), так и материально (в тексте сформулированного решения).

Заключение

Таким образом, правоприменение занимает особое место в структуре правовой реальности. Его следует рассматривать не только как форму право-реализации, связанную с властной реализацией юридических норм и принципов, но и как ценностное средство государственно-правового воздействия на общественные отношения, способ осуществления взаимосвязи между различными структурными, темпоральными и пространственными компонентами правовой реальности. Правоприменение является единственным средством реализации государственного принуждения в процессе правового регулирования и призвано не только оказывать непосредственное влияние на конструирование выгодной и угодной государству правовой реальности, но и сглаживать коллизии между содержанием и реализацией юридической нормы и правовым поведением, тем самым способствуя ценностной гармонизации правовой реальности.

Библиографический список

1. Агагомедова С. А. Аксиологические основы государственного контроля и надзора // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 37—61. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.1.37.61.

2. Александров Н. Г. Применение норм советского социалистического права. М.: Госюриздат, 1958. 40 с.
3. Белик М. А., Рябцев Г. В. Правовая социализация и правовая инкультурация личности // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 4. С. 94—99.
4. Бойко Д. В. Правоприменительное усмотрение, законность и произвол // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 16—20.
5. Боруленков Ю. П. Юридическое познание и усмотрение правоприменителя // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5 (16). С. 123—128.
6. Гуляихин Н. Н. Вторичная правовая социализация человека // Право и политика. 2011. № 9 (141). С. 1583—1590.
7. Егоров К. И. Правоприменение как разновидность юридического процесса // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 66—69.
8. Залоило М. В., Пащенко Д. А. Национальный правовой порядок России в условиях цифровизации // Вестник Санктпетербургского университета. Право. 2019. Т. 10. Вып. 2. С. 196—209. DOI: 10.21638/spbu14.2019.201.
9. Захаров А. А. Современные проблемы правоприменения: опыт структурно—функционального анализа // История государства и права. 2009. № 5. С. 39—43.
10. Каранетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М.: Статут, 2010. 308 с.
11. Краснов А. В., Скоробогатов А. В. Роль правосознания в развитии правовой реальности // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 2 (11). С. 18—21.
12. Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права / науч. ред.: Волков Б. С. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 144 с.
13. Мурашко Л. О. Аксиологическое измерение процесса правообразования. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.
14. Панченко В. Ю. Современное правопонимание и правоприменение // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2012. № 4 (33). С. 6—9.
15. Пиголкин А. С. Понятие правоприменения и его место в механизме социального регулирования // Правоприменение в советском государстве / Болдырев Е. В., Братусь С. Н., Венгеров А. Б. и др.; отв. ред.: Кузнецов И. Н., Самощенко И. С. М.: Юрид. дит., 1985. С. 5—38.
16. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс. 2014. 575 с.
17. Пронина М. П. Особенности правоприменения в уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 193—198.
18. Пучков О. А. Идея права как непознанный феномен правоприменения // Вестник Удмуртского университета. 2019. Т. 29, вып. 4. С. 522—529.
19. Рабинович П. М. Социалистическое право как ценность. Львов: Вища шк. Изд-во при Львов. ун-те, 1985. 167 с.
20. Скоробогатов А. В. Правовая ценность как юридическая категория // Правовая культура. 2017. № 3 (30). С. 15—24.
21. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Индивидуальное право как основа правового поведения индивида // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 1. С. 81—89.
22. Скоробогатов А. В., Юсупов А. А. Неофициальное право в контексте правового поведения // История государства и права. 2018. № 8. С. 9—14. DOI 10/18572/1812-3805-2018-8-9-14.
23. Судебная практика в правовой системе России: научные очерки / Т. В. Губаева, Д. Б. Миинигулова, А. В. Скоробогатов и др.; под ред. Т. В. Губаевой, А. В. Краснова. М.: РГУП, 2021. 160 с.
24. Тонков Е. Е., Коваленко В. И., Пожарова Л. А. Правоприменение как способ реализации юридических норм // Научные ведомости. Сер.: Философия. Социология. Право. 2012. Т. 2 (121), вып. 19. С. 146—156.

25. *Честнов И. Л.* Конструирование социальной и правовой реальности: к формированию неантологической антологии права // Платон. 2012. № 1. С. 45—51.
26. *Честнов И. Л.* Теоретические проблемы правоприменения // Криминалистика. 2015. № 2 (17). С. 76—79.
27. *Чулюкин И. Л.* Социальные конфликты и применение права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. 24 с.
28. *Basedow Jü.* The Multiple Facets of Law Enforcement // Estrázulas N. E., Arroyo D. P. F. (ed.) Enforcement and Effectiveness of the Law — La mise en oeuvre et l'effectivité du droit: General Contributions of the Montevideo Thematic Congress — Contributions générales du Congrès thématique de Montevideo. Cham: Springer, 2018. P. 3—32.
29. *Dworkin R.* Law's Empire. London: Fontana, 1986. 488 p.
30. *Garoupa N.* The Theory of Optimal Law Enforcement // Journal of Economic Surveys. 1997. Vol. 11. Iss. 3. P. 267—295.
31. *Habermas Jü.* The theory of communicative action. Vol. 2: Lifeworld and system: a critique of functionalist reason / transl. Th. McCarthy. Boston: Beacon Press, 1987. 464 p.
32. *Krawietz W.* Juridische Kommunikation im modernen Rechtssystem in rechtstheoretischer Perspektive // Brugger W., Neumann U., Kirste S. (Hg.). Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert. Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag, 2008. S. 181—206.
33. *Zippelius R.* Juristische Methodenlehre. 12. Auf. München: C. H. Beck (Verlag), 2021. XIV, 98 S.

Сведения об авторе / Information about the author

Скоробогатов Андрей Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)», Казань, Россия, av.skorobogatov@mail.ru

Skorobogatov Andrei Valer'evich — Doctor of Science (History), Professor, Innovative University, Kazan', Kazan', Russia, av.skorobogatov@mail.ru

*И. Ф. Мачин***СУДЬЯ БОЛЬШЕ ЧЕМ ЮРИСТ: ИНТРОСПЕКЦИИ
БЕНЖАМИНА КАРДОЗО И КАРЛОСА КОССИО**

Важнейшим признаком современного правового государства является независимая судебная власть. Это власть должна быть независимой, прежде всего, от власти исполнительной. Носителями судебной власти выступают конкретные лица, деятельность которых основана на общественном доверии. В данной статье предпринята попытка показать судебскую деятельность как деятельность, обусловленную рядом объективных факторов, и как деятельность, которая должна отвечать этическим требованиям.

Осмысление феномена судебской деятельности базируется на анализе интроспекций североамериканского юриста Бенджамина Кардозо и аргентинского философа права Карлоса Коссио.

Для решения поставленной задачи автор использует исторический и сравнительный методы исследования. Дан краткий исторический экскурс: от древнегреческого философа Платона до немецкого правоведа Густава Радбруха. Проанализированы подходы к судебской деятельности Б. Н. Кардозо и К. Коссио. Взгляды этих авторов сопоставлены со взглядами ряда других мыслителей (Платон, Цицерон, Вольтер, Радбрух).

Автор статьи приходит к выводу, что судья, прежде всего, должен отвечать следующим требованиям: судья должен быть не просто юристом, но должен принимать решения, которые успокаивают общественное мнение; судья должен хорошо знать историю своей страны, особенно, ее трагические страницы, чтобы исключить повторение подобного; судья должен быть нейтральным, т. е. выносить решения в соответствии со своей совестью, исключая принятие решений, вынесенных «под влиянием интереса, страсти, лени»; судья должен обладать творческой энергией, выносить решения с учетом общественного понимания справедливости; судья должен оставаться критически мыслящей личностью, что способствует ее последовательному совершенствованию и позволяет говорить о судебском искусстве, достойным восхищения.

Ключевые слова: Судья; судебская деятельность; судебское искусство; эгологическая теория права; мышление судьи; юридическая оценка; судебская оценка; юридическое поведение; нейтральность судьи; мужество юристов.

*I. F. Machin***A JUDGE IS MORE THAN A LAWYER:
INTROSPECTION BENJAMIN CARDOZO AND CARLOS COSSIO**

The most important feature of a modern rule-of-law state is an independent judiciary. This power should be independent, first of all, from the executive power. The bearers of judicial power are specific persons whose activities are based on public trust. This article attempts to show judicial activity as an activity conditioned by a number of objective factors, and as an activity that must meet ethical requirements.

The understanding of the phenomenon of judicial activity is based on the analysis of introspections of the North American lawyer Benjamin Cardozo and the Argentine philosopher of law Carlos Cossio.

To solve this problem, the author uses historical and comparative research methods. A brief historical digression is given: from the ancient Greek philosopher Plato to the German jurist Gustav Radbruch. The approaches to judicial activity of B. N. Cardozo and K. Cossio are analyzed. The views of these authors are compared with the views of a number of other thinkers (Plato, Cicero, Voltaire, Radbruch).

The author of the article comes to the conclusion that a judge, first of all, must meet the following requirements: a judge must not just be a lawyer, but must make decisions that calm public opinion; a judge must know the history of his country well, especially its tragic pages, in order to exclude a repetition of this; a judge must be neutral, i.e. make decisions in accordance with his conscience, excluding decisions made “under the influence of interest, passion, laziness”; the judge must have creative energy, make decisions taking into account the public understanding of justice; the judge must remain a critically thinking person, which contributes to its consistent improvement and allows us to talk about the judicial art, worthy of admiration.

Key words: Judge; judicial activity; judicial art; egological theory of law; judge’s mentality; legal assessment; judge’s assessment; legal behavior; judge’s neutrality; lawyers’ courage.

Обращение к теме судей и судейской деятельности не теряет своей остроты, поскольку судебные решения далеко не всегда воспринимаются сознанием добродетельных граждан как справедливые.

Итак, как может быть осмыслен феномен судейской деятельности?

Кого можно признать судьей с «большой» буквы? Попробуем определить требования, которые гражданское общество вправе предъявить судейскому корпусу.

Можно оттолкнуться от следующего положения: «Судья больше, чем юрист. Он должен также выступать в роли того, кто принимает решение, успокаивающее умы» [4, с. 69]. Полагаю, что это очень важная отправная мысль, и далее, на ее основе, попробуем дать более развернутый ответ.

В нашу выборку включим произведения двух авторов: американского судьи Б. Н. Кардозо и аргентинского философа права К. Коссио. Таким образом, выбор источников знаний о судейской деятельности обусловлен признанием необходимости провести ее анализ как с позиций юридической практики, так и с позиций юридической теории.

Начнем с рассуждений древнегреческого философа Платона (427—347 до н. э.), который затронул, пусть и опосредованно, проблему независимости судебной деятельности. В своем известном рассказе о пещере Платон уподоблял греков узникам с завязанными руками, не способных к истинному мышлению, способных судить лишь о «теньях справедливости». Отсутствие же реальной независимости судей (что это, как не «узники с завязанными руками»?) приводит к вынесению решений, не являющихся истинными.

Еще одна мысль, — мысль о профессиональной деградации в целом, которая была блестяще сформулирована древнеримским юристом Цицероном (106— 43 до н. э.). Занимавший в разное время все значимые в римской республике должности, Цицерон смог выявить угрозу, которую представляют для гражданского общества носители государственной власти. В своей работе «Об обязанностях» (VIII, 26) он писал: «Как правило же, большинство людей охватывает амнезия в отношении справедливости, стоит им поддаться стремлению к политической власти, магистратурам, славе» [6, с. 255—256].

Одним из первых мыслителей, который поднял проблему неправосудных приговоров еще в XVIII веке был Франсуа Мари Аруэ (Вольтер) (1694—

1778). Вольтер вошел в мировую историю как французский просветитель, который добивался, пусть посмертного, но оправдания несправедливо осужденных. Его усилиями удалось вернуть доброе имя невинно казненному (через колесование) Жану Каласу, которому судьи, будучи религиозными фанатиками, вменили убийство сына. Эта история нашла отражение в знаменитом «Трактате о веротерпимости в связи со смертью Жана Каласа» (1763).

Вольтер добился и посмертного оправдания французского шевалье де Ла Барра, который также был казнен по надуманному обвинению. Тема, поднятая Вольтером, нашла свое отражение в его труде, написанном за три года до смерти, название которого и в наше время не может оставить равнодушными личностей нравственных: «Крик невинной крови» (1775). Итак, с Вольтера берет свое начало критика судебных решений, в основе которых могут оказаться невежество и низменные инстинкты. И в этом заключается огромная заслуга Вольтера перед последующими поколениями критически мыслящих индивидов вплоть до XXI века, ибо именно с Вольтера судебский корпус находится в фокусе пристального общественного внимания.

И наконец, немецкий правовед Густав Радбрух (1878—1949), как представляется, совершил публичное покаяние, сделав выводы за тех немцев, которые прямо или опосредованно были причастны к ужасам, которые принес нацистский режим. Незадолго до своей смерти Радбрух в двух небольших статьях «Пять минут философии права» и «Законное право и надзаконное право» высказал ряд серьезных мыслей. В первой статье он признал огромное значение для юристов такой человеческой добродетели, как мужество. Именно эта добродетель позволяет, по Радбруху, осуществлять в гражданском обществе право как волю, которая стремится исключительно к справедливости: «Если законы сознательно попирают волю справедливости, например, предоставляя тому или иному лицу права человека или отказывая в них исключительно по произволу, то в этих случаях подобные законы недействительны, народ не обязан подчиняться им, а юристы должны найти в себе мужество не признавать их правовой характер» [3, с. 226]. В статье «Законное неправо и надзаконное право» Радбрух еще раз подчеркивает, что несправедливый закон не создает право, и выражает солидарность с позицией генерального прокурора доктора Кучинского, которую тот выразил в 1946 году, заявив, что в нацистской Германии «юстиция подмяла под себя право». Радбрух полагает, что если применяется закон, который не является правом, а «мера наказания, определяемая по свободному усмотрению судьи, например, смертная казнь, свидетельствует о неприкрытом глумлении над стремлением к справедливости, то объективно налицо вынесение заведомо неправосудного приговора» [3, с. 236—237].

Вернемся к теме заявленного исследования: чем для нас может быть интересны интроспекции североамериканского автора Бенжамина Кардозо?

Кардозо — юрист, у которого за плечами опыт не только адвокатской, но и судебной деятельности: вначале был членом Нью-Йоркской коллегии адвокатов, затем — судьей Верховного суда штата Нью-Йорк, а позднее и Апелляционного суда этого штата. В 1932 году президент США Герберт Гувер назначил Кардозо членом Верховного суда США. Заметим, что эта должность является верхом профессиональной судебской карьеры в этой стране.

Кардозо написал очень яркое произведение, назвав его «Природа судебской деятельности». Работа была опубликована в 1921 году и выдержала к настоящему времени больше десяти переизданий. Благодаря этой авторитетной

книге нам предоставляется уникальная возможность посмотреть на американскую судебную деятельность изнутри профессии.

Итак, попробуем вместе с Кардозо набросать образ американского судьи. При этом для нас важно ответить на вопрос: какие характеристики судьи, названные Платоном, Цицероном, Вольтером, Радбрухом, — повторяются Кардозо, а какие из них — являются новыми.

Для Кардозо, в процессе «самокопания», становится важным выявить основные ингредиенты судебной деятельности. Кардозо указывает на следующие из них, которые и направляют деятельность судьи: сознательное и бессознательное; врожденные инстинкты; представления, полученные от предыдущих поколений; приобретенная убежденность. Таким образом, речь идет о психологическом и социологическом портрете судьи. В ходе анализа Кардозо задается и важным вопросом: в какой пропорции находятся эти элементы?

Представляется, что все эти элементы можно назвать объективными детерминирующими факторами судебной деятельности, однако одних этих элементов явно недостаточно, чтобы ее понять. Для Кардозо важно не просто показать, что представляет из себя судебная деятельность, гораздо важнее определить, что такое судебское искусство. Судья же, образ которого близок Кардозо, — это еще и творческая личность, которой присуще вдохновение.

Что же является источником вдохновения? Кардозо считает, что судьи должны искать вдохновение в разного рода социальных элементах, что является живой силой, стоящей за фактами, с которыми приходится иметь дело. Еще более точно Кардозо высказывается по этому вопросу в другом месте своей работы: судья должен обладать творческой энергией, выносить решения с учетом общественного понимания справедливости.

Судья для Кардозо является одновременно и критически мыслящей личностью, о чем свидетельствуют его собственные слова: «когда перечитываешь решение позднее и уже полон сожаления». Речь идет о сожалении, а не о мучительных угрызениях совести, которые приводят к потере уважения к самому себе. Чувство сожаления, как представляется, способствует дальнейшему совершенствованию судебной деятельности, а мучительные угрызения совести остаются навсегда только тяжелым грузом.

Для судьи, в понимании Кардозо, важное значение имеет образование, в частности, историческое образование. Об этом можно судить, когда он заявляет, что по ряду вопросов «страничка истории ценнее тома по логике». Представляется, что применительно к России и Германии этой историей стало «кровавое» правосудие эпохи нацизма и сталинизма. Немецкие судьи после второй мировой войны учли трагический опыт и стараются исключить его всякого рода повторение. В качестве примера сошлемся на современного немецкого правоведа Гельмута Фристера, который пишет, что после объединения ФРГ и ГДР «правоприменительная практика, накопленная, в частности, при уголовно-правовом осмыслении наследия ГДР искала пути для обоснования наказуемости деяний, который закон на момент совершения преступления признавал правомерным. Верховный федеральный суд признал наказуемыми убийства людей, пытавшихся перейти германо-германскую границу, хотя в соответствии с правовыми воззрениями, господствовавшими в бывшей ГДР, такие действия признавались правомерными, и это нашло свое отражение в соответствующих нормах закона о границе ГДР» [5, с. 71].

В понимании Кардозо, важнейшая цель права — обеспечение благоденствия общества, а для ее достижения необходима общая установка как для судей, так и для законодателей, — служение праву.

Кардозо рассказывает старую легенду, согласно которой «однажды Господь молился и его молитвой было: “Да будет воля моя в том, чтобы суд мой вершился жалостью моей”. Эту молитву нам всем следует повторять время от времени, когда демон формализма искушает ум манящей видимостью научной упорядоченности» [1, с. 37]. Творческий момент в деятельности судьи заключается в расширительном или ограничительном толковании правил, позволяя для этого «общественному благу» указать путь в решении этого вопроса.

Обратимся теперь к интеллектуальному наследию аргентинского философа права **Карлоса Коссио**, — автора эгологической теории права, за разработку которой он был удостоен Национальной премии по культуре. Его преподавательская деятельность связана с университетами Ла-Платы и Буэнос-Айреса. Военное правительство в 1956 году отстранило его от преподавания, к которому он вернулся спустя 17 лет, после восстановления в Аргентине конституционного строя.

Коссио рассматривает право как особое явление культуры. Для него это означает, что право: дается в опыте; существует во времени; имеет ценностный аспект, определяющий поведение человека. Коссио уделяет особое внимание мышлению судьи, который интерпретирует, т.е. «воссоздает историко-социологический» смысл права». Судейское решение, по Коссио, включает в себя три компонента юридического опыта: закон, обстоятельства дела, а также юридическую оценку.

Важнейшим компонентом судейского решения для Коссио становится именно судейская оценка.

Кто же такой судья? В своих представлениях Коссио отталкивается от понимания судьи, которое было предложено еще древнегреческим философом Аристотелем (384—322 до н. э.). Коссио ссылается на следующие слова Аристотеля: «Идти к судье, значит идти к справедливости, потому что судья — это олицетворение своего рода живой справедливости (*justicia vivente*)».

Также, как и Кардозо, Коссио предлагает выявить те факторы, которые определяют судейское решение: «Судьи руководствуются юридической оценкой: в этом случае они основываются на существующих смыслах порядка, безопасности, власти, мира, кооперации, солидарности и справедливости, имманентных праву, частью которого являются судьи» [2, с. 734]. Это положение позволяет еще раз задуматься об уникальных возможностях права в развитии культуры. Коссио выделяет шесть возможностей права:

- 1) обеспечивать устойчивый порядок в обществе;
- 2) создавать безопасную среду;
- 3) выступать инструментом государственной политики;
- 4) устанавливать земной мир;
- 5) гармонизировать общество через кооперацию труда;
- 6) решать проблемы людей в духе солидарности.

Но, как представляется, реализация этих возможностей для развития культуры посредством права может быть достигнута лишь тогда, когда право будет нести в себе идею справедливости.

Для Коссио право есть собственное дело судей. И потому важнейшее значение для понимания права имеет обращение к сознанию судьи, которое

интегрировано в объект познания, — юридическое поведение. Эгологическая теория Коссио сделала юридическое поведение объектом своего исследования. Отчетливо прослеживается влияние «понимающей» социологии немецкого ученого Макса Вебера (1864—1920). Коссио приходит к выводу, что интерпретировать следует не закон, а само человеческое поведение.

Философ затрагивает сложную проблему нейтральности судьи при вынесении решений. Коссио считает, что физическое или математическое познание, претендующее на нейтральность, предполагает наблюдателя, который отстранен от исследуемого объекта, так как, в противном случае, «деформируются объекты, постигаемые мышлением». В юридической сфере научная нейтральность судьи предстает в другом виде: «В юридической сфере судья нейтрален, если справедлив так, как он понимает это по совести. ...Отсюда для судьи быть нейтральным значит понимать справедливость по совести, а не с отклонениями, результатом которых были бы решения, вынесенные под влиянием интереса, страсти, лени и т. д.» [2, с. 736].

В результате проведенного исследования можно предложить собирательный образ судьи, которому общество может доверять: судья должен быть не просто юристом, но должен принимать решения, которые успокаивают общественное мнение; судья должен хорошо знать историю своей страны, особенно, ее трагические страницы, чтобы исключить повторение подобного; судья должен быть нейтральным, т. е. выносить решения в соответствии со своей совестью, исключая принятие решений, вынесенных «под влиянием интереса, страсти, лени»; судья должен обладать творческой энергией, выносить решения с учетом общественного понимания справедливости; судья должен оставаться критически мыслящей личностью, что способствует ее последовательному совершенствованию и позволяет говорить о судейском искусстве, достойным восхищения.

Библиографический список

1. Кардозо Б. Н. Природа судейского усмотрения / пер. с англ. С. Л. Савельева. М.: Статут, 2017. 112 с.
2. Коссио К. Право в судейском праве // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. III: Европа. Америка. XVII—XX вв. М.: Мысль, 1999. 829 с.
3. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2004. 240 с.
4. Сборник документов франко-российского сотрудничества. 1998. № 2. 301 с.
5. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть / пер. с нем. Ю. М. Алексеева. М.: Информатик Медиа, 2013. 712 с.
6. Цицерон. Об обязанностях // Сюкияйнен Л. Р. (отв. ред.) Антология мировой правовой мысли. Т. 1. М.: Мысль, 1999. 750 с.

Сведения об авторе / Information about the author

Мачин Игорь Федорович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, msu.machin@yandex.ru

Machin Igor' Fedorovich — Candidate of Law, Associate Professor, Moscow State University, Moscow, Russia, msu.machin@yandex.ru

УДК 340.12(410.1)

*А. М. Михайлов, А. А. Костикова***АНГЛИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ
МЕЖДУ ОСТИНОМ И ХАРТОМ: ПОНИМАНИЕ ПРАВА
И ЮРИСПРУДЕНЦИИ В УЧЕНИЯХ Т. Э. ХОЛЛАНДА
И ДЖ. У. СЭЛМОНДА**

Статья посвящена изучению двух ключевых аспектов концепций раннего юридического позитивизма в Англии — пониманию природы юриспруденции как науки и права как вида социальной нормы. Исследовательский фокус статьи составляют правовые учения двух ведущих представителей юридического позитивизма в англо-американской традиции конца XIX — начала XX в. — Т. Э. Холланда и Дж. У. Сэлмонда, чьи труды ранее подробно не рассматривались отечественными правоведами. Методологическую основу исследования составили исторический подход, взятый совместно с элементами биографического подхода, приемы и процедуры юридической герменевтики, правила и приемы формальной логики, элементы сравнительно-правового метода. Особый интерес при этом представляют те части их правовых учений, которые посвящены, во-первых, понятийному аппарату юриспруденции, и во-вторых, критике позиций основоположников позитивного права в английской традиции — И. Бентама и Дж. Остина. На основе ключевых произведений указанных авторов («Юриспруденция или теория права» Сэлмонда и «Элементы юриспруденции» Холланда), а также при помощи анализа их учений в сравнении с другими концепциями юридического позитивизма последовательно излагаются взгляды данных правоведов на специфику юриспруденции как науки и понятие права. Вклад Холланда в развитие юридического позитивизма видится в том, что он провел последовательную дифференциацию позитивного права от естественных и социальных норм, представил анализ важнейших теоретических понятий юридической науки. В учении Сэлмонда впервые в традиции английского юридического позитивизма проанализирована связь между правом и правосудием, представлена оригинальная позиция в отношении взаимосвязи права и этики.

Ключевые слова: юридический позитивизм, аналитическая юриспруденция, юридическая наука, позитивное право, естественное право, право и мораль, правосудие, философия права, Т. Э. Холланд, Дж. У. Сэлмонд.

*А. М. Mikhailov, A. A. Kostikova***ENGLISH LEGAL POSITIVISM BETWEEN AUSTIN AND HART:
UNDERSTANDING OF LAW AND JURISPRUDENCE
IN THE TEACHINGS OF T. E. HOLLAND AND J. W. SALMOND**

The article is devoted to the study of two key aspects of the concepts of early legal positivism in England — understanding the nature of jurisprudence as a science and law as a type of social norm. The research focus of the article is the legal

---

© Михайлов А. М., Костикова А. А., 2022

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00914 «Проект позитивизма сегодня: историческая траектория, проблемное поле и система юридического позитивизма в англо-американской традиции».

• Серия «Естественные, общественные науки»

teachings of two leading representatives of legal positivism in England in the late 19th — early 20th centuries. — T. E. Holland and J. W. Salmond, whose works have not been thoroughly analyzed by the Russian legal scholars yet. The methodological basis of the research was formed by the historical approach taken together with elements of the biographical approach, the techniques and procedures of legal hermeneutics, the rules and techniques of formal logic, and the elements of the comparative legal method. The authors of the article found it particularly important to summarize those parts of these jurists' teachings that are dedicated, firstly, to the conceptual questions of jurisprudence and, secondly, to Holland's and Salmond's criticism towards the views of the founders of the imperative theory of law in England — J. Bentham and J. Austin. Based on the key works by Salmond («Jurisprudence or the theory of law») and Holland («Elements of jurisprudence»), as well as on the analysis of their concepts compared to other positivist teachings, the authors consistently present the views of these jurists on the specifics of jurisprudence as a science and the concept of law. Holland's contribution to the development of legal positivism is seen in the fact that he carried out a consistent differentiation of positive law from natural and social norms, presented an analysis of the most important theoretical concepts of legal science. In the teachings of Salmond, for the first time in the tradition of English legal positivism, the relationship between law and justice is analysed, the original position on the relationship between law and ethics is presented.

Key words: legal positivism, analytical jurisprudence, legal science, positive law, natural law, law and ethics, justice, philosophy of law, T. E. Holland, J. W. Salmond.

Введение

По мнению западных исследователей, юридический позитивизм в английской правовой традиции берет начало в XVII веке и связывается с рядом идей в учениях Т. Гоббса, Ж. Бодена, Д. Юма. Несмотря на различия в концепциях разных правоведов, считается, что традиция английского юридического позитивизма основывается на двух фундаментальных положениях: идее о том, что право сущее не стоит путать с правом должным, и о том, что право — это социальное явление [8, p. 177]. Приведенные положения достаточно широко известны российским юристам, специализирующимся в области философии и теории права.

Российские правоведы, специально изучавшие концепции юридического позитивизма, за редкими исключениями [13], не делают традицию англо-американского юспозитивизма предметом своего исследования. Несмотря на то, что Г. В. Мальцев и другие российские правоведы выделяли континентально-европейский «позитивизм законов» («*der Gesetzespositivismus*») и англо-американский «аналитический позитивизм» или «позитивизм судебных решений» («*der Urteilspositivismus*») [14, p. 50; 15, p. 176; 7, p. 355], вместе с тем последний не становился предметом специального теоретико-правового исследования, направленного на определение его специфических черт в сравнении с континентально-европейским юспозитивизмом. Единичные попытки современных российских исследователей изучить англо-американский юридический позитивизм, как правило, ограничиваются учениями отдельных персоналий, традиционно входящих в мировой «зал славы» традиции юридического позитивизма — И. Бентам, Дж. Остин, Г. Кельзен, Г. Харт [16; 11].

Значительно меньшую известность в России имеют другие английские юристы-позитивисты, чьи труды, в свое время внесшие существенный вклад

в развитие традиции англо-американского юридического позитивизма, ранее не были переведены на русский язык. Авторы данной статьи попытались восполнить указанный пробел в российском правоведении и поставили цель изложить ключевые идеи таких английских юристов, как Т. Э. Холланд и Дж. У. Сэлмонд.

Распространение идей командной концепции права Остина в профессиональном правосознании английских юристов началось в конце 1850-х — начале 1860-х гг. — после второго издания серии лекций «Определение области юриспруденции» основоположника аналитической юриспруденции. Вместе с тем развитие идей учения Остина приходится на период 1870—1900-х гг., когда были изданы известные труды, рассматривавшиеся впоследствии как классические для всей английской традиции юридического позитивизма, — У. Маркби «Элементы права, рассмотренные в связи с принципами общей юриспруденции» (1871), Ш. Амоса «Систематическое изложение науки юриспруденции» (1872), Т. Э. Холланда «Элементы юриспруденции» (1880), У. Э. Хирна «Теория юридических обязанностей и прав. Введение в аналитическую юриспруденцию» (1883), Дж. М. Лайтвуда «Природа позитивного права» (1883), Дж. У. Сэлмонда «Юриспруденция или теория права» (1902).

Т. Э. Холланд. Сэр Томас Эрскин Холланд (англ. *Thomas Erskine Holland*, 17 июля 1835 г., Брайтон — 24 мая 1926 г., Оксфорд) [5, с. 231—243], английский теоретик и историк права, профессор международного права, родился 17 июля 1836 в Брайтоне в Англии. Он с отличием окончил университеты Брайтона, Бейлиола и Магдален в Оксфорде. С 1863 года Холланд был практикующим барристером. Впоследствии с 1874 по 1910 год он преподавал международное право и дипломатию в университете Ол Соулс в Оксфорде. В 1875 году он стал членом Института международного права. Профессор Холланд также был полномочным представителем Англии на Женевской конференции 1906 г. Он был посвящен в рыцари в 1917 году.

Среди выдающихся работ Т. Э. Холланда выделяют «Элементы юриспруденции» — классический труд в области аналитической юриспруденции, который был переиздан 13 раз с 1880 по 1924 год. Для первой четверти XX столетия «Элементы юриспруденции» Холланда считается ведущим трудом аналитической юриспруденции, написанным кратким, ясным и энергичным языком [5, с. 239]. В 1894 году эта работа была удостоена премии Свини.

Вклад британского правоведа в развитие традиции аналитической юриспруденции видится в том, что он способствовал ясному и системному изложению ключевых понятий юридического позитивизма, что, по мнению известного английского историка права Ф. Поллока, позволит будущим поколениям юристов «выстроить из хаоса бессвязных частных космос» [14, р. 9].

Центральным вопросом первой части классического труда Т. Э. Холланда «Элементы юриспруденции» является понятие «юриспруденция». Британский правовед указывает, что термином «юриспруденция» изначально, еще в римском праве определялось знание права, и только впоследствии благодаря идеям Цицерона и разработкам классических римских юристов термин «юриспруденция» приобрел привычное нам значение юридической науки.

При этом Холланд критикует злоупотребление понятием «юриспруденция» в речи, а точнее его необоснованное использование с целью придания фразе важности и благозвучия. В качестве отрицательных примеров он приводит определение юриспруденции как позиции судов по определенным вопросам, в частности выражение «юриспруденция Кассационного суда

Франции» [6, с. 4]. Вторым вариантом неверного использования термина является приравнение юриспруденции к праву страны, в связи с чем возникает юриспруденция Германии, России и т. д. Наконец, третья неправильная интерпретация связана с приравниванием юриспруденции к праву как таковому, что проиллюстрировано трудами о «Юриспруденции права справедливости». Подобные названия для опытного юриста звучат, разумеется, как чудовищный плеоназм.

Интересно заметить, что изучение неверного использования термина «юриспруденция» в работе Холланда постепенно превращается в критику позиции И. Бентама. Холланд приводит в пример предложенное Бентамом разделение юриспруденции на объяснительную, т. е. занимающуюся правом сущим, и критическую, занимающуюся правом должным. При этом ни описание существующего права, ни его критику Бентам не считает предметом правовой науки, называя первое темой учебников по праву, а второе предметом науки законодательства. Холланд утверждает, что подобное разделение, равно как и последующее подразделение описательной юриспруденции на официальную и неофициальную, т. е. исходящую от законной власти или нет, вводит читателя в заблуждение.

Пользуясь несколько чужеродной ему классификацией, Холланд все же определяет, какой из приведенных выше видов должен считаться юриспруденцией в узком, интересующем нас смысле слова, т. е. в смысле юридической науки. Получается, что истинной наукой является как раз неофициальная юриспруденция, представляющая собой «предположительно, учебники по законам отдельно взятой страны или <...> по местной юриспруденции и работы о праве без отсылки к конкретной стране или, дословно, о всеобщей юриспруденции» [6, с. 5].

Догматическая установка в правовом учении Холланда просматривается не только в том, что родословную юриспруденции как науки он начинает с реконструкции значения данного термина в римской юриспруденции, известной своим эмпирическим и прикладным характером, но и в том, что неизменным предметом изучения юриспруденции выступает исключительно позитивное право.

Британский правовед придерживается традиционной позиции догматической юриспруденции, поскольку связывает научный характер правоведения с раскрытием принципов, позволяющих систематизировать правовой материал и тем самым достигать достоверного знания [6, с. 3].

Не отходя от понятийного аппарата автора, рассмотрим некоторые определения закона, которое дает профессор Холланд. Сравнивая современного законодателя с его античным прототипом, *pater familias* в большой семье, Холланд определяет законы как «приказы, отданные лицом, имеющим власть» или, что вполне актуально сегодня, как «предписания, за несоблюдение которого лицо будет наказано в установленном порядке» [6, с. 16]. В своем стремлении оставить понятие «закон» в сугубо юридическом значении и избавиться от двусмысленности, связанной с метафоричностью значения в таких понятиях, как «законы морали», «законы моды», «законы чести» и т. д., Холланд также предлагает определять закон как «абстрактное правило в отношении человеческих действий» [6, с. 19], что, в целом, является составляющей предмета юриспруденции как науки.

Вместе с тем наиболее полным определением, по мнению авторов статьи, является следующее определение. Закон — это «общее правило внешнего

человеческого поведения, соблюдение которого принудительно обеспечено суверенной политической властью» [6, с. 42]. При этом Холланд имеет в виду именно человеческие, позитивные законы, оставляя «законы, автор и гарант которых — сверхчеловек» [6, с. 41], т. е. божественные законы на изучение теологии, а законы чести и моды — на усмотрение посетителей светских раутов.

Данный подход к понятию «закон» находится в полном соответствии с традицией «ранней» аналитической юриспруденции И. Бентама и Дж. Остина. Родоначальник философии утилитаризма рассматривал закон как комплекс знаков, выражающих веление суверена, адресованное подчиненным лицам [2, с. 1]. Основатель аналитической юриспруденции Дж. Остин аналогичным образом понимал позитивный закон как комплекс общих команд суверена, обращенных ко всему обществу и обеспеченных санкцией в случае их нарушения [1, с. 139]. Причем команда суверена в учениях раннего юридического позитивизма в Англии носит исключительно обязывающий, императивный характер, поскольку носитель верховной власти способен причинить вред не исполняющему ее требованиям.

Немалое внимание профессор Холланд уделяет естественному праву и его соотношению с моралью и правом позитивным. В древности господствовало мнение о том, что мир представляет собой единое целое, в котором природные и космические явления по сути своей не отличаются от правовых, поскольку все они предопределены богами. Постепенно в римской юриспруденции позднего периода сформировалась до сих пор активно обсуждаемая идея *ius naturale* — естественного универсального права, применяемого по всему миру и являющегося источником происхождения всех правовых систем.

Говоря о соотношении естественного права с моралью, Холланд отмечает, что естественным правом является именно та часть морали, которая формулирует важные и универсальные правила для регулирования действий человека вовне [6, с. 31]. Эта мысль очень точно соотносится с мыслью другого представителя англо-американского юридического позитивизма новозеландского правоведа Дж. У. Сэлмонда о том, что научные труды по *ius naturale* — это фактически труды в области этики и морали, ограниченные, впрочем, областью правосудия [9, р. 2]. Стоит при этом обратить внимание на то, что разграничение между правом и моралью состоит именно в предмете регулирования, а не в наличии или отсутствии принуждения, поскольку, как утверждают Дж. Локк и Х. Томазий, за нарушение норм морали человек также не может избежать социального наказания и порицания [6, с. 30—31].

Значимое место в реконструкции правопонимания британского правоведа занимает вопрос о соотношении естественного и позитивного права. Холланд приводит цитату Блэкстоуна о том, что «естественное право <...> стоит выше по своей обязательной силе, чем любое другое <...> и никакие человеческие законы не обладают силой, если они противоречат естественному праву» [6, с. 37].

Подход Холланда, на наш взгляд, состоит в том, что противоречие между позитивным правом и естественным так же вероятно, как противоречие между позицией государства и общества. К примеру, может сложиться ситуация, при которой действия, запрещенные позитивным правом, вовсе не будут запрещены естественным правом. В качестве иллюстрации Холланд приводит запрет на выращивание табака, который может ввести государство в лице законодательной или исполнительной власти, но который при этом не будет

принят и сочтен справедливым в обществе. При этом становится очевидно, что несмотря на роль естественного права как первоисточника и прародителя любого позитивного права, *jus naturale* все же в меньшей степени интересует Холланда. Говоря кратко и прямолинейно, он отсекает в своем исследовании любое сверхчеловеческое право, к примеру, право божественное, и любое нижестоящее по отношению к суверенной государственной власти право, например, право, сформированное законами этикета. За счет подобной избирательности Холланд ограничивает поле профессиональной деятельности юриста, внимание которого, по его мнению, должно быть сконцентрировано именно на позитивном праве.

Дж. У. Сэлмонд. Одним из значимых представителей раннего юридического позитивизма англо-американской традиции, способствовавших эволюции данного направления философско-правовой мысли, являлся известный новозеландский юрист и судья сэр *Джон Уильям Сэлмонд* (3 декабря 1862 — 19 сентября 1924) [3]. Он окончил Университет Отаго в 1882 году с присвоением степени бакалавра искусств, а несколько позже — магистра искусств. Затем Сэлмонд получил стипендию Гилкрита для обучения в Университетском колледже (Лондон), где окончил юридический факультет и стал научным сотрудником. Его ключевые теоретико-правовые труды — «Первые принципы юриспруденции» (1893), «Естественное право» (1895) и «Юриспруденция или теория права» (1902). За последний из указанных трудов Сэлмонд был удостоен премии Свини Королевским обществом искусств, а сам труд выдержал 7 прижизненных изданий (до 1924 г.), а далее его издание с некоторыми коррективами было продолжено целым рядом британских правоведов вплоть до 1970-х гг.

Новозеландский правовед начинает свое исследование с определения понятия «юриспруденция» и ее классификации. Юриспруденция как наука права, включающего в себя все виды обязательных правил, установленных для действий человека [9, р. 1], делится на гражданскую, международную и естественную (*ius civile, ius gentium u ius naturale*). Зачастую, говоря о юриспруденции в более узком значении, исследователи имеют в виду только гражданскую юриспруденцию, т. е. «то право, которое реализуется в государственных органах правосудия» [9, р. 3]. В свою очередь гражданская юриспруденция подразделяется на систематическую, историческую и критическую. Эти ветви изучают право сущее, право в прошлом и право должное соответственно. Наиболее же интересующее нас подразделение юриспруденции — это лишь отдельная часть гражданского права, состоящая из его исходных принципов. Это наиболее всеобщая, абстрактная и теоретическая часть юриспруденции.

Позитивистская установка новозеландского юриста выражается и в том, что центральной частью науки права или юриспруденцией в узком значении термина он считает именно гражданскую юриспруденцию, изучающую право определенного государства и имеющую целью «дать полное и упорядоченное представление о системе принципов, которые реализуются и обеспечиваются в судах» [9, с. 1]. В более раннем трактате ученого гражданское право определяется не только в русле традиции Остина как «право в строгом значении термина», «результат деятельности государства», но и как «право юристов и судов» [10, р. 1—2]. Показательно то, что Дж. Сэлмонд предпочитает использовать вместо термина «позитивное право» («положительное право») термин «гражданское право», который этимологически не связан

с фактом установления его норм носителем верховной власти и напрямую не ассоциируется с учением Дж. Остина.

Право Сэлмонд определяет как «систему принципов, признаваемых и применяемых государством в ходе отправления правосудия» [10, р. 11]. При этом он также обращает на вводящую в заблуждение пару *the law* — *a law*, представляющую собой, на самом деле, абстрактное и конкретное значение, в котором употребляется понятие «*law*». Подобно Холланду [6, с. 14], Сэлмонд утверждает, что право — это не сумма законов, а скорее сумма норм и принципов права, поскольку многие существенные для английской правовой системы положения содержатся не в английских законах, а в английском праве. В связи с этим ключевой интерес для исследователя представляет именно концепция права, а не концепция закона. В противном случае возможен вывод о том, что право бывает только статутным, т. е. состоящим из одних лишь законов.

Можно видеть, что в разграничении права и закона новозеландский юрист не исходит из какой-либо философской концепции, а основывается на профессиональном юридическом словоупотреблении: термин «закон» не осмысливается в его понятии, а означает вид юридического источника права. При таком подходе отрицание возможности отождествить право с законом, на наш взгляд, проистекает из самой специфики традиции общего права, в которой на протяжении нескольких столетий законодательство воспринималось как «инородное тело» в системе английского права [12, р. 260?]. Как широко известно, вплоть до II половины XIX столетия, эпохи консолидации британского статутного права, законодательное регулирование не покрывало собой значимую часть общественных отношений в Англии, обширные области социальной жизни регулировались практически исключительно прецедентным и обычным правом.

Конечной целью права Сэлмонд считает поддержание и защиту субъективного права при помощи физической силы государства. Направленность права на поддержание и защиту субъективного права вносит *целевой* элемент в его понятие, что существенно отличает учение Сэлмонда от позиции родоначальника английского юридического позитивизма. Право в понимании Сэлмонда имеет целевую природу, поскольку оно является изобретением для осуществления правосудия и не может быть понято без отсылки к его конечному результату [9, 56]. Поэтому представители «императивной теории права», сводящие право исключительно к принудительным приказам суверена, видят, по мнению Сэлмонда, лишь часть подлинной природы права и полностью игнорируют другую его часть — осуществление правосудия [9, р. 56]. Сугубо императивная теория признается новозеландским юристом «однобокой», поскольку право — это не только проявление власти (могущества) (*might*) суверена, но и субъективное право [9, р. 55].

В «Первых принципах юриспруденции» (1893) новозеландский правовед утверждал, что теория права должна основываться не только на теории государства, но и на теории субъективного права. Материал для теории государства составляет политика, в то время как для теории субъективного права материал поставляется этикой [10, р. 9]. Иными словами, в понятии правосудия Сэлмонд стремится интегрировать два, на его взгляд, имманентных праву момента — *политический*, выражающийся в императивности, принудительности требований официального права, исходящего от государства (*law*), и *этический* — выражающийся в нацеленности правосудия (*justice*) на поддержание и защиту

субъективного права (*right*). Суды, применяющие право (*courts of law*), являются и судами, осуществляющими правосудие (*courts of justice*), поскольку отправление правосудия — это также и защита права [9, p. 56].

Помимо этого, аргументация имманентности этического «элемента» в понятии права в учении Дж. Сэлмонда основывается на утверждении, что «право», «неправда», «обязанность» являются ключевыми понятиями, как для права, так и для морали [9, p. 56].

Еще одним аргументом Сэлмонда следует назвать аргумент семантический. Новозеландский юрист утверждает: «Если мы обратимся к иностранным языкам, то увидим, что «официальное» право (*law*) и право как оправданное, субъективное право (*right*) обычно обозначаются одним и тем же словом. *Jus, droit, Recht, diritto*: у всех у них двойное значение — этическое и юридическое. Все они включают в себя нормы права и правила правосудия» [9, p. 56]. Сэлмонд отвергает позицию, исходящую из случайности данных речевых совпадений. Указанная взаимосвязь понятий, по его мнению, является внешним выражением очень тесной взаимосвязи между правом и правосудием [9, p. 56].

Таким образом, Дж. Сэлмонд делает этику интегральным, «внутренним» элементом права, понимаемого как инструмент осуществления правосудия. Для Сэлмонда право не является лишь властным предписанием государства, но включает в себя публичное провозглашение принципов правосудия [9, p. 57]. Такой подход, разумеется, уже невозможно рассматривать как следование «разделительному тезису» командной концепции Остина.

Заключение. Обобщая приведенную критику, не все в праве измеряется категориями императивности и физического принуждения, поскольку в состав права входит обширный массив принципов, которые применяются в ходе отправления правосудия вне зависимости от наличия или отсутствия у них обязательной силы. Любая правовая система, по мнению Сэлмонда, состоит не только из сугубо императивных норм, но и диспозитивных норм, например, правил судопроизводства или гражданско-правовых норм в части заключения договоров, поэтому императивная теория права лишь частично отражает истину.

Библиографический список

1. Горбунов М. Д. Позитивистское правопонимание в англо-американской правовой мысли: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. 222 с.
2. Давид Р. Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. 400 с.
3. Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск, 2016. 244 с.
4. Мальцев Г. В. Познание права: от юридического позитивизма к новому пониманию права // Теория государства и права / под ред. Г. Н. Манова. М., 1995. С. 30—91.
5. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. 419 с.
6. Пищулин А. В. Юридический позитивизм в современном правопонимании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 170 с.
7. Тихонравов Ю. В. Основы философии права: учебное пособие. М., 1997. 608 с.
8. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. L., 1965. 481 p.
9. Bentham J. Of Laws in General // The Collected Works of Jeremy Bentham / ed. J. H. Burns. L., 1970. 342 p.

10. Dictionary of New Zealand Biography. URL: <https://teara.govt.nz/en/biographies/3s1/salmond-john-william> (дата обращения: 17.10.2021).
11. Encyclopaedia Britannica. Sir Erskine Holland. URL: <https://www.britannica.com/biography/Erskine-Holland> (дата обращения: 17.10.2021).
12. *Holdsworth W. S.* Sir Thomas Erskine Holland // *University of Pennsylvania Law Review*. 1928. № 3. P. 231—243.
13. *Holland T. E.* *The Elements of Jurisprudence*. L., N. Y., 1916. 454 p.
14. *Pollock F.* *Essays in Jurisprudence and Ethics*. L., 1882. 383 p.
15. *Postema G. J.* *The British Tradition of Legal Positivism* // *The Cambridge Companion to Legal Positivism* / Ed. by T. Spaak, P. Mindus. Cambridge University Press, 2021. P. 176—200.
16. *Salmond J. W.* *Jurisprudence or the Theory of the Law*. L., 1902. 673 p.
17. *Salmond J. W.* *The First Principles of Jurisprudence*. L., 1893. 264 p.

Сведения об авторах / Information about the authors

Михайлов Антон Михайлович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия, antonmikhailov@hotmail.com

Mikhailov Anton Mikhailovich — Candidate of Law, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia, antonmikhailov@hotmail.com

Костикова Ангелина Александровна — студентка 4 курса Международно-правового факультета, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия, aa.kostikova@gmail.com

Kostikova Angelina Aleksandrovna — undergraduate student, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia, aa.kostikova@gmail.com

Н. В. Малиновская

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВА

В статье рассматривается понятие традиции применительно к феномену интерпретации права. Автор говорит о масштабности и неоднозначности феномена интерпретации, к которому сложно применить единообразный подход. Интерпретация правовых текстов осуществлялась с момента их появления. Часто эта интерпретация изменяла смысл правовых норм в целях учета изменившихся общественных потребностей и интересов. В качестве примеров рассматривается деятельность преторов в Древнем Риме, глоссаторов и комментаторов в средневековой Европе.

В качестве примера современной традиции интерпретации европейского права автор обращается к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод как к документу, которым утверждается стандарт (концепция) прав человека в Европе. Подчеркивается, что языковой стиль изложения прав человека специфичен и позволяет давать им широкую интерпретацию. В целях направления этой интерпретации в определенное русло Европейский Суд использует как положения Венской Конвенции 1969 г., так и собственные принципы интерпретации, которые были выработаны его практикой.

Используемые Европейским Судом принципы интерпретации предлагается разделить на две группы — связывающие принципы и принципы активной судебной интерпретации. При их анализе автор приходит к выводу, что вторая группа принципов создает более широкие возможности судебного усмотрения при интерпретации. Однако связывающие принципы не всегда оправдывают свое наименование, поскольку оказываются на практике также неспособными установить конкретные закономерности толкования правовых норм.

В завершении автор делает вывод об отсутствии необходимости формулировки ограничивающих интерпретацию принципов и правил, поскольку они не являются эффективными. Более эффективным видится повышение уровня правовой культуры и воспитания в духе уважения права как основной ценности современного общества.

Ключевые слова: интерпретация, правила толкования, пределы интерпретации, методы толкования, преторы, глоссаторы, комментаторы, европейская традиция права, права человека, Европейская Конвенция прав человека, Европейский Суд по правам человека.

N. V. Malinovskaya

THE EUROPEAN TRADITION OF INTERPRETATION OF LAW

The concept of tradition applied to the phenomenon of legal interpretation is analyzed in the article. The author speaks about the scale and ambiguity of the phenomenon of interpretation, which cannot be examined in a uniform way. Legal texts have been interpreted since their creation. That interpretation often changed the meaning of legal norms in order to consider the changing needs and interests of the society. The examples given are the praetorian actions in Ancient Rome, the work of glossators and commentators in Medieval Europe.

The author takes the European Convention of Human Rights as the example of modern tradition of European legal interpretation and as the document, which affirms the standards (the conception) of human rights in Europe. The specific language of human rights is underlined, that permits giving them broad interpretation. In order to guide the interpretation in a certain way the European Court uses both the articles of the Vienne Convention (1969) and its own principles of interpretation, which are the product of its practice.

The principles of interpretation used by the European Court are proposed to be divided in two groups — binding principles and principles of judicial activity. While analyzing them, the author's deduction is that the principles of the second group give more opportunities to the judges' interpretation. Meanwhile, binding principles do not always prove their meaning, because they turn to be incapable of affirming concrete patterns of interpretation of legal norms in practice.

The author's conclusion is the absence of necessity of formulation of principles and rules in order to bind the interpretation because of their ineffectiveness. The raise of the level of legal culture and education in spirit of respectfulness to the law as the main value of modern society is much more effective.

Key words: interpretation, rules of interpretation, limits of interpretation, methods of interpretation, praetors, glossators, commentators, European legal tradition, human rights, European Convention of Human Rights, European Court of Human Rights.

Введение

Интерпретация — феномен, обладающий исключительным инструментарием, использовать который можно весьма вариативно. Исключительность и вариативность интерпретации права прослеживаются с древнейших времен, когда возникают первые методики толкования правовых текстов, отдельные школы и методологические направления интерпретации. С момента возникновения первых объектов правовой интерпретации концептуальные подходы к последней неоднократно пересматривались (наиболее ярким примером является восприятие юридической наукой идей философской герменевтики, позволивших пересмотреть традиционные взгляды на концепцию толкования права). И в настоящее время концепт правовой интерпретации вызывает дискуссии среди правоведов. Поднимаются проблемы «правильности» или «ошибочности» интерпретации правового текста, сохранения авторского замысла, достижения единообразия в понимании и применении правовых норм, конкуренции правотворчества и интерпретации и многие другие. В связи с этим возникает вопрос о возможности существования некоей единой концепции, «традиции» интерпретации права, рассмотреть которую представляется уместным на примере европейской модели конструирования и восприятия правовых норм.

Основная часть

1. *Истоки европейской традиции правовой интерпретации* следует искать в античном опыте правового регулирования и конкретно — древнеримских моделях конструирования и интерпретации правовых норм. При этом обращают на себя внимание два подхода — интерпретация древнеримских юристов и деятельность преторов. И если интерпретационная деятельность юристов внешне проявляет себя ярко, получая отражение в различных школах, подробной правовой аргументации применения определенной нормативной

модели, то деятельность римских преторов в этом отношении не является настолько заметной. Выводы о подходах к правовой интерпретации можно делать из преторских эдиктов — постоянных и временных, где в каждом содержались ее элементы, будь то включение новых программных положений по отношению к эдикту предшественника на должности или восполнение пробелов правового регулирования.

Традиционным для римлян являлось подчеркнутое уважение к истокам, демонстрация непосредственной взаимосвязи прошлого и настоящего. В этом смысле Законы XII таблиц, несмотря на их архаичность, постулировались в качестве основного и непреложного источника права. Однако динамичная практика общественной реальности порождала необходимость поиска все новых и новых моделей правового регулирования в целях стимулирования торговых и экономических связей. И римские преторы принимали в этом самое живое участие: они могли санкционировать судебную защиту права или, напротив, отказать лицу в иске, когда этого требовали изменившиеся потребности общественной жизни и правовые представления о справедливости. Так, например, несоблюдение новым приобретателем формальных требований при передаче права собственности на вещь давало возможность продавцу отобрать ее в суде по формальным основаниям. Справедливо усматривая в этом помеху в расширении торгового оборота, преторы со временем начали отказывать прежнему собственнику в иске о возвращении вещи и защищать право владения нового приобретателя [6, с. 95]. В данном случае, вынося процессуальные решения, преторы демонстрировали свое отношение к материальному праву. При этом они осуществляли как интерпретацию самих правовых норм, так и правовой реальности в целом, исходя из необходимости ее постоянного прогрессивного развития с учетом общественных потребностей.

2. *Средневековая традиция правовой интерпретации.* Древнеримский опыт отношения к праву был изучен и специфически переосмыслен в XI—XIII вв. средневековыми юристами — глоссаторами и комментаторами. Концептуальным подходом глоссаторов являлось идеализирование Свода законов Юстиниана, который воспринимался как собрание оптимальных моделей правового регулирования. Правда, подход к этим моделям в истолкованиях римских юристов нередко отличался противоречивостью, повторами текста, поэтому глоссаторы поставили задачу их обязательного примирения и согласования. При этом они отнюдь не стремились к поиску собственно авторского смысла, изложенного в Дигестах, поскольку исторический метод толкования был практически полностью ими проигнорирован [7, с. 6—7]. *Corpus Juris Civilis* исследовался глоссаторами как закрытый источник. Видя в нем образец «писаного разума», они стремились к поиску Логоса и полагались не столько на доверие к авторам текста (каковых было множество), сколько на доверие к самому Тексту как некоему юридическому Абсолюту. Впоследствии представители второй волны средневековой юридической интерпретации — комментаторы — несколько вышли за рамки ограниченного текстуального Абсолюта, пытаясь соотнести его с практическими реалиями. Несмотря на явное несоответствие рабовладельческих и феодальных общественных отношений, они комментаторы, как и глоссаторы, идеализировали древнеримские модели правового регулирования, считая их по умолчанию применимыми к опыту Средневековья. В результате появились весьма своеобразные юридические конструкции в виде, например, «первичного» и «вторичного» права собственности, которые явно не соответствовали частноправовой концепции регулирования

Древнего Рима, однако в течение некоторого времени оказались пригодными для средневековой юридической практики [5, с. 80].

Пример рассмотренных традиций правовой интерпретации вряд ли позволяет говорить о единстве концепций отношения к тексту и поиску смысла. Если в случае Древнего Рима уважение к Законам XII таблиц было лишь формальностью, а поиск смысла осуществлялся главным образом исходя из потребностей общественной жизни, то в случае глоссаторов и комментаторов явно архаичный текст идеализировался в качестве Абсолюта, способного дать ответы на все практические казусы современности, ушедшей на столетия вперед. Такая установка сама по себе вряд ли может считаться прогрессивной для правового регулирования. Однако нельзя не отметить ее положительную роль для развития методологических основ интерпретации правового текста, равно как и для формирования методики преподавания юриспруденции.

3. *Европейский Суд по правам человека как носитель современной интерпретационной традиции.* Поиск современных традиций европейской интерпретации права, по нашему мнению, также необходимо связывать с источником, концептуально единым для стран Европы. И в настоящее время таковым можно считать Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Европейская Конвенция) [4]. В ней заложены основы европейского понимания права, взаимодействия государства и личности. Хранителем традиций ее интерпретации выступает Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) [3], в деятельности которого и следует искать постулаты толкования права в европейском его понимании.

Следует отметить, что сама Европейская Конвенция не содержит указаний на какие-либо правила, подходы к интерпретации ее норм. И на наш взгляд, это справедливо, поскольку такие правила сложно сформулировать исчерпывающим образом с тем, чтобы они не создавали помех в интерпретации и не порождали необходимость их собственной периодической корректировки (что для такого программного документа весьма непросто). Формулировка прав человека по степени своей общности восходит к принципам права. Поэтому справедливо говорить о специфике языка прав человека, который создает как определенные интерпретационные возможности ввиду неочевидности своего смысла, так и накладывает определенные ограничения на интерпретатора.

Ограничения общего характера можно найти в Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее — Венская Конвенция) [2]. Ее раздел 3 специально посвящен толкованию, однако включает лишь 3 статьи, что демонстрирует отсутствие необходимости (или отсутствие возможности?) подробного регулирования процесса интерпретации правового текста. Тем не менее ст. 31 Венской Конвенции позволяет выделить несколько исходных принципов толкования, которые должен применять в своей деятельности и Европейский Суд. К ним относятся: 1) добросовестность; 2) использование общепринятого значения терминов; 3) учет контекстуального смысла; 4) учет целеполагания норм.

Но применительно к Европейской Конвенции эти принципы начинают дополняться как самим характером документа, так и практикой Европейского Суда. Преамбула Европейской Конвенции, указывающая на необходимость не только утверждения, но и реализации прав и свобод, подразумевает динамичный характер интерпретации норм и широкое толкование предоставляемых гарантий.

Доктрина и практика Европейского Суда сформулировали целый ряд принципов осуществляемой им интерпретации, которые можно разделить на две группы: 1) связывающие принципы и 2) принципы активной судебной интерпретации [9, с. 67]. Вторая группа принципов очевидно предоставляет больший объем самостоятельности и усмотрения судьям как интерпретаторам. К числу принципов активной судебной интерпретации могут быть отнесены:

1) принцип автономности концепта. Он означает возможность для Европейского Суда придать автономное значение термину, независимо от его значения на национальном уровне.

2) доктрина живого инструмента. Данный принцип наиболее ярко отражает суть прецедентной практики Европейского Суда и меняющийся характер интерпретации. Он подразумевает, что нормы Европейской Конвенции должны толковаться в соответствии с условиями современности и эволюционировать через их интерпретацию.

3) доктрина эффективности. Принцип означает оценку действий государства с позиций не просто установления им пассивного запрета нарушений положений Европейской Конвенции, но с позиций активной деятельности и приложения усилий по действительной защите прав человека.

Как уже говорилось, вышеперечисленные принципы интерпретации предоставляют достаточно широкие возможности судебного усмотрения. В каких случаях они будут применены — остается на усмотрение Европейского Суда. Однако если вторая группа принципов сама по себе подчеркивает эволюционный характер интерпретации, то первая группа связывающих принципов должна создавать границы интерпретационной деятельности и, вероятно, приводить к большему единообразию толкования.

К числу связывающих принципов можно отнести: 1) интенционализм; 2) текстуальность; 3) доктрину пределов усмотрения и 4) доктрину четвертой инстанции.

Принцип интенционализма означает учет намерений договаривающихся Сторон в момент составления Конвенции, сводится к установлению юрисдикции государства и позволяет исключить применение всех других принципов интерпретации. По свидетельствам практиков, в данное время данный принцип применяется редко. Однако в случаях, когда он был применен, наблюдается неоднозначность судебной интерпретации. Так, в деле *Банкович и другие против Бельгии и других* (2007 г.) о гибели мирных граждан в результате бомбардировки Белграда странами НАТО именно на основе вышеуказанного принципа было вынесено решение об отсутствии нарушений статей Европейской Конвенции по мотивам того, что государства-члены НАТО не имели юрисдикции над данной территорией. В то же время позднее по другим делам — в частности, по делу *Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства* (2011 г.) — в случае с гибелью гражданских лиц в Ираке во время военной операции, проводившейся Великобританией, Большая Палата Европейского Суда установила факт нарушений в связи с отсутствием расследования данных преступлений. При этом каждый раз были использованы понятия «власть» и «эффективный контроль», возможность осуществления которых оценивалась Европейским Судом различным образом [1].

4. *Дуализм правовой интерпретации.* Особый интерес в контексте связывающих принципов представляет доктрина пределов усмотрения, само звучание которой предполагает проведение четкой демаркационной линии между тем, что вправе государства устанавливать на местном уровне, и тем,

что является настолько фундаментальным, что требует единообразного отношения государств независимо от различий в традициях и культуре. По сути, именно данный принцип интерпретации должен формировать то, что являлось бы традицией или концептом прав человека. Однако фактическая вариативность интерпретации Европейского Суда даже на основе данного принципа, скорее, утверждает обратное. Суд может признать определенный объем пределов усмотрения за самим государством, но нет никаких закономерностей определения этого объема в конкретном случае.

Одним из ярких примеров является дело Лаутси и другие против Италии (2011), в котором заявители — мусульмане и атеисты — указывали на нарушение их прав на свободу мысли, слова и вероисповедания, а также права на образование действиями итальянского государства по размещению католических распятий в государственных школах Италии. Характерно, что единства интерпретации норм и принципов по данному делу не было даже в самом Европейском Суде, когда изначально принятое решение было в дальнейшем пересмотрено Большой Палатой. Первоначально по жалобе заявителей было принято решение о наличии в действиях государства нарушений положений Европейской Конвенции. В частности, было (достаточно справедливо и в духе европейского концепта прав человека) указано на то, что нарушается нейтралитет при осуществлении функций публичной власти в сфере образования, необоснованный приоритет католического распятия не способствует образовательному плюрализму и нарушает права родителей на воспитание детей в определенной вере или в духе атеизма. Однако после обращения итальянских властей с жалобой на вынесенное решение Большая Палата Европейского Суда дала совершенно иную интерпретацию обстоятельствам дела, признав отсутствие нарушений статей Европейской Конвенции. Среди основных аргументов были: 1) нарушение принципа нейтральности при установлении необоснованного приоритета светских начал в образовательной сфере; 2) негативный характер воздействия на общество и образовательный процесс удаления распятий из школьных классов; 3) признание за государством право на сохранение культурной идентичности. Фактически Европейский Суд согласился с аргументами государства о том, что распятие является не столько религиозным, сколько историческим и культурным символом Италии (что само по себе весьма спорно). Также Суд принципиально различным образом интерпретировал один и тот же объект (католическое распятие) как «влиятельный внешний символ» — в первом случае, и как «пассивный религиозный символ», влияние которого совершенно незначительно по сравнению с речевым воздействием или участием в религиозной деятельности, — во втором [8]. Совершенно очевидно, при интерпретации Большой Палатой был принят во внимание культурологический внутригосударственный аспект, что само по себе нельзя оценить негативно, поскольку католические распятия действительно являются традиционным символом Италии и вопрос об их устранении из помещений классов был весьма болезненно воспринят итальянским обществом. Однако с точки зрения нейтрального концепта прав человека, в духе которого создавать единые и универсальные модели правового регулирования независимо от исторических особенностей, учет культурологического религиозного контекста является не вполне уместным. Таким образом, вышеизложенный пример свидетельствует о приоритете, отданном общему благу по отношению к частному. Но в то же время следует заметить, что это уступка скорее обществу, чем государству, которое в данном деле выполняло функции представителя итальянского общества.

Заключение

По итогам рассмотрения примеров того, что можно было бы отнести к современной европейской традиции правовой интерпретации, приходится признать, что термин традиция может быть использован в данном контексте, скорее, как традиция восприятия права, отношение к его ценностям, но не как традиция интерпретации в собственном смысле слова. Как показывает практика, даже традиция прав человека (достояние европейской цивилизации) не всегда соблюдается в той степени, в которой, вероятно, это было бы уместно. По нашему мнению, термин «традиция» в принципе сложно ассоциировать с таким подвижным, «живым» феноменом как интерпретация права. Правовые нормы получают свою реализацию через интерпретацию, и тот факт, что эта реализация каждый раз происходит в условиях весьма изменчивых обстоятельств общественной жизни, не позволяет задать ей раз и навсегда определенные пределы. Интерпретация поддерживает динамику правовой нормы, а ее результаты могут быть скорректированы в положительную сторону, скорее, повышением уровня правовой культуры интерпретаторов, нежели чем установлением пределов и правил.

Библиографический список

1. *Бхавнани Ш.* ЕСПЧ расширяет сферу применения Конвенции за пределы стран Европы // Бюллетень ЕНРАС. 2011. Вып. 2 (9). URL: <https://ru.ehrac.org.uk/wp-content/uploads/2014/11/EHRAC-Bulletin-16-RUS.pdf> (дата обращения: 22.10.2021).
2. Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23.05.1969 г.) // Ведомости ВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.1.
3. *Де Сальвиа М.* Европейская конвенция по правам человека. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 310 с.
4. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
5. *Малиновская Н. В.* Интерпретация в праве. М.: Проспект, 2011. 184 с.
6. *Покровский И. А.* История римского права. Петроград: Издание Юридического книжного склада «Право», 1918. 430 с.
7. *Стоянов А.* Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Харьков: Типография Чеховского и Зарина, 1862. 276 с.
8. *Сырунина Т. М.* Лаутси и другие против Италии. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 18 марта 2011 года // Международное правосудие. 2012. № 1. С. 20—24.
9. *Marochini M.* The interpretation of the European Convention of Human Rights // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. 1/2014. Str. 63—84. URL: <https://hrcaj.srce.hr/file/171985> (дата обращения: 20.10.2021).

Сведения об авторе / Information about the author

Малиновская Наталья Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, ilbas@mail.ru

Malinovskaia Natalia Vladimirovna — Candidate of Law, Associate Professor, Voronezh State University, Voronezh, Russia, ilbas@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Серия «Естественные, общественные науки»

---

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде в формате RTF по адресу: publisher@ivanovo.ac.ru

2. Требования к оформлению материалов.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами), выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman (основной текст — кегль 11; аннотация, ключевые слова, таблицы, подписи к рисункам, сноски, библиографический список — кегль 10). Формат А4, поля: верхнее — 2,7 см, нижнее — 4,6 см, левое и правое — 4 см.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на *русском и английском языках*: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова**; **текст статьи**.

Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в квадратных скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

Фотографии и рисунки, прилагаемые к статье, должны быть контрастными, четкими.

В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, ученую степень, звание, должность, место работы, электронный адрес.

Материалы, не отвечающие предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются

3. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

4. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

Сетевое издание

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Естественные, общественные науки»
2022. Вып. 1

Издается в авторской редакции

директор издательства *Л. В. Михеева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 20.06.2022 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 13,6.

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru